

КИМ ШМОНОВ

УПАВШИЙ ЛИСТ

ВЗЛЕТЕЛ

НА ВЕТКУ

ХРОНИКИ ОТРАВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ким Шмонов

УПАВШИЙ ЛИСТ ВЗЛЕТЕЛ НА ВЕТКУ. ХРОНИКИ ОТРАВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164355

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда видишь, как упавший лист взлетает на ветку, хочется протереть глаза. Что это, шутник-киномеханик решил прокрутить пленку назад? Или может законы физики поломались? Нет... Восходящие потоки воздуха подняли его и поставили на место. А может быть это и есть чудо? Не обращение времени вспять, а именно это... Такое точно выверенное, невероятное сплетение обстоятельств, когда все становится так, как должно быть. Не наилучшее ли это решение? Ведь сослагательного наклонения на самом деле нет... Что произошло, то произошло... Персонажи книги, попав в лапы автора и став жертвами его мысленного эксперимента, попадают в различные ситуации. Кто-то посчитает их странными, а кто-то вполне закономерными... Могли ли они поступить иначе? Неужели все предопределено, даже не из-за фатальности обстоятельств, а просто потому, что узкое, заскорузлое сознание, как за соломинку, хватается за первую попавшуюся возможность? Или у нас еще есть шанс? Шанс что-то изменить...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Не место красит человека.	7
Глава 1. Нагорный. Опоссумы и бизоны.	7
Глава 2. Лютый. Решительность и напор	21
Глава 3. Нагорный. Куда ты прешься, господи!?	30
Глава 4. Лютый. Дело благородное.	42
Глава 5. Нагорный. Мгновенное озверение.	50
Глава 6. Лютый. Банан в ухе.	58
Глава 7. Нагорный. Полнейший амбец.	65
Глава 8. Лютый. Самый дерьмовый косяк в жизни.	73
Глава 9. Нагорный. ОБЭХАЭС.	79
Глава 10. Лютый. Очередная попытка.	87
Глава 11. Нагорный. Свобода выбора.	95
Глава 12. Лютый. Свобода от выбора.	103
Глава 13. Нагорный. Теория и практика.	110
Глава 14. Лютый. Когда наступит завтра.	117
Глава 15. Нагорный. Кто кого.	122
Глава 16. Лютый. За горизонт с чистой совестью.	130
Часть 2. Как было, так и будет.	135
Глава 17. Нагорный. Пассажир теплохода «Александр Матросов».	135

Глава 18. Горыныч. Танцы и все такое прочее.	142
Глава 19. Нагорный. Первый шаг.	148
Глава 20. Горыныч. Homo subito mortalіs est.	157
Глава 21. Нагорный. И еще кое-что обо мне.	169
Глава	179
Глава 23. Нагорный. Отряд «Искатель».	185
Глава 24. Горыныч. Не мести ради...	192
Глава 25. Нагорный. Человеку свойственно быть дерьмом.	198
Глава 26. Горыныч. ... а справедливости для.	206
Глава 27. Нагорный. Анархия баранов.	212
Глава 28. Горыныч. Неожиданные союзники.	218
Глава 29. Нагорный. Сантиметр свободы.	224
Глава 30. Горыныч. "Finita la commedia".	232
Глава 31. Нагорный. От себя не убежать.	240
Глава 32. Горыныч. Вот теперь уже действительно "Finita la commedia".	247
Часть 3. Еще один путь в никуда.	252
Глава 33. Нагорный. Мой хлеб с маслом.	252
Глава 34. Шон. Совершенно иной уровень дерьма.	260
Глава 35. Нагорный. Дядя Ибрагим.	268
Глава 36. Шон. Придурки, бя.	276
Глава 37. Нагорный. Не очень точная моя копия.	283
Глава 38. Шон. Маленькая дружеская	289

просьба.

Глава 39. Нагорный. Тени прошлого.	295
Глава 40. Шон. Бабы и дурь.	301
Глава 41. Нагорный. Разница менталитетов.	308
Глава 42. Шон. Разбираться, так разбираться.	315
Глава 43. Нагорный. Крушение надежд.	322
Глава 44. Шон. Никаких сафари.	328
Глава 45. Нагорный. «Немезида» в действии.	334
Глава 46. Шон. Крошево.	339
Глава 47. Нагорный. Дорога иного сорта.	345
Глава 48. Шон. И это еще не конец.	352

Ким Шмонов

УПАВШИЙ ЛИСТ ВЗЛЕТЕЛ НА ВЕТКУ. ХРОНИКИ ОТРАВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ

Часть 1. Не место красит человека.

Глава 1. Нагорный. Опоссумы и бизоны.

Постмодерн – это хрен, завернутый в полиэтилен...

Надпись на парте в кабинете кафедры литературоведения

Я двигался через площадь Ленина.

На территории огромной страны, занимавшей две пятых территории крупнейшего континента, и, как говорят в учебниках, одну шестую часть всей обитаемой суши, которая по своим размерам за всю известную историю уступала лишь Британской короне и Империи Чингис-Хана, в каждом мало-мальски значимом городе была площадь Ленина. Или по

крайней мере, улица Ленина.

Город, в котором я жил, не был исключением. Скорее наоборот. В нем была и площадь Ленина, и улица Ленина.

Город, в котором я жил, был провинциальным.

Обычно провинциальные города называют городом Н. Такова традиция. Но я не сторонник традиций. Наш город можно было бы назвать городом Б. Потому что город этот назывался Безымянск.

Итак, я двигался через площадь Ленина города Безымянска. На площади стоял памятник всегда живому и вечно молодому вождю мирового пролетариата, потрепанный перестроечными сдвигами и слегка загаженный голубями, но все еще не потерявший своей актуальности. Его рука, как и прежде, указывала куда-то вдаль.

На постаменте была видна тусклая надпись

В.И. ЛЕНИН

Я обогнул памятник и пошел дальше, чуть левее того направления, куда указывала рука Ильича. Был я обыкновенным советским гражданином, не имел на себе никаких надписей, а также не имел при себе ни партбилета, ни других прочих, так называемых «корочек», красного или иного цвета, с гербами на обложках или без оных.

Имел я при себе только паспорт гражданина СССР, но это практически ничего не значило.

Двигался я на работу. Я, как и всякий обыкновенный, то бишь стандартный, гражданин СССР, каждый будний день

(а иногда и в субботу) должен был ходить на работу. Правда, не с восьми ноль-ноль до пятнадцати минут шестого, как другие советские граждане, а по-разному. По-разному, так как мое рабочее время зависело от расписания, а зависело оно от расписания, так как я работал учителем.

Работал я учителем русского языка и литературы в одной из школ города Безымянска.

В одной из самых трудных и неблагополучных школ...

Да, кстати, я так и не представился.

Зовут меня Александр. Александр Сергеевич... Александр Сергеевич Нагорный.

Получилось так, что я оказался учителем в этой школе.

Однажды, достаточно давно, я выучился на педагога, и так случилось, что когда-то я получил несколько черных пятен на своей биографии, посему работа даже в такой сложной школе, как эта, была для меня несказанной удачей. Текучка кадров и жесткий педагогический кризис были мне на руку. Ну а школа, со своей стороны, получила достаточно нестандартного (уж простите за нескромность) сотрудника в моем лице, что, конечно, пошло бы всем на пользу, ну, или, возможно, уже пошло...

Была ли эта школа всегда сложной, или стала такой в силу каких-то неясных обстоятельств, я не знаю. По крайней мере, осознание этого факта для меня лично пришло постепенно. В конце концов, можно было поверить в чудо, когда директор школы, не спрашивая о том, почему в моей трудовой

книжке имеются пробелы по несколько лет, сразу же вписал меня в приказ, или хотя бы, посчитать его старым маразматиком, но достаточно богатый жизненный мой опыт всегда говорил мне, что чудес в жизни не бывает, и я все более отчетливо чувствовал подвох.

Осознание пришло постепенно... Табачный дым коромыслом в туалетах, странные сборища в школьном дворе, драки на переменах и после уроков... А вот этот милый малыш что-то там сказал такое нецензурное, или мне, черт подери, послышалось?!

Постепенно я понял, что все мы в одной лодке, которую трясет и болтает самым безжалостным образом, и которая вот-вот пойдет ко дну, но пока не тонет... Хотя нет... Все мы в заднице, в одной большой, просто огромной заднице...

Каждый день можно было радоваться тому, что день прошел нормально, никто не убит и не ранен, а если даже и ранен, то не тяжело... Классические педагогические приемы не работали, и для многих учеников цель закончить школу вообще ушла из базовой системы ценностей, как таковая. Она оказалась где-то на задворках подсознания, как некая данность, с которой приходится мириться, пока она не сильно мешает. Поэтому и надо было выдумывать свои приемы, далеко не классические, чем я, собственно, последние несколько лет и занимался.

Некоторые учителя пытались бороться со злом силовыми методами, далеко не всегда представляя истинное соотноше-

ние сил. Например, Петр Иванович имел в своем кабинете спрятанный за доской длинный резиновый шланг. Когда терпение его иссякало, и он был возмущен безобразным поведением учеников, он хватал этот шланг, и, весь красный, размахивал им перед чьим-нибудь носом.

– Я вам покажу сейчас!! Смотрите, что у меня есть! А!!? Видали? – орал он обычно в таких случаях.

Иной раз даже по парте стучал. Вот так вот...

Была еще Анна Никаноровна. Она легко обходилась без шлангов и прочих подручных средств. Она, довольно крупная женщина, причем, крупная женщина со сложным характером, могла запросто схватить отдельно взятого хулигана за уши, поднять его на полметра над землей и хорошенько потрясти.

А вот у меня почти всегда с собой в кармане был небольшой сапожный молоток. Это очень хорошее подручное средство. С ним я всегда чувствовал себя увереннее.

Когда приходится конфликтовать с пьяными, сильными, крупными, неадекватными, вооруженными людьми, которых к тому же больше, чем один, инструмент этот воистину незаменим. Он позволяет легко справиться с конфликтом без совершенного владения техниками кунг-фу и нейролингвистического программирования. Надо лишь несильно ударить им по пальцам или любой другой находящейся на расстоянии вытянутой руки части тела, которая не является жизненно важной, и конфликт решается относительно легко.

Да и в милиции потом проще объяснятся. Гораздо проще, чем, например, в том случае, когда у тебя в кармане нож или кастет.

– Да, я сапожник.

– Сапожник?!

– Сапожник-сапожник...

– Пойдите, но вы же пять минут назад говорили, что вы учитель!

– Это я по профессии учитель, а в душе я – сапожник.

Да я и вообще, не терплю хаоса и беспорядка, знаете ли...

В широком смысле этих слов...

Но, бить детей молотком по пальцам – этого, конечно, я никогда делать не буду. Но, что бы вы мне ни говорили, несравненно легче сеять все разумное, доброе и вечное, если тебя считают злым, опасным человеком. Совершенно нет никакой нужды подставлять левую щеку, когда тебя ударяют по правой. Ах, система Макаренко, вы говорите? Да, между прочим, у Макаренко в ящике стола лежал наган. А вот у меня – молоток...

Хотя, на самом деле, добрый я человек... Очень добрый... Но злить меня не стоит... На всякий случай... Все-таки есть, есть у меня скелетики в шкафу. Не спорю. Но об этом позже.

Тем временем, большая часть педагогов нашей школы была уверена в силе своих педагогических методов и продолжала настойчиво их внедрять и применять, несмотря на разбитые окна, испорченную одежду и гвозди в заднице. Суть этих

методов обычно сводилась к высокопарным речам с высоко поднятым вверх указательным пальцем и невозмутимой миной строителя коммунизма. С точки зрения школьных хулиганов, это было прикольно. Еще прикольнее было довести учителя до истерики.

К высшей педагогической мудрости относилось полное игнорирование хулиганских выходок. Ведь жертва, которая перестала сопротивляться, уже не интересна, это факт. Не так уж и сложно выдержать насмешки, дикий смех, летящие со всех сторон огрызки, и даже прицельный выстрел из рогатки в упор. Да, кстати, почему бы сразу не притвориться мертвым? Вот, например, опоссум... В случае опасности это животное притворяется мертвым настолько естественно, что даже воняет соответственно. Вы его можете швырять куда хотите, пинать ногами, топтать – ноль реакции. Вот как-то так – схватился за сердце, упал, все, – отстаньте, у меня сердечный приступ, я умер... Опасность прошла – встал, отряхнулся, пошел дальше.

Но мне опоссумы, честно говоря, совершенно не симпатичны. Меня больше впечатляют такие животные, как, скажем, бизон. Он не хищник, но и жертвой никогда не был, по крайней мере, до тех пор, пока не пришли люди и не начали за ним охотиться. Я почти такой же, как бизон... Простой, медлительный, рогатый, жвачный, парнокопытный. Но попробуйте меня разозлить... Честное слово вам говорю, не стоит.

По-моему, некоторые вещи игнорировать нельзя. Прогнорировали раз, проигнорировали другой – думаете, успокоилось дитя? А вот и хрен вам, товарищи педагоги! Дитя ищет новых развлечений, все более дерзких и опасных, и вместе с этим, все больше и больше растет чувство безнаказанности. И вот, обалдев от очередной, неизмеримо наглой выходки, вы встаете с указками наперевес и говорите, что на сей раз ваше терпение, наконец, лопнуло, но уже поздно. Поздно, дорогие мои... Все... Вы одни в чистом поле, без армии и оружия, а кругом на сотни верст одни только враги. И сейчас вас начнут побивать камнями...

Хотя и детей-то понять можно. Мы настолько переусердствовали с промыванием мозгов, что они и так уже все поняли. Без нас.

И первая заповедь, которую они усвоили – это заповедь: «Не верь!». Не верь никому, особенно если он говорит что-то разумное, понятное и логичное. Ведь, если кто-то говорит что-то разумное, понятное и логичное, то даже дураку понятно, что врет. Потому что никакая реальная вещь в жизни не бывает разумной, понятной и логичной.

А вот, кстати, я и пришел. Это наша школа. Стандартная такая школа, трехэтажная, из какого-то непонятного серого кирпича, на стене которой уже самым настоящим, красным, керамическим кирпичом была выложена надпись

СЛАВА КПСС!

Я вошел внутрь, поднялся по лестнице на второй этаж, за-

шел в учительскую, снял с себя плащ, и повесил его в шкаф на вешалку. До начала занятий оставалось еще минут пятнадцать, и я решил, что следует немного взбодриться и сделать себе кофе. Работа моя требовала быстроты реакции и способности импровизировать, если я, конечно, не хотел уйти домой с порванными штанами.

В учительской сидели две юных дамы, так называемые молодые специалисты. Из тех, что обычно полны энтузиазма и надежд, но напрочь выпадают из реальности. Словно светские дамы девятнадцатого века, они вполне могли упасть в обморок, услышав от кого-нибудь слово «задница».

Я их поприветствовал, достаточно сердечно и искренне, но они косо глянули на меня и начали собираться. Нет, что вы, сидите, сидите... Как вас там? Не помню... Ах, ну да ладно, идите с Богом...

Я высыпал в кружку кофе, залил кипятком, и ароматный запах разлился по помещению. Затем я подождал несколько минут, пока напиток настоится, взял в руки кружку и, сделав хороший глоток, подошел к окну.

Я поставил кружку на стол, открыл тяжелую оконную раму, и свежесть весеннего утра проникла внутрь.

Почему-то я не ощущал этой свежести, когда шел по улице. Только тогда, когда я оказался здесь, среди унылых стен, я неожиданно понял, насколько это ценно для меня – ее почувствовать. С улицы тянуло цветущим жасмином. Я снова отхлебнул из кружки и высунулся по пояс в окно. Внизу од-

народной массой шли дети. Почему же они такие унылые? Это же дети, они должны прыгать, бегать, радоваться жизни.

Мне вдруг захотелось с этим что-то сделать, и я, помахав им рукой, крикнул:

– Эге-гей! Земля на горизонте!

Некоторые из них подняли головы, посмотрели на меня и, втянув шеи, словно от холода, пошли дальше. Один рыжий мальчишка посмотрел на меня и, крикнув: «Ну и дурак!», побежал за угол.

За спиной у меня появилась Елена Петровна, заместитель директора по учебной работе, и озабочено спросила:

– Что там у вас такое, Нагорный?

– Все нормально. Просто хорошее утро.

Она посмотрела в окно через мое плечо и, пренебрежительно хмыкнув, удалилась с прижатыми к груди журналом и указкой.

Допив кофе, я пошел на урок.

Когда я вошел в класс, по рядам пронесся шорох, и все вскочили по стойке «смирно». Ничего подозрительного, но, тем не менее, бдительности терять не стоит.

Здравствуйте, здравствуйте. Садитесь, садитесь.

Тема нашего урока – Пушкин. Снова Пушкин? Ай да Пушкин!

Что вы, кстати, думаете о Пушкине? Вот уж, действительно, сукин сын...

Хотя ладно, к черту Пушкина. Жил он в прошлом веке, а

мы с вами живем в нынешнем. Давайте лучше поговорим о весне. Что вы, кстати, думаете о весне?

Но почему же вы молчите? Вам нечего сказать о весне?

Ладно, тогда будь по-вашему, давайте говорить о Пушкине.

Потом я зарядил тираду минут на пятнадцать о гении Пушкина, о том, как тяжело быть гением в своем отечестве, о том, как он перестал равняться на Шекспира, и как он семь лет писал «Евгения Онегина».

Неожиданно с задней парты раздался какой-то вскрик. Краем глаза я заметил резкое движение и, как бы невзначай, прохаживаясь по классу со сложенными за спиной руками, повернул в ту сторону.

Ну конечно же, это Симакин. А кто же еще?

– Симакин, вы почему не любите Пушкина?

– Я это...

– Вы случайно не расист?

– Я? Нет... Я его это... Обожаю.

– В каком смысле, Симакин?

– Ну это... Творчество там, стихи.

– Ну раз так, Симакин, так уж и быть, пойду вам на встречу. Дам возможность пострадать за Пушкина. Поставлю два.

– За что, Александр Сергеич?!

– Я ж сказал, за Пушкина. Гордитесь.

Слева кто-то хохотнул. Затем справа. И вот уже со всех сторон понеслись смешки, сдавленные и не очень, которые

потом слились в один дружный приступ хохота.

Симакин, весь пунцово-красный, сидел и, криво улыбаясь, озирался по сторонам.

Я вернулся на место и продолжил свою прерванную речь. Дойдя до неоспоримой лепты, которую внес мой тезка в формирование литературного русского языка, я предложил классу оценить это мнение на собственном опыте и прочитать очередную главу из «Евгения Онегина».

Ученики стали открывать книги, зашуршали перелистываемые страницы, а потом воцарилась тишина.

Вот за такие моменты я и люблю свою работу. Моменты, когда можно отстраниться и понаблюдать.

Читали, правда, не все, но мне было уже все равно. Я, конечно, могу их отругать, поставить два, выгнать из класса, выставить посмешищем, как того же Симакина. Но заставить полюбить Пушкина, я, увы, не могу. Как и Булгакова, Набокова, Достоевского.

Зачем тринадцати-четырнадцати-пятнадцатилетним Булгаков, Набоков и Достоевский? По крайней мере, чтобы знать, что они были. Чтобы потом, в тридцать, тридцать пять, сорок, когда уже жизнь побьет, вспомнить. Вспомнить и понять. Понять, что это сильно. И Булгаков –сильно, и Набоков, и Достоевский...

А ведь есть еще Приставкин, Рыбаков, Замятин...

Я посмотрел в окно, на этот школьный двор со спортивной площадкой... Дальше идут мастерские, а за ними ка-

кие-то гаражи, забор. На заборе надписи, разные: матерные и не очень, короткие и длинные, со смыслом и без него, с восклицательными знаками и совсем без знаков препинания, о любви, о футболе, о людях.

Они все время появляются, но никогда не исчезают. Никому нет дела до этого забора, его никогда не красили, и вряд ли покрасят ближайшие лет двадцать.

Сколько я тут работаю, я их вижу. Они, как годовые кольца.

Тут я заметил, что за гаражами была какая-то возня... Похоже, что трое били одного. Точнее один – высокий дылда, схватил парнишку за воротник и бил ботинками по ногам, а двое других просто стояли рядом и смотрели.

Да, есть хищники, есть жертвы – с этим ничего не поделать, закон природы... Хищники обычно сбиваются в стаи, и кто-то из них даже считается санитаром леса.

К гаражам, прихрамывая, двигался учитель труда. В правой руке он сжимал длинную металлическую линейку.

Вдруг за моей спиной со скрипом отворилась дверь. Я повернулся и увидел в проеме синюшно-красное лицо с характерным профилем. Не то загар, не то вечное похмелье, не то перманентный предынфаркт... Это наш многоуважаемый директор. Очень громким шепотом, так, что Симакин аж вздрогнул, он произнес:

– Александр Сергеевич, зайдите ко мне после урока.

Я на цыпочках подбежал к нему и тихо спросил:

– Что-то случилось?

Несмотря на то, что я стоял совсем близко, он ответил так же громко, со зловещим присвистом:

– Пока нет. Но вы все-таки зайдите.

Глава 2. Лютый.

Решительность и напор

Не числом, а умением.

А.В.Суворов

Ночные улицы всегда таят в себе опасность. Тишина их обманчива. Бывает, идешь себе в ночной тиши, словно плывешь, дышишь воздухом, ни о чем не беспокоишься, думаешь о том, о сем, но вот поворачиваешь за угол и все... Приключений искать уже не надо, они тебя сами нашли.

- Здарова, чертила!
- Закурить дай.
- Из какого района?
- Кого знаешь?
- Сам-то кто по жизни?

Вариантов завязки – великое множество. Вопрос развития фабулы сводится обычно к тому, получит ли кто-нибудь по соплям или дело обойдется, как это в те времена говорили, «чисто базаром».

Исход событий определялся многими факторами. И самый важный из них – реакция того, кто оказался в эпицентре событий.

Самое простое, что можно было сделать – это с выражением лица, отдаленно напоминавшим кирпич керамический

обыкновенный или, в крайнем случае, полуторный, сказать, что-нибудь в меру дерзкое, например:

– Фублянах...

Или:

– Здоровей видали!

Или:

– Да вы охренеете!

При этом важно было произносить эти слова на ходу, как бы мимоходом, проходя бодрым спортивным шагом, не вынимая рук из карманов, желательно запустив феерический касательный двухметровый плевок куда-нибудь в кусты сбоку.

– Чё?! ЭЭЭ!! А ну иди сюда! Ай ну да ладно... Не тот...

Те, кто был в теме, могли усилить градус дерзости:

– Фильтруй базар, папаша!

Или:

– Сам ты чертила! А я пацан правильный.

Однако, не стоило перегибать палку, оскорбляя личное достоинство вопрошающих, ставя под сомнение их морально-этические качества и сексуальную ориентацию. В этом случае инцидент мог перерасти в затяжной конфликт с драками, погонями и поножовщиной, и эти самые события могли привести куда угодно, в том числе в милицию, в больницу и, даже, в морг.

Ни в коем случае не следовало использовать такие устаревшие словесные выражения, как:

– Добрый вечер!

Или:

– Не курю, и вам не советую...

Или:

– Вы почему так поздно гуляете без родителей?

Или:

– Что, простите?

Это сразу выдавало человека нерешительного, так называемого «лоха», и тогда мог начаться такой процесс, как этого самого лоха так называемый «гон». Лоха в этом случае гнали, то есть сопровождали через весь район, подгоняя пинками, подзатыльниками, плевками, обидными словами, тем самым провоцируя на драку. Если драка случалась, она, как правило, была скоротечной, после нее компания получала свой адреналин, а лох, если у него хватало ума не геройствовать, получал нетяжкие телесные повреждения и отправлялся восвояси. Если же драки добиться так и не удавалось, лоха провожали прямо до самого дома, где и грабили в подъезде под дверями собственной квартиры.

Правда, бывали случаи, когда, после фразы: «Что, простите?», человек лез в карман, и давал прикурить особо изголодавшимся прямо из «Люгера».

Можно было, конечно, сделать что-нибудь неожиданное, начисто порвав, таким образом, шаблон у нападавших и поломав все правила игры.

Например, с криком «Атас, менты!» ринутся в ближай-

шие кусты.

Или ринутся в кусты, предварительно испугав противников криком: «Ваши документы, быстро!», или «Стой! Ни с места! Стрелять буду!». Правда, так поступать следовало, если не планируешь появляться в этом районе, по крайней мере, ближайших лет пять.

И вот, как-то раз, один юноша оказался ночью на улице в чужом районе. Юноша этот был рослый и плечистый, и почти все, кто его знал, знали его по кличке «Лютый». Настроение у Лютого нынче было паршивое, он долго бродил по городу, уже стемнело, и он забрел достаточно далеко. Район был для него незнакомый, но Лютый был таким человеком, который никого и ничего в жизни не боялся. То есть, почти никого...

Папа Лютого был единственным человеком, которого Лютый страшился по-настоящему. Он работал в очень серьезной организации и был человеком весьма своеобразным и решительным. Кроме того, он в одиночку воспитал и вырастил сына. Мать свою Лютый не помнил и ничего о ней знал. Папа почти никогда не говорил о ней, а когда все же заходила речь, он слегка приобнимал Лютого за плечи и говорил: – Когда вырастешь, ты все поймешь, сын...

Сына своего он так и называл: «Сын».

При разговоре с другими Лютый называл своего папу: «Папа». Никаких там «предков», «отцов», «стариков», «ба-тянь» и тому подобного, Только «Папа». При чем с явным

пиететом, что в письменной речи может быть передано, как Папа с большой буквы.

Когда Папа смотрел в упор своими бесцветными, ничего не выражающими глазами, Лютый чувствовал, как у него по спине ползут мурашки.

Папа вполне мог, как с точки зрения своих возможностей, так и с морально-психологической точки зрения, отправить сына служить куда-нибудь на Землю Франца-Иосифа, на самую северную в мире пограничную заставу «Нагурское».

Служба в армии не входила у Лютого в планы на ближайшее будущее, и когда начались призывы, он искренне пытался откосить. Были снимки стопы в двух проекциях, во время которых Лютый держал в руках по двухпудовой гире. Была кардиограмма после двух чашек крепкого кофе, выкуренной половины пачки сигарет и физической нагрузки в виде бега по лестнице на пятый этаж и обратно.

Все было плохо. Плохо в том смысле, что очень хорошо. С таким здоровьем хоть в космонавты. Еле оклемавшись от экспериментов над собственным телом, Лютый пошел в военкомат, и уже там, в туалете, выкурив очередную сигарету, и бросив в урну окурки, он вдруг неожиданно поднял крышку унитаза и, присев рядом, схватился пальцами за ободок, расположив руку поперек чаши, и решительно сказал стоявшему рядом долговязому парню:

– Прыгай!

– Чего?!

– Прыгай, говорю, ломай руку.

Парень пожал плечами, подтянулся повыше на стенках кабинки, и... Лютый закусил воротник, чтобы не заорать. Но он не заорал, так как заорал долговязый. Тот промахнулся, и нога его оказалась глубоко в сливе унитаза.

А потом как-то сам собой появился военный билет с ничего не говорящим номером статьи закона с пунктами и подпунктами, и состоялся серьезный разговор с Папой. О жизни и о планах на будущее.

– Папа, я что, теперь псих? – недоуменно тогда спрашивал Лютый.

– Ну почему сразу псих? – отвечал Папа – Просто человек с некоторыми особенностями, которому, образно говоря, нежелательно контактировать с оружием, и другими вещами подобными...

А потом оказалось, что его планы на будущее, что спорт, что техника – это все несерьезно, а серьезно – это новая специальность «Экономика народного хозяйства в условиях рынка», и надо ехать поступать в другой город. Это большой, крупный город, можно сказать мегаполис, не то, что наш Безымянск. Наш Безымянск, это, если честно никакой не Безымянск, а самый настоящий Мухосранск. А там – престижно, круто, за этим будущее, и надо успеть влезть в этот первый и последний поезд, поезд в новую жизнь, Сын.

И, как-то между прочим, поставив перед фактом, он укатил на ночь глядя в очередную свою командировку. Не то на

какой-то сверхсекретный объект за Уралом, не то в дружественную страну в Центральной Африке.

И как-то грустно стало Лютому после всего этого, и пошел он бродить по городу, пытаясь понять повороты своей судьбы и смысл существования. Закадычный его друг, именно тот, который ему сейчас больше всего был нужен, Бротхер (или просто Бро, как его часто называли) в настоящее время отсутствовал по всем известным адресам и телефонам. Мутил, наверное, с какой-нибудь околосистемной телкой, или сидел в ночную смену на какой-нибудь из своих странных мест работы. Поэтому Лютый бесцельно шатался уже несколько часов подряд, то ли в поисках внезапного озарения, то ли в поисках приключений на свою задницу.

Уже было за полночь, а Лютый все вышагивал по малоизвестным улочкам. Ночь была тихая и теплая, и идти домой в пустую квартиру совершенно не хотелось.

Так бы он и бродил дальше, но тут его окликнули.

– Слышь друг, угости сигаретой...

Где-то сбоку появилась тень какого-то шкета.

Лютый посмотрел на тень, и ответил:

– Отвечаю, последнюю скурил, – ответил грамотно, причем, совершенно искренне.

– А если поискать? – настаивала тень. И тут Лютый заметил, что из-за кустов появились еще двое: худой, длинный, как шпала, и коренастый здоровяк.

«Не люблю драться!» подумал Лютый. Драться он дей-

ствительно не любил – в том смысле, который подразумевал обмен тумаками, а потом долгое сопение вобнимку на земле с порванными штанами, выбитыми зубами и рассеченными бровями. Своих обидчиков он бил, быстро, жестко и эффективно.

Бил так, как его этому учила жизнь, а также Папина методичка, которую он иногда читал. Методичка была достаточно старой, предназначенной, наверное, еще для сотрудников СМЕРШа, и рекомендовала вместо сопливой возни оглушать противника ладонями по ушам, выкручивать локтевые суставы и бить в переносицу рукояткой револьвера. Револьвера у Лютого не было, но с другими опциями Лютый справлялся вполне успешно: бил в кадыки, выбивал колени и до зловещего хруста выкручивал пальцы.

– Поищи, если здоровья много... – ответил Лютый, оценив ситуацию.

– Чё, борзый?! – резко ответил ему коренастый и попер на Лютого, как танк. Вместо того, чтобы с ним вязаться – такого все равно хрен свалишь – Лютый ушел в сторону, совершенно неожиданно повернулся к долговязому и напал на него, налетел с градом ударов, оттолкнул и вновь нагнал, пробив в конце концов в солнечное сплетение, отчего долговязый согнулся пополам, а затем присел, и оказавшись в таком невыгодном положении, получил коленом в нос и укатился в кусты.

Лютый развернулся. В нескольких шагах находился коре-

настый. Тот кинулся к Лютому, выставив вперед руки. Но Лютый стал его окучивать ногами по бедрам, коленям, лодыжкам. Коренастый сопел, матюгался, даже пытался отрываться, но настырно лез вперед, и, когда он остановился, опустив руки, чтобы поправить съехавшие вниз штаны, Лютый, улучив момент, выпрямился как пружина и длинным апперкотом заставил его отлететь, сверкнув начищенными ботинками где-то на высоте полутора метров, на ближайшую лавочку.

Откуда ни возьмись появившийся шкет повис у Лютого на плечах, но тот не растерялся, и схватив шкета за ноги, посадил его к себе повыше на спину и прямо так, как и стоял, завалился спиной на асфальт, подставляя шкета под удар.

Шкет, оказавшийся словно между молотом и наковальней, разжал руки, и, саданувшись затылком, потерял сознание.

Лютый мигом вскочил на ноги и осмотрелся. Шкет неподвижно лежал на асфальте, запрокинув голову. Где-то в кустах стонал долговязый.

– Ух ты сука, бля... Рукаааа! – орал коренастый, выползая из-под обломков лавочки.

Лютый, не мешкая, пошел дальше своей дорогой. Пройдя метров десять, он обернулся, и глядя в темноту, сказал:

– Ну вы это, извините, если чё.

Глава 3. Нагорный. Куда ты прешься, господи!?

Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою.

Козьма Прутков

Когда закончился последний урок, я вышел из класса и пошел в учительскую со смутным чувством – что-то среднее между чувством выполненного долга и чувством каторжника, выполнявшего тяжелую бесполезную работу, которому наконец-то сказали: «Хватит!».

Я уже собирался завершить все дела, и предвкушал грядущие выходные, но тут, проходя мимо директорского кабинета, вспомнил. Вспомнил о том, что я должен туда зайти. Я минуту постоял, глядя на обитую зеленым дерматином дверь, раздумывая стоит ли стучать. Потом я махнул рукой и вошел без стука.

Там в кабинете за массивным столом, уткнувшись в бумаги, и сидел он. Назовем его... Ну, собственно говоря, мы его так и назовем – Директор.

Репутация у Директора была так себе. Как, впрочем, и у меня.

Увидев меня, Директор отложил бумаги в сторону, снял очки и повернулся полубоком, глядя на меня, словно попу-

гай, левым глазом.

Коллектив школы единодушно считал его хапугой и растратчиком, которого лишь по большому недоразумению еще не посадили. К тому же был он то ли евреем, то ли полуевреем, поэтому каждый год возрождались слухи, что обчистит он в ближайшее время школу до ниточки и уедет в этот... Ну, сами знаете, куда!

Дети же были уверены, что из его кабинета есть выход в тайную комнату, где он регулярно лупит по голым попам двоечников и двоечниц розгами, плетками и палками. Двоечники и двоечницы, правда, эту легенду никогда не подтверждали.

– О! Александр Сергеевич! Хорошо, что вы ко мне зашли. – потирая руки, произнес Директор.

– Да-да. Учитель русской литературы Нагорный по вашему приказанию прибыл! – отшутился я.

– Да бросьте вы, бросьте. Что это у вас за военные шуточки. Присядьте.

Я присел. Директор стал прохаживаться по кабинету. Кабинет его был небольшой, и он ловко лавировал по нему между предметами мебели.

– Знаете, Александр Сергеевич, я понимаю, что у вас значительная педагогическая нагрузка. Поэтому я... Я... – он остановился, полез в карман, достал оттуда белоснежный платок и тщательно вытер им губы.

– Я почти никогда не нагружал вас общественной работой

– продолжал он – но сегодня... Сегодня – особый случай.

– И что у нас сегодня? – без особого энтузиазма спросил я.

– Сегодня у нас в школе дискотека. Вот, есть распоряжение отдела образования – и он протянул мне листок бумаги с гербовой печатью.

Ну, дискотека, так дискотека. Это все-таки не собрание комсомольского актива, пережить можно.

– Дети, соответственно, будут отдыхать. А педагоги, соответственно, будут работать. Работать, значит, следить за порядком и прочее. Так что прошу – и он протянул мне еще один листок с отпечатанным текстом – вот приказ. Распишитесь, что ознакомлены.

Затем он мне протянул еще листок со столбиком фамилий. Напротив, некоторых из них стояли подписи.

– Вот еще, пожалуйста – сказал он.

– А это еще что? – спросил я.

– А вот здесь распишитесь в том, что я вас проинструктировал.

– Проинструктировали? О чем?

– Об этом вам расскажет Елена Петровна. – он посмотрел на часы – В восемнадцать тридцать.

– А вы?

– А я, к сожалению, буду на другом мероприятии.

Я молча расписался.

– Все, спасибо за понимание – Директор забрал у меня листочки, – Прошу не опаздывать. Начало дискотеки в девят-

надцать. Сбор в вестибюле на первом этаже в восемнадцать тридцать.

Я встал. Мы с директором обменялись сдержанными рукопожатиями, и я вышел.

Спорить я не видел смысла. Да, и спорить было, собственно говоря, не о чем.

Дискотека – значит дискотека. С одной стороны, я терял несколько часов времени. С другой стороны, приобретал бесценный опыт, который вряд ли забудется.

Я посмотрел на часы. До сбора в вестибюле первого этажа у меня был час времени с небольшим. Идти домой не было смысла, как, впрочем, и торчать здесь, в школе. Я решил прогуляться по окрестностям – стоило немного подразмяться. Ведь дежурство на дискотеке – дело нешуточное. Если эти детки разгуляются, тогда да, жди неприятностей...

Как там в детских частушках поется?

Маленький мальчик нашел пистолет – больше в деревне милиции нет.

Или:

Маленький мальчик нашел пулемет – больше в деревне никто не живет.

Да, веселые частушки. С черным юморком...

Я вышел из школы и пошел куда глаза глядят. В лицо мне дул свежий ветер. Навстречу шли люди, они были мрачные и серые. Все о чем-то думали. Никто не улыбался. Никто не радовался жизни.

Интересно, а я такой же мрачный и серый? Угрюмый? Или нет? Я попытался посмотреть на себя со стороны. Идет такой весь серьезный, учитель Нагорный. Александр Сергеевич Нагорный – недавно вышел из уборной! В сером плаще, в штанах а-ля «Сталин в Кунцево», руки в брюки, морда канделябром. Хорошо еще, что без шляпы. Ничего, кстати, что я без шляпы?!

Нет, это все никуда не годится... Абсолютно неприемлемая ситуация... Срочно нужно исправлять.

Для начала надо попробовать улыбнуться. Вот так. Вот хоть чуть-чуть.

Или хотя бы сделать морду попроще.

Порадоваться жизни.

Я вдохнул полной грудью весенний воздух. Потом была весьма слабая попытка улыбнуться, но даже она внесла немало смуты в ряды шедших мне навстречу граждан. Женщина в двумя пакетами в руках глянула на меня искоса, слегка покраснела и опустила глаза. Шедший за ней молодой человек стал отряхивать себе рукава, и в конце концов, проверил, застегнута ли у него ширинка.

Следом шел пролетарий, который при виде меня надвинул кепку на глаза и процедил сквозь зубы:

– Лыбишься чего?! – и сплюнув под ноги, пошел дальше. Руки в брюки, морда канделябром.

Вдруг рядом взвизгнули тормоза. Я оглянулся и увидел, что недалеко от меня притормозил автомобиль. Я присмотр-

релся. За рулем сидел какой-то мордovorот, а рядом с ним был светловолосый человек среднего телосложения, который высунулся в открытое окно и махал мне рукой. Я остановился в недоумении и, на всякий случай, обернулся проворить, не стоит ли кто за мной.

За мной никого не было, и, когда я повернулся назад, то увидел, что этот человек уже вышел из машины и шагает мне навстречу.

– Привет, Сашка!! – воскликнул он.

Интересно, кто же это.

– Привет. – сдержанно ответил я.

Ах да, это же Штык.

– Рад тебя видеть, Сашок!

Штык, – это кличка такая. Погоняло.

– И я тебя. Как дела?

Просто Штык. Коротко и ясно.

– Да, все путем. Ты-то как, Санька?

Как там говорится? Пуля дура, а штык...

– Да ничего.

А Штык? Штык – молодец.

– Чем живешь?

Да, молодец.

– Да вот, в школе, детей учу.

А имя-то у него какое? Дай Бог памяти...

– Да ты заходи ко мне, я по вечерам в «Росинке»... Поговорим.

Как же его зовут?! Кажется, Сергей...

Сергея Штык.

Пока я стоял так в недоумении, перебирая имена, он уже похлопал меня по спине, как там говорится у них, «дал краба», и, сел обратно в автомобиль, который сразу же тронулся и исчез в редком потоке проезжавших по бульвару машин.

Я пошел дальше, все больше удивляясь. Этого человека я встретил когда-то очень давно, за несколько тысяч километров отсюда, совершенно случайно, по абсолютно не относящемуся к моей нынешней жизни поводу.

Когда-то, когда я отслужил в армии... То есть меня оттуда откомиссовали по болезни...

Впрочем, давайте обо всем по порядку.

Вернулся я в школу как раз вовремя. Елена Петровна начинала инструктаж.

Она говорила достаточно долго, но вся ее речь сводилась к тому, что надо быть бдительными, надо не допускать и пресекать, посторонних в школе быть не должно, и, конечно же, никаких там драк и поножовщины.

– А оружие дадут? – поинтересовался учитель труда.

– Какое оружие, Михальский?! Оружие нам не положено!

– Ну, Петровна, хотя бы для устрашения.

– Для устрашения мы будем тебя, Михальский, и использовать, в небритом виде. А вот еще и Нагорного. Он и без оружия страшный.

Михальский почесал затылок и тайком погладил лежав-

ший в кармане напильник.

– Никакого рукоприкладства! – продолжала Елена Петровна – Если вы видите внештатную ситуацию, четко, авторитетно убеждайте нарушителей, что, если они не прекратят свои противоправные действия, то будут подвергнуты наказанию. Если не получается, свистите в свистки, которые я вам сейчас раздам. Обо всем произошедшем сообщайте в штаб. Штаб на втором этаже в учительской, если кто не знает.

Потом последовали более конкретные инструкции.

– Запускаем только по билетам! Повторяю, чужих на мероприятии быть не должно. Курение, распитие алкоголя и драки запрещены! После мероприятия на территории школы никого оставаться не должно.

Потом всех пригласили в штаб. Штаб представлял собой отдельный стол в учительской с телефоном, ручкой и пухлой тетрадью.

Там же всем раздали свистки и красные повязки. Следующие пятнадцать минут все занимались тем, что надевали друг другу на рукава повязки, смотрелись в большое, висевшее на двери зеркало и друг друга оценивали.

Вдруг я услышал какой-то жуткий невообразимый звук непонятного происхождения, будто бы я оказался в самом тоннеле метро у проносащегося на полной скорости поезда. Звук продолжался секунд пять, а потом прекратился. В наступившей тишине казалось, что я оглох.

Посреди учительской стоял учитель физкультуры со свистком в губах. Все ошарашенно смотрели на него в звенящей тишине.

То, что последовало далее, позволило мне убедиться в том, что слух у меня все же сохранился.

– ПЕТРОВ!!! – орала Елена Петровна, ненамного тише злополучного свистка – ТЫ МЕНЯ ЧУТЬ ДО ИНФАРКТА НЕ ДОВЕЛ! ЭТО Ж ПОЖАРНЫЙ СВИСТОК! ИДИ ДАВАЙ СВИСТИ В СВОЙ!

Петров насупился, что-то там бормоча о пробном запуске. Потом все разошлись дежурить.

Сперва я стоял на входе с каким-то тщедушным десятиклассником, который проверял билеты. Парень, очевидно, неловко чувствовал себя в этой роли. Я стоял рядом и смотрел то на поток школьников, то на парня, который все время делал какие-то лишние движения.

Да, что ж ты дергаешься то так...

Потом на горизонте появился известный в школе хулиган, тот еще отморозок. Школу он уже закончил, а может быть его просто оттуда выгнали, и он доучивался в другой, но билета у него явно не было. На дискотеку попасть, он скорее всего, хотел. Он подошел ко входу. Стоявший рядом со мной десятиклассник тихо произнес:

– Ваш билет?

– Чего? – хулиган картинно приложил ладонь к уху

– Нужен билет.

Хулиган подошел вплотную к парню, толкнул его животом, а затем повернулся и побрел восвояси. Через метров пять он обернулся и тихо произнес:

– Потом поговорим...

Парень побледнел и замер. Я решил его как-то подбодрить и сказал:

– А знаешь, ты вполне мог бы его скрутить и сдать в милицию.

– А!? Ага...

– Ведь ты дежурный.

– Угу...

– У тебя есть красная повязка. Обязательно надо было показать ему красную повязку.

Парень явно не захотел приободряться и молча стоял с понурым видом.

Затем поток людей иссяк и стало слышно, как внутри включили музыку.

Через некоторое время меня сменил учитель географии.

Освободившись от своего поста, я пошел по коридорам, смотря по сторонам. Кругом было много школьников. По моему, многие из них уже покурили, и даже выпили.

Затем я поднялся на третий этаж. Там гремела музыка. С минуту я посмотрел на происходящее, а потом пошел обратно.

Когда я спускался по боковой лестнице, на площадке между вторым и третьим этажом я увидел Михальского, который

держал на вытянутых руках за грудки какого-то кудрявого подростка. Подросток отчаянно вырывался и махал ногами, пытаясь ударить Михальского в пах. Но руки у учителя труда были длинные и сильные, поэтому попытки такого рода были безуспешными.

– Помощь нужна? – коротко спросил я.

– Ничего, справимся. – ответил Михальский, весь красный не то от злости, не то от натуги – Сейчас эта тварь устанет, и я выкину его на улицу к чертям собачьим!

Спустившись на первый этаж, я подошел к туалету и заметил там какую-то нездоровую активность. Я приоткрыл дверь, пытаясь понять, что там происходит. Оттуда доносился смех вперемежку с руганью. За дверями было темно. Я пощелкал выключателем, но света в туалете не было. Было слышно, как по кафелю катится пустая бутылка. Потом смех утих и стали слышны голоса:

– У меня только одна маленькая проблемка. Я не вижу, куда ссать!

– Спокойно, Вася! Ссы наощупь, ты пьян.

Мне часто кажется, что все мы чего-то не понимаем. Садимся не на тот поезд, ходим не на той станции. Живем не своей жизнью. Воспитываем чужих детей. Делаем чужие дела. Учим тому, чего сами не умеем. Что-то кому-то пытаемся доказать.

Черное считаем белым, врагов считаем друзьями, скучную унылую жизнь считаем счастливой.

Что-то путаем.

Я часто вспоминаю историю про человека, который вдруг стал считать себя похожим на Бога. Когда его спросили, почему, он сказал:

– А мне вчерась старушка на рынке сказала.

– Да, и что она сказала?

– Да, так и сказала: Куда ж ты прешься, Господи!

Я пытался рассмотреть, что происходит в туалете и в конце концов постучал по дверям и громко сказал:

– Эй, что здесь происходит?

– Да пошел ты! – скрипучим кривляющимся голосом ответил кто-то.

Раздался взрыв хохота. Стало обидно...

Я тихонько зашел внутрь, плотно закрыв за собой дверь, и что есть силы дунул в свисток...

Глава 4. Лютый. Дело благородное.

За чужой счет пьют не только язвенники и трезвенники, Но и те, кто и пить-то сегодня, собственно говоря, не собирался.

Трезвенник поневоле

Утром Лютого разбудил телефон. Подойдя на непослушных ногах к тумбочке, на которой стоял аппарат, он снял трубку.

– АЛЕ! – недовольно и резко ответил он.

– Здравова, придурок! – послышалось в ответ.

Вообще, на свете было не так уж и много людей, которые вот просто так, безнаказанно, могли назвать Лютого придурком. Номером первым из них, конечно же, был Папа.

Ну а вторым...

Вторым был Бротхер... Он же Бро. Как уже было сказано, – закадычный друг, с которым были пройдены огонь, вода и медные трубы, съеден не один пуд соли, и выпита не одна цистерна пива и более крепких напитков.

Бро был непризнанным гением и интеллектуалом. Знал он очень много, но вещи которые он знал, как правило, были не очень полезными в жизни. Например, названия практически всех видимых невооруженным глазом в Северном полушарии звезд. Или имена и даты правления римских им-

ператоров.

Был он весьма начитан, и, если бы не лень и тяга к спиртному, возможно, нашел бы себя в какой-нибудь из наук. Был он, как уже говорилось, гением непризнанным и в своей трудовой деятельности все время циркулировал между профессиями санитаря морга, помощника гримера в театре и сторожа в музее.

Был он любителем загадок, тайн и различных конспирологических теорий, сочетал в себе довольно противоречивые качества, будучи одновременно мизантропом и оптимистом, и втайне мечтал стать членом какой-нибудь тайной ложи или, на худой конец, настоящим системным, «тру» хиппи.

– Сам ты придурок! – огрызнулся Лютый – Чего звонишь с самого утра?

– Как чего? Ты что, разве не слышишь этот вечный зов? – зловеще протянул в трубку Бротхер.

Обычно, когда речь шла про вечный зов – это означало, что Бротхер просто хочет в ближайшее время потрепаться за выпивкой.

– А бабло? У меня – голяк.

– Бабло будет. Мне премию дали.

– Серьезно? – спросил Лютый.

– Да. У нас есть шанс уничтожить двух врагов сразу... – ответил Бротхер.

– Каких таких врагов?

– Бабло и бухло...

– Все бухло не выпьешь – заметил Лютый.

– Но мы будем стараться. – подытожил Бротхер и положил трубку.

Как правило, вечный зов подразумевал треп с выпивкой в компании из трех человек.

Третьим в этой компании, а также номером третьим в списке VIP-персон для Лютого был Чувачок... Был он педагогическим мусором, за всю жизнь не прочитавшим ни одной книги. Любил он риск и карточные игры, а в многочисленных передрагах, в которые попадала их небольшая компания, особую ценность представляло его умение, несмотря на свою невзрачную внешность, совершать отчаянные нестандартные поступки, например, бегать за кем-нибудь из врагов со спущенными штанами, пытаясь попасть в него струей мочи.

Неформальным лидером в их компании, естественно, был сам Лютый. Он всегда был один за всех, не дурак был начистить кому-нибудь рыло почти всегда, и, напомним, не боялся никого, кроме Папы. Своего, конечно же, не Римского.

Из драк он практически всегда выходил победителем, по крайней мере, серьезно бит за всю свою жизнь он был всего два раза.

Первый раз – по малолетству, испугавшись сильного, старшего его на нескольких лет мальчика, который водился со взрослой шпаной, и которого боялась почти вся школа.

Потом, правда, Лютый подрост, возмужал, осмелел и метелил за милую душу даже и не таких. Сталкиваясь с многократно превосходящими силами, он не чурался использовать то, что сам называл «стратегическим отступлением», а другие – «делать ноги».

Собственно говоря, из-за плохо спланированного стратегического отступления он и отгреб во второй раз: решив покуражиться, обматерил стоявшую недалеко подвыпившую компанию и впрыгнул в отходящий автобус, позабыв, что автобус, выезжая с конечной делает приличный крюк вокруг квартала. Компания же об этом помнила и не посчитала зазорным совершить легкую пробежку через дворы, чтобы ворваться в автобус на следующей остановке, распугав немногочисленных вечерних пассажиров, и покарать наглеца. Лютый не остался в долгу и, прежде, чем отправиться зализывать раны, отправил нескольких человек в глубокий нокаут.

Положив трубку, Лютый, зевая, пошел умываться. После вчерашней ночной прогулки не хотелось ничего делать, но, если он собирался найти Чувачка к тому времени, когда Бро заканчивал работу, следовало поторопиться. В городе было немало мест, где его можно было найти, и сегодня он мог оказаться в любом из них.

Умывшись, Лютый заглянул в холодильник, достал оттуда палку колбасы, откусил от нее хороший кусок, и, жуя на ходу, пошел одеваться.

Одевшись, он остановился у дверей и немного подумал. В

это не очень раннее время Чувачок мог спать дома, играть в секу или буру, опохмелятся со случайными собутыльниками во дворе у магазина, стоять на пяточке у рынка, пытаюсь сбыть какой-нибудь честно украденный в чьем-нибудь подвале ржавый утюг, или шататься по парку, лапая за упругие сочные ягодицы проходящих мимо девок и задирая гуляющих с ними кавалеров.

Лютый так и решил начать обход всех этих мест по порядку – с дома.

Было еще значительно раньше полудня, и Чувачок мог отсыпаться после попойки. Жил он неподалеку, практически в соседнем доме, куда и направился Лютый, выйдя на улицу.

Когда Лютый дошел до нужной квартиры и нажал кнопку дверного звонка, он услышал, что за дверью подозрительно тихо. Он позвонил еще раз, потом постучал в дверь – сперва костяшками пальцев, потом кулаком. В конце концов, за дверью послышалось какое-то движение, и испуганный женский голос спросил:

– Кто там?

– Здравствуйте... – ответил Лютый.

– Здравствуйте – послышалось из-за двери. Затем послышался звук надеваемой дверной цепочки, вставляемого ключа и двух поворотов замка, дверь слегка приоткрылась и оттуда выглянул красноватый заспанный глаз.

– Что надо?! – нервно спросил глаз.

– Ммм... А Валера дома? – спросил Лютый после неболь-

шой паузы. Он уже начал забывать, что Чувачок – это Валера.

– Нету его. Тебе лучше знать, где твой дружок ходит!

После этой гневной тирады дверь с шумом захлопнулась – настолько, насколько это возможно было сделать с накинутой двадцатисантиметровой цепочкой.

Следующим местом, куда планировал пойти Лютый, был двор дома возле школы. Там каждый вечер собиралась шпана, они пили портвейн или плодово-ягодную бормотуху и играли в карты. Чувачок иногда там бывал, пил и играл вместе со всеми. Дворик этот был весьма колоритный... За последний год там зарезали двоих или троих, но Чувачка это не сильно волновало...

Двор этот среди местных назывался «Баден-Баден».

До этого места было минут двадцать ходьбы, и когда Лютый, наконец, вынырнул из-за угла и оказался на месте назначения, он увидел, что в Баден-Бадене шли нешуточные разборки. Там опять кого-то били. Били в детской песочнице. Кто-то кому-то надавал оплеух, и получивший по заслугам сидел на песке и вытирал рукавом сопли.

Избиение сопровождалось достаточно убедительной гневной тирадой: про фуфлю, про понятия и про карточный долг.

В гневе была брошена на ветер колода карт, по всему двору посыпались короли, дамы и шестерки различных мастей.

Лютый заметил Чувачка на лавочке чуть поодаль. Тот сидел и равнодушно смотрел на происходящее, запивая батон

молоком из стеклянной бутылки.

Лютый подошел к нему и сел рядом:

– Привет! Пируешь? – как бы невзначай произнес он.

– Ага, – ответил Чувачок и сделав глоток молока, продолжил – Нашлись добрые люди...

– И что тут у вас за шухер? – спросил Лютый.

– Да मुदाки собрались... Никакой игры нормальной. Фуфель за фуфелем. Так что, шухер за дело.

– Неплохо чуваку досталось – констатировал Лютый, кивая на сидевшего в песочнице.

– Нормально досталось – ответил Чувачок – пусть еще спасибо скажет, что не так, как с Толяном.

– А что с Толяном? – спросил Лютый.

Чувачок отправил в рот последний кусок батона и освободившейся рукой показал оттопыренным большим пальцем характерный жест, проведя им поперек горла. Жест назывался «секир-башка».

– Seriously? – спросил Лютый.

– Секир-башка – подтвердил Чувачок.

Толяна зарезали здесь пару недель тому назад. Может быть играл он не совсем честно, а может, отказался отдавать выигрыш. Конфликт тогда разгорелся серьезный, игроки схватились за ножи, и трагический финал был предрешен.

– Охренеть! А я и не знал – удивился Лютый

Чувачок равнодушно допивал молоко:

– Да, чувак, здесь так бывает. Это тебе Баден-Баден.

Наверное, он также равнодушно сидел на этой скамейке и тогда, когда резали Толяна. В разборках он обычно не участвовал, при этом играл исключительно честно. Впрочем, Чувачок такой и есть – что с него взять...

– Сам-то как?

– Живой. А ты?

Чувачок неопределенно взмахнул рукой:

– Приперся-то чего?

– Тебя ищу. Бро звонил.

– И чего хочет?

– Бухнуть хочет.

– Бухнуть – дело благородное.

Глава 5. Нагорный. Мгновенное озверение.

Когда верю я, что прав,
разве страшны мне будут тысячи врагов?
Если знаю я, что не прав,
разве не убоюсь я самого ничтожнейшего из них?
Любой-из-нас

Утро было прекрасным, и я вышел побродить по окрестностям безо всякой цели.

Первым делом я решил пойти в городской парк – это было отличное место для прогулок, правда, лишь в те несколько утренних часов, когда там еще нет толп бездельничающих школьников, празднующих парочек и отдыхающих обывателей, к которым к вечеру присоединяются всякое хулиганье и пьяные идиоты.

Погода была замечательной, да и настроение было неплохое. Все чуждое, неприятное и отрицательное, что накопилось во мне за последнюю неделю – эти все внутренние конфликты, диссонансы, недопонимание и недовольство по отношению к другим – это, конечно, во вторую очередь, а в первую очередь, естественно, по отношению к самому себе, – все это потихоньку отпускало, растворялось и исчезало.

Людей было мало: под навесом за столиками сидело

несколько пенсионеров, играющих в шашки, да еще несколько человек вдалеке занимались утренними пробежками.

Не торопясь, я миновал игроков в шашки, прошел мимо скучающей мороженщицы, обошел абсолютно пустую эстраду, и пошел дальше по дорожке, мимо не работающих еще аттракционов, озерца с парой беспечно плавающих лебедей и спортивной площадки с мерно покачивающейся от тихого ветра волейбольной сеткой.

Потом я зашел еще дальше, аллеи стали темнее, а кроны гуще. Это была дикая часть парка, где не было почти никаких следов жизнедеятельности человека, кроме нескольких, расходящихся в разные стороны дорожек, покрытых неровными треснувшими бетонными плитами, сквозь которые пробивалась молодая зеленая травка, да полудюжины скамеек, окрашенных в зеленый цвет. Вокруг никого не было, только где-то вдалеке с метлой и граблями возился дворник.

Сверху слышалась какая-то возня, я поднял голову, и увидел, что прямо надо мной, в кронах деревьев сидит огромное количество ворон. Целая огромная стая, которая минуту назад сидела совершенно тихо, вдруг пришла в волнение, птицы стали перелетать с ветки на ветку, то тут, то там стало раздаваться редкое карканье. Мне даже показалось, что они там, наверху, меня обсуждают. Стало жутковато.

Вороны – вообще-то умные птицы, при чем определенно

злопамятные.

Вот если я, например, их сейчас сильно напугаю, эти твари меня запомнят. Нападать, правда, они на меня не станут – на тех, кто сильнее, они не нападают. Но, сделать гадость при случае – вполне могут. Например, кинут на меня сверху небольшой камень или нагадят на голову.

Одна из ворон спикировала с ветвей и приземлилась на дорожку прямо передо мной, посмотрела на меня, и стала каркать.

– Привет – сказал я вороне.

Я всем говорю: «Привет». Воронам, кошкам, бродячим собакам. Бывает, даже предметам мебели. Когда налетишь с размаху мизинцем на тумбочку, сразу и говоришь:

– П-п-привет! Какая ч-ч-ч-чертовски пр-р-р-иятная встреча...

С собаками это работает. Пока что-то говоришь, животное оценивает, а пока оценивает – не нападает. А говорить-то и не важно, что. Хоть тезисы первого съезда РСДРП пересказывай.

Вот дед мой так однажды два часа раненому медведю зубы заговаривал. Пошел на охоту, медведя ранил, а потом у него заклинило стволы. Косолапый в ярости, кинуться хочет, а дед ему свою биографию рассказывает, когда родился, когда женился, а сам пятится, отступает к деревне – ружье двумя руками ухватил, выставил вперед, как жердь, чтобы в пасть медведю сунуть, если тот все же кинется. Так они с медведем

до первых дворов и добрались, где дед и добил его найденной у чьих-то ворот оглоблей.

Я прошел мимо вороны, и уже практически вышел из парка, когда я увидел их.

Две молодые девушки – словно феи – шли мне навстречу, блондинка и брюнетка. Одеты они были в легкие блузки – одна в желтую, другая в розовую, и короткие светлые шортики. Рядом семенила на поводке крохотная собачонка.

– Привет – по привычке сказал я собачке. Собачка глянула на меня своими умными глазками. Казалось, она чуть было мне не ответила, но решила все-таки промолчать.

– Мужчина, мы вас не знаем – с достоинством ответила брюнетка.

А девушки и вправду были необычными для наших широт – чистые, ухоженные, культурные, появившиеся здесь, казалось бы, по какому-то недоразумению.

– О да, извините, это я вашей собачке. – ответил я – Она у вас очень милая!

– Это чихуахуа – ответила брюнетка.

– Чихуа... что? – переспросил я.

– Чихуахуа! Вы что, чихуахуа не знаете? – вмешалась блондинка и засмеялась.

– Нет, не знаю – с наигранной трагичностью ответил я, и, присев, попытался приманить собачку.

Я щелкал пальцами, говорил «кис-кис», цокал языком, демонстративно принохивался к содержимому своих карма-

нов – все было тщетно. Собачка меня принципиально игнорировала, а потом с важным видом справила нужду у ближайшего дерева.

– Дай я тебя обниму! – крикнул я и с распростертыми руками кинулся за собачкой.

Собачка уже почуяла навязчивый интерес с моей стороны и стала убегать. Хорошо, что поводок был длинный. Она время от времени оборачивалась, рыча на меня и скаля свои маленькие зубки.

Девушки смотрели на нас с собачкой и смеялись, прикрыв рты, я дурачился, собачка была близка к нервному истощению, все были счастливы. Вдруг над самым моим ухом прохрипел резкий голос:

– Это что еще за клоун!

Я обернулся. Возле меня стоял седовласый мужчина средних лет с прической коротким ежиком, в дорогом костюме с отливом. А рядом с ним стоял еще один – черноволосый, примерно моих лет, гладко выбритый, с солнцезащитными очками на лице, в джинсах и полосатой рубашке. Ну очень суровый тип.

– Ты что здесь забыл? – спросил суровый с хрипотцой.

– Я, это... Вот с собачкой играл – ответил я с виноватым видом.

Девушки прыснули от смеха.

– Вот и пиздуй отсюда – коротко ответил седовласый, не дрогнув ни единым мускулом на лице.

Ну что ж, так бы сразу и сказали. Дочери они или любовницы, мне-то какое дело. Настроение было слишком хорошее, и я пропустил явную грубость мимо ушей.

– Да ради Бога! – великодушно произнес я, разводя руками.

И уже собирался пойти дальше, но тут жизнь решила мне преподнести еще один урок.

– И засунь своего бога куда-нибудь подальше... – сказал седовласый.

А потом еще и добавил вслед какую-то мерзость, циничную, непристойную и богохульственную, мерзость, которую мне и по сей день не хочется ни повторять, ни вспоминать.

Я озверел.

Я почувствовал себя, словно меня при полном параде, в смокинге и бабочке, окатили ведром помоев...

Словно идя на свидание, поскользнулся, и гладко выбритым лицом угодил прямо в кучу дерьма...

Мое хорошее настроение лопнуло в один миг, как воздушный шарик, который прижгли окурком, как мыльный пузырь, налетевший на ржавый гвоздь.

Я озверел мгновенно. Не говоря ни слова, я сделал длинный подскок, вынося ногу на боковой удар, чтобы отправить этого недоумка прямо в кусты. Но суровый, похоже, этого ожидал и среагировал так быстро, что я не успел даже ничего подумать – он подскочил вперед, оказавшись между мной и седовласым, принял на себя часть моего удара, ничуть не

поддавшись назад, так, что моя нога заняла, словно попала в бетонную стену. Я потерял равновесие, меня развернуло спиной, а потом последовал удар костяшками кулака наотмашь прямо в мою переносицу. Я не успел ничего сделать, только втянул слегка голову, удар пришелся в бровь, а я отлетел, упал на спину и проехался по асфальту еще несколько метров. Правый глаз мой заливало кровью, локти были разодраны, брюки порваны, а колено еле сгибалось. Я кое-как поднялся, припадая на правую ногу. Голова гудела, как колокол, меня трясло, хотелось лечь куда-нибудь под забор и не шевелиться, но я все-таки выпрямился и посмотрел на сурового.

– Мало тебе что ли? – тихо произнес он и медленно пошел в мою сторону.

Ох, прости меня, Господи... Прости за все, что сейчас будет...

Суровый подошел ко мне, сжав кулаки, и остановился, видно примеряясь, как бы ему половчее меня добить.

Сейчас, сейчас... Я достал из кармана пиджака молоток и почувствовал кураж. Резкое движение – и я легонько стукнул его молотком по костяшке сжатого кулака. Суровый зашипел. И опять – по костяшке второго кулака. Суровый зашипел еще больше. Руки его опустились, и он получил в нос моей свободной рукой. Поднял руки – и получил по рукам молотком. Ойкнул, опустил руки и снова свободной, но теперь уже в ухо. По рукам – по шее, по рукам – в челюсть.

Потом я резко опустился на одно колено и впечатал молоток в носок его начищенного до блеска полуботинка, прямо в район мизинца.

Раздался дикий крик, переходящий в визг. Суровый наконец-то перестал быть суровым и стал самым, что ни на есть, обыкновенным. Он согнулся в три погибели, упал на землю, и начал кататься, обхватив двумя руками стопу.

Седовласый стоял неподвижно, бледный как скатерть. Я подошел к нему и без всяких финтов, просто, наотмашь, по рабоче-крестьянскому дал ему по морде, а он так же просто, как кегля, все-таки улетел в кусты.

Девушки сначала стояли и визжали, а потом схватили на руки своего песика и побежали вдаль по дорожке.

А я не стал испытывать судьбу и побежал в другую сторону.

Глава 6. Лютый. Банан в ухе.

– Что мне сейчас делать? – спросил ученик учителя.

– Ты поел рис? – спросил учитель

– Да – ответил ученик.

– Тогда вымой тарелку – сказал учитель

– Просто вымыть тарелку?! – переспросил ученик

– Конечно, вымой! Я, что ли, ее за тебя мыть буду?! Ду-

рак!! – прокричал учитель,

Ну и конечно, огрел ученика посохом.

Полная версия урока Дзесю

Лютый, Бро и Чувачок встретились в «Радуге». Бро заказал на всех по пятьдесят грамм водки и по бокалу пива, взял одну большую порцию шашлыка, а также много разной мелкой закуски.

«Радуга» была тошниловкой средней руки. Друзей вполне устраивала ее территориальная близость, более-менее нормальное пиво и достаточно предсказуемый контингент посетителей. Как и в любом заведении без претензий, этот контингент был, хоть и достаточно разношерстный, но все же спокойный, не проблемный: работяги, рыбаки, местные бичуги, иногда какие-то челноки, снимавшие квартиры неподалеку.

В шесть часов вечера «Радуга» только начинала наполнят-

ся посетителями. Друзья сидели за столиком недалеко от выхода. Они сперва выпили по пятьдесят водки, не чокаясь и не закусывая, за успех любого безнадежного дела, а потом, под полуостывший шашлык, стали шлифовать пивом.

Лютый одним глотком выпил треть от бокала, шумно поставил его на стол, откинулся назад и, прикрыв глаза, негромко протянул:

– Вот же бя.

Бро посмотрел на него исподлобья, разрывая зубами сушеного леща, и нараспев произнес:

– Что ж ты молодец не весел, что ж ты голову повесил?

Лютый открыл глаза, посмотрел на Бро, поморщился и нехотя сказал:

– Папа. Беспредельничает. Жизнь заставляет...

– Имеет право – заключил Бро и, отправив в рот кусок рыбы, добавил – ну так ты и живи, кто ж тебе мешает?

– Не особо-то и прет меня так жить... – вздохнул Лютый – Надо ехать поступать, так что долго не увидимся.

– Ну и круто – ответил Бро – перемены в жизни всегда будут, и с этим ничего не поделаешь.

Он даже не спросил подробностей: куда и когда. Его такие мелочи, как правило, не интересовали.

– А я вот тоже – продолжал он – найду людей достойных, и в путь! Буду колесить по необъятным просторам нашей Родины.

– И что ж ты там делать-то будешь? На просторах? – без-

различно спросил Лютый

– Искать. Творить. Познавать. – спокойно ответил Бро.

– Иска-а-а-ть! Познава-а-а-ть! – обиженно передразнил Чувачок и сплюнул под стол – Ну и иди ты в жопу! Людей достойных он ищет. А мы что тебе – недостойные?

– Да не кипешуй, чувак – Лютый подтолкнул Чувачка локтем в бок – Он хипарей ищет. Ты ж не хипарь?

– Никогда не был и быть не собираюсь. – Чувачок допил бокал пива и продолжал – И никуда не поеду. В армию пойду.

Лютый посмотрел на него с удивлением.

– Во внутренние войска – злорадно добавил Чувачок и посмотрел на Бро – Буду твоих хипарей дубиналом кормить.

Чувачок в армии вообще, а во внутренних войсках, в особенности – это было что-то из разряда фантастики.

– Если не посадят, конечно – добавил Чувачок, остервенело догрызая кусок шашлыка.

Потом возникла неприятная пауза. Лютый смотрел в окно. В голове у него было пусто, а на душе стало паршивенько. Налетела какая-то непонятная тоска.

Вот так разлетятся они кто куда, и встретятся потом, может быть, лет через двадцать, постаревшими, разными, не имеющими ничего общего людьми, если конечно встретятся вообще.

– А хотите анекдот? – прервал неловкое молчание Бро.

– Валяй – подумав немного, ответил Лютый.

И Бро начал...

Когда Бро начинал рассказывать анекдоты, остановить его было трудно. В ход шло все: новые, старые и совсем бородастые; про чукчу, Штирлица и Василия Ивановича; интеллектуальные и совсем тупые; разной степени пошлости; с матами и без матов.

Ему даже прощали то, что один и тот же анекдот он мог рассказывать при каждой встрече месяцами напролет. Он умел рассказывать анекдоты...

Умел – и рассказывал их каждый раз, словно впервые. И друзья хохотали уже не с самого анекдота, который уже знали наизусть, а с того, как Бро его рассказывает, каждый раз с какими-то новыми словечками, интонацией, жестами. Иногда даже незаметное движение бровей придавало какой-то новый смысл.

Слушал анекдоты, если кто рассказывал, он тоже с интересом. Некоторые даже записывал в книжечку, которую всегда носил с собой.

Была определенная категория анекдотов, которую он очень ценил и считал, что такие жемчужины ни в коем случае не должны со временем кануть в лету.

Перечитав все самиздатовские книжки по дзэн-буддизму, и цитируя к месту и не к месту все эти истории о том, как патриархи лупят палками своих учеников, задающих дурацкие вопросы, он все же считал, что те перлы, которые он собрал в своей книжечке, ничем не хуже этих древних историй,

и имеют достаточно глубокие корни, которые он и пытался откопать.

Один из таких анекдотов был про мужчину, который пришел в парикмахерскую. Он сел в кресло, и парикмахер начал его стричь. В определенный момент времени парикмахер заметил, что у мужчины из уха торчит банан.

Пребывая в шоке от увиденного, парикмахер растерянно произносит:

– Э-э-э, уважаемый, извините, но у вас банан в ухе...

На что получает довольно резкий и очень громкий ответ:

– АА!?! ГОВОРИТЕ ГРОМЧЕ!! У МЕНЯ БАНАН В УХЕ!!!

Это был один из любимых анекдотов Бро, и фраза «банан в ухе», в некотором смысле, была кодовой.

Тем временем, народу в «Радуге» прибавилось. Стоял равномерный гвалт из нескольких десятков голосов.

– И тут эта сука мне и говорит...

– А я чего, как дал ему в рожу...

– Бля буду, я не ожидал...

– А чего тут думать, бабосы давай, я все решу...

– Ну и хер с ним...

Туда и сюда шныряли подвыпившие люди с бокалами, рюмками и закусками. Накурено было так, что дым висел коромыслом.

Пиво уж было выпито, Бро принес еще по бокалу, а затем отлучился справить нужду.

– Эй, Бро, чего ты там так долго делал?! Дрочил, что ли?! – такие шутки в этой компании были в порядке вещей.

– Только такие придурки, как вы, дрочат! Интеллигентные люди, вообще-то, мастурбируют... – для Бро лучшей защитой, конечно, было нападение.

Потом пошли разговоры о жизни.

Лютый вкратце, без прикрас, описал ночные свои похождения.

– А ну-ка кулаки к осмотру! – скомандовал Бро и сразу же увидел перед своим носом огромный, как поллитровая кружка, кулак без каких-либо ссадин.

– Я бью аккуратно, но сильно – авторитетно заявил Лютый

А вот у Чувачка костяшки были разбиты. Рассказывать подробности он отказался, лишь безразлично махнул рукой.

– А хотите еще анекдот? – воскликнул Бро.

Но ответить ему никто не успел, так как в этот самый момент один не в меру пьяный мужчина, одетый в матерчатую куртку с кожаными вставками, прошел мимо столика, за которым сидели друзья, и, небрежно похлопав Лютого по плечу, смахнул его бокал с остатками пива. Пиво разлилось по столу и стало течь на пол, попадая сидевшим на штаны.

– Эй ты, дятел! Ты что творишь?! – взорвался Лютый.

– Да пошел ты! – отмахнулся мужчина и двинулся к барной стойке

– Ты мне сейчас штаны стирать будешь, урод! – кинул Лютый и, встав из-за стола, двинулся за хамом.

Он настиг обидчика и, положив ему руку на плечо, стал что-то убедительно доказывать. Мужчина явно был не в себе, он дергался, толкался. В итоге, Лютый взял его под руку и повел к выходу.

В конце концов, они скрылись за дверями, на ходу обмениваясь любезностями.

Минуты через три Лютый вернулся и присел за столик.

– Ты чего такой бледный? Он тебе что, по яйцам дал? – спросил Бро

– Ну-ка, дай мне бокал... – попросил Лютый, взял бокал у Бро и жадно отпил из него несколько глотков.

Когда Лютый поставил бокал на место, он переглянулся с друзьями, и придвинувшись поближе, тихо сказал:

– Кажется, козел этот, того... Не дышит.

Глава 7. Нагорный. Полнейший амбец.

Ничего личного, просто бизнес
Альфонс Габриэль «Аль» Капоне

Выйдя с территории парка, я перешел на неторопливый прогулочный шаг. Болела бровь, нога отказывалась нормально ходить, и приходилось хромать, да и весь я был какой-то потертый, подертый, как будто только что вылез из подворотни, поспав предварительно пару часов под забором.

Хотелось куда-нибудь спрятаться, и, хоть настроение было и не совсем плохое – ведь я чувствовал, что поступил правильно, реализовав таким образом некую объективную справедливость, – все же было у меня сейчас опасение, что меня начнет искать милиция или какие-нибудь неприятные типы с кастетами.

С утра я ничего не ел и был сильно голоден. Вспомнив, что дома у меня, скорее всего, съестного ничего нет, и мне придется еще идти в магазин, где придется отстоять немалую очередь, я расстроился окончательно. Можно было, конечно, пойти на рынок, и, облагодетельствовав обитавших там старушек на определенную сумму, устроить себе царский (не побоюсь этого слова) завтрак, переходящий в обед, из жареной картошки со шкварками, свежей зеленью и парочкой со-

ленных огурцов. Но... Но рынок был достаточно далеко, ныло колено и никаких активных действий совершать не хотелось.

Я твердо решил поесть в какой-нибудь пельменной или чебуречной, не важно, в первом же заведении, что попадется на пути. И, по каким-то непонятным мне причинам, первым открытым заведением, которое попало мне на пути, была «Росинка» – кафе не очень страшной, но и не очень дорогой наценочной категории, в котором любой пролетарий мог вполне прилично отметить получение квартальной премии. Там можно было, если повезет, поесть неплохой борщ или вполне съедобный плов.

Войдя туда, я заказал себе и того, и другого, сел за столик в углу и стал ждать, когда принесут мой заказ. Это был самый мой любимый столик, главным образом, потому, что с этого места я мог без труда наблюдать, что происходит во всех уголках этого заведения.

Сегодня там было вполне тихо. Недалеко сидели какие-то работяги, лихо соображая на троих бутылку недорогого пойла. А чуть поодаль расположилась компашка не то таджиков, не то узбеков.

Я обратил внимание, что вход в банкетный зал был занавешен шторкой, будто там происходила какая-то гулянка. Как будто бы и ничего странного, если бы не раннее время да выходящие оттуда, то и дело, совершенно трезвые молодые люди спортивного телосложения и странные хмыри в вязаных свитерах на голое тело. Меня это несколько позабавило,

и я стал незаметно за этим наблюдать.

Через некоторое время из-за шторы вышел лысый плечистый мордovorот, стал рядом и начал рассматривать присутствующих. Я уже съел первое, расправился со вторым и пил полуостывший чай. Не прошло и нескольких минут, как лысый двинулся в мою сторону.

Он сел рядом со мной, достал пачку сигарет, протянул мне:

– Угощайся... – сказал он.

– Спасибо, не курю – ответил я.

Лысый достал толстый бумажник, и положил передо мной на стол несколько купюр:

– Может договоримся как-нибудь? – спросил он.

Меня этот поворот несколько озадачил.

– Я не понимаю, о чем... – начал было я.

– А, ну тогда прошу простить великодушно... – он меня оборвал на полуслове, забрал деньги и пошел обратно.

Пройдя пару шагов, он громко щелкнул пальцами, и тут же откуда ни возьмись появились двое в кожаных куртках, они взяли меня под руки с двух сторон, вытащили из-за стола и потащили за лысым. Я не успел ни встать, ни дернуться, только громыхнулся на пол стакан с остатками чая, да несколько человек скользнули взглядом в мою сторону, сочтя за лучшее не придавать этому инциденту большого внимания.

Эти двое затащили меня за шторку. Лысый, шедший впе-

реди, повернулся ко мне, и погрозил пальцем:

– Много будешь знать – плохо кончишь – произнес он, мило улыбнувшись.

Окружающая обстановка не радовала. Похоже я попал на криминальную сходку.

– А вот теперь мы узнаем, что ты за дятел такой – лысый указал пальцем на столик у стены, и эти двое потащили меня туда.

Судя по тому, как он быстро обнаружил то, что я за ними тихонько наблюдаю, это был профессионал своего дела. Такому палец в рот не клади... Такие, как он, за десять секунд вычисляют переодетого сотрудника милиции всего лишь по тому факту, что его левый локоть оттопыривается в сторону чуть-чуть больше, чем правый.

Меня усадили за стол, я поднял глаза и увидел, что напротив меня сидит Серега Штык.

Да-да, тот самый, которого я встретил буквально вчера.

– Кого мы видим! – Серега встал со стула, раскрывая объятия.

После ритуала приветствия с хватанием меня за шею, и припаданием макушкой к моей небритой щеке, Серега повернулся к лысому.

– И кого ты нам, Лысый, привел?! – спросил он.

Лысый потупился.

– Ты же говорил, там мент не ниже майора! – продолжал Штык.

– Виноват... Мне показалось, в натуре, мент – начал оправдываться Лысый.

– Ты случайно не мент, Санек? Лысый, знаешь ли, редко ошибается, – теперь Серега обратился ко мне.

– Ну какой из меня мент... Ты, кстати, сам меня звал – вспомнил я.

– А, это да... Звал, это точно... Ну что ж, давай тогда за встречу – и он разлил по рюмкам из бутылки с красивой иностранной этикеткой что-то, напоминающее коньяк.

Я понюхал содержимое рюмки и залпом опрокинул его внутрь себя, Серега протянул мне тарелку с бутербродами:

– Да ты закусывай... Не стесняйся.

– Рассказывай, как живешь – продолжил он после непродолжительной паузы, когда я прожевал бутерброд – Хотя можешь не рассказывать. Я и так все вижу. Хреново ты живешь. Шатаешься неизвестно где, одет непонятно как, и жрешь всякую гадость.

Он брезгливо посмотрел на мою разбитую бровь и налил еще по одной. Осушив до дна свою рюмку, он продолжил:

– Скажу тебе по секрету: дальше будет хуже. Не будет так, как раньше. И долго еще не будет. А может, вообще, никогда... Это я от серьезных людей слышал. От тех, которые знают... А я... – он повернулся и стал рыться в кармане висящей на спинке его стула куртки.

– Я хочу тебе предложить вариант получше. То, чего ты достоин. Я тебя знаю, знаю, кто ты есть, и знаю, что ты че-

ловек, который мне нужен. – он наконец достал из кармана куртки пачку сигарет, закурил и продолжил – В-общем, слушай...

И я начал слушать. О том, что времена меняются. О том, что везде бардак. Бардак в том числе и в милиции, и она со своими обязанностями не справляется. О том, что ходят они в штопанных штанах с оружием, из которого застрелиться – и то с первого раза не получится. О том, что все разворовали. О том, что каждый выживает, как может, и если этого пока не видно, то это только вопрос времени. И наконец, о том, что скоро начнется полнейший амбец.

Так и сказал:

– Полнейший амбец...

Потом он налил еще по одной, и мы снова выпили.

– Но, сейчас, опять же, все меняется. Есть серьезные люди. И они работают. Хорошо работают. Но... Но! – повторил он, подняв вверх указательный палец – Им нужны серьезные гарантии. Того, что их никто не кокнет, не грохнет и не поимеет. Вот это я им и предлагаю...

– То есть, ты хочешь позвать меня в свою банду? – я уже понял, к чему он клонит, и решил называть вещи своими именами.

– Банду?! Ну почему же сразу – банду? – слегка оскорбился он – У нас, между прочем, не банда, у нас частное охранное агентство... Кооператив... Неофициальный... Пока...

– Вот все вы говорите: банду, банду... – продолжал он. –

А ты знаешь, чего мне все это стоило! Да меня в этом году три раза чуть не завалили. Если б не Лысый... – он налил себе рюмку и залпом ее опрокинул.

Дальше Серегу уже понесло, и я достаточно долго слушал о том, как он ко всему этому шел. Как тщательно подбирал людей: спортсменов – боксеров, футболистов, штангистов, оставшихся без призовых и пайка, воинов-интернационалистов, оставшихся один на один со своими контузиями и «афганским» синдромом, разных уголовников, известных ему по старым связям. С каждым он лично беседовал, каждого лично проверял в деле... Он, как муравей, таскал отовсюду оружие и прочий необходимый реквизит, давая взятки за списанные, отстрелянные, вещдоковские пистолеты, автоматы, покупал на черном рынке ножи, дубинки, кастеты, газовые баллончики. Все это стоило ему больших затрат сил и времени.

– Так что, если желаешь, добро пожаловать в наш небольшой, можно сказать, семейный бизнес... Такой вот кооператив...

– Знаешь, Серега, – перебил я его – я не знаю. Не знаю пока вообще, как дальше жить буду. Еще не решил. Может просто возьму, да уеду...

– Хорошо, Санька, ты, главное не торопись, подумай. Вот тебе телефон, – он вырвал из лежащего на столе блокнота листок и написал на нем телефон, – если что, позвонишь. Скажешь – насчет финской сантехники. Вот тогда и погово-

рим. Но, ты это... Про нас пока никому. Все-таки, конспирация. Мы, знаешь, кооператив неофициальный... Пока...

И он протянул мне листок.

Глава 8. Лютый. Самый дерьмовый косяк в жизни.

Настоящий друг – это тот, к которому ты можешь ворваться в три часа ночи

Со словами: «Собирайся быстрее, у меня, черт возьми, труп в багажнике!»

Homo Postsovetikus

Когда Лютый, Бро и Чувачок выбежали на улицу, было уже темно.

Бро озабоченно посмотрел по сторонам и спросил Лютого с нервным надрывом:

– Ну где этот твой жмур, где?!

Лютый указал в сторону арки. Там, недалеко от стенки, на земле лежал человек. Действительно, никаких признаков жизни он не подавал.

– Что ты, придурок, с ним сделал? – полупшепотом спросил Бро.

– Да, ничего особенного. Врезал, как следует, и все. – ответил Лютый.

– Видишь, он головой об асфальт ударился. Все, кранты... – констатировал Бро.

– Может живой еще? – с надеждой в голосе спросил Лютый, и посмотрел на Бро – надо пульс ему пощупать или что?

– Да жмур как жмур, и так все понятно – недружелюбно ответил Бро – нечего там щупать!

– И что делать?

– Прятать, мой друг... – Бро говорил совершенно без эмоций, – Прятать.

– Прятать? Куда?! – прошипел Лютый. В отличие от Бро, он был далеко не спокоен.

– Лучше всего кинуть в реку... – продолжал Бро – Или снегом засыпать.

– Где ты тут, бля, снег увидел! – Лютый подошел к нему вплотную и уже готов был схватить Бро за грудки.

Тут к ним подошел Чувачок, который до этого спокойно опорожнял мочевого пузыря здесь же в арке, метрах в трех в стороне.

– Я знаю, что делать – произнес он, на ходу застегивая ширинку – его надо подбросить на рельсы.

Лютый и Бро переглянулись и вдвоем посмотрели на Чувачка.

– Уснул пьяный на рельсах, несчастный случай – никто тебя искать не будет – махнул он рукой на Лютого.

Бро почесал затылок, а потом коротко произнес:

– Гениально. Вперед! – и пошел в сторону железнодорожного переезда

Лютый удивленно на него посмотрел. Бро кинул через плечо:

– Несите за мной. Я в авангарде.

И процесс пошел. Бро шел вперед метров пятьдесят, осматривал ситуацию, заглядывал за углы, за повороты, прочесывал боковые аллеи. Если все было спокойно, раздавался короткий свист, и тогда друзья протаскивали тело: Лютый, ухватившись за ноги, а Чувачок – за куртку. Они приподнимали его слегка над землей, проносили шагов двадцать-тридцать, а потом оттаскивали в сторону от дороги, чтобы передохнуть.

Мужик был крупный, нести его было не удобно.

Если ситуация была сомнительной, и следовало подождать, Бро начинал покашливать. Тогда приходилось отходить в сторону, вместе с телом прятаться в придорожных кустах и переждать, пока вновь не раздастся свист. Это значит – можно выходить из укрытия и вновь продвигаться вперед на двадцать-тридцать шагов.

По пути иногда встречались загулявшие допоздна парочки и подвыпившие граждане.

Подвыпившим гражданам Бро доверительно сообщал, что, там, сзади, откуда он шел, что-то случилась и милиции там тьма-тьмушая. Граждане почему-то ему верили и охотно сворачивали с маршрута.

Что касается парочек, то Бро представал перед ними во всей своей красе, с натуральным перегаром, покорнейше умоляя его простить и вешаясь им на плечи.

Парочки также исчезали с дороги, опасаясь навязчивых сопливых братских лобызаний.

Расчет у Бро был верный. Удивительно, что он так ни разу и не получил по шее.

Один раз он завернул за угол и начал кашлять сильнее обычного.

Лютый с Чувачком, не мешкая, оттащили тело в кусты, а сами затаились и прижались к свежей траве.

За углом послышались какие-то голоса, и буквально через минуту из-за угла вынырнул наряд милиции. Люди в форме прошли в двух шагах от кустов, где спрятались друзья, еле переводя дыхание и замерев от ужаса.

Милиционеры достаточно торопливо прошли мимо.

Через пару минут появился и сам Бро. Он коротко свистнул.

Чувачок ответил из кустов хриплым от волнения голосом:

– Мы тута...

– Ну что, обделались?! Давайте быстрее!

Лютый встал, отряхиваясь.

– Я им сказал, что в «Радуге» драка, они сейчас увидят, что драки нет и назад пойдут.

– Бро, ты идиот!

– Спокойно, чел! Работает специалист, так что ходу, ходу!

И он снова скрылся за углом. Чувачок и Лютый снова взяли мужика в четыре руки и в согнутом положении мелко потрусили до угла. Оставалась финишная прямая – надо было перейти через поле наискосок, дойти до переезда, а потом уже вдоль железки – все заборы, и людей там в это время

практически не бывает.

Друзья прошли этот участок и остановились уже за переездом. А там было видно, как уходили вдаль нитки рельсов, освещаемые редкими фонарями.

Бро осмотрелся и произнес:

– Все, прибыли. Давай, кидай его на рельсы, и уходим.

Лютый и Чувачок опустили тело. Разогнувшись, Чувачок посмотрел вниз:

– А он точно жмур?

– Жмур... К гадалкам не ходи – авторитетно заявил Бро, раскуривая сигарету.

– Ну что ж, тогда расход – произнес Чувачок и направился в обратную сторону.

Бро и Лютый пошли за ним.

Пошли назад молча, вдоль путей, чтобы видеть пойдут поезд или нет.

Потом, когда дошли до станции, поднялись на пешеходный мост и уже с другой стороны, сделав хороший крюк, вышли к району. Они остановились на перекрестке, где каждый должен был идти в свою сторону.

Бро серьезно посмотрел на всех и сказал:

– Ну как бы это... Кого заметут, пусть сам и выкручивается. – и он протянул правую руку ладонью вверх.

– Согласен – сказал Лютый и положил свою руку на руку Бро.

– Заметано – добавил Чувачок и накрыл руки Лютого и

Бро своей ладонью.

– Надо опять набухаться. Сегодня все коту под хвост – вздохнул Бро

– Папа в командировке, можем завтра у меня – предложил Лютый

Стали прощаться. Лютый пошел направо, Чувачок прямо, а Бро налево.

Пройдя пару шагов, Лютый вдруг остановился, и, обернувшись сказал, как бы ни к кому конкретно не обращаясь:

–А если он не жмур?

Чувачок услышал этот вопрос, остановился, и ответил, не оборачиваясь:

– Тогда это будет самый дерьмовый косяк в твоей жизни, чувак...

В пять часов утра машинист грузового товарного поезда из сорока груженных цементом вагонов не заметил лежащее на рельсах тело и поэтому не применил экстренное торможение. А не заметил тело он исключительно потому, что к тому времени никакого тела на путях уже не было.

Тридцатью минутами ранее, в четыре тридцать, на пост дежурного по железнодорожному переезду постучался человек, был он испуган, кричал, что его хотели убить. Одет этот человек был в матерчатую куртку с кожаными вставками.

Глава 9. Нагорный. ОБЭХАЭС.

Стать миллионером не трудно. Нужно просто дожидаться революции в России.

Арманд Хаммер.

История эта произошла со мной в самый разгар эпохи застоя. После того, как я месяц провалялся в лазарете с какой-то непонятной тропической лихорадкой, авторитетная медицинская комиссия, которая меня осматривала, заключила, что служить в армии мне дальше совершенно нельзя. А так как военная часть в песках Средней Азии, где я готовился исполнять интернациональный долг, оказалась совершенно секретной, домой я ехать пока не мог, потому что мои документы почему-то находились в каком-то Урюпинске, в стройбате, где я числился по «легенде».

Тогда мне и пришлось торчать несколько месяцев в одном хорошо известном среднеазиатском городе недалеко от места моей службы. Документы двигались в мою сторону крайне медленно, и хоть я и надеялся на то, что они когда-нибудь до меня дойдут, ни о каком ускорении их передвижения не могло быть и речи. Причем весь этот процесс осложнялся псевдо-сверхсекретной конспирацией и бюрократической тягомотиной. У меня был небольшой запас подъемных денег, а документов – можно считать, что и вовсе не было. В

местном военкомате не нашли ничего более оригинального, чем выдать мне справку об освобождении из местной колонии строгого режима.

Надо было как-то существовать, и я терся на местном рынке, пытаюсь заработать пару рублей, выполняя работу грузчика или носильщика. Работать официально мне было нельзя, и заработки мои были очень скромными. Жил я в каком-то бараке из шпал, и вскоре стал весьма страшен: грязный и заросший до неузнаваемости, в каких-то обносках, которые скоро уже впору будет называть «лохмотьями». Терпение мое кончалось, и я уже всерьез подумывал о том, а не вынести ли мне кассу из какой-нибудь чайханы.

Однажды на рынке ко мне подошел средних лет мужчина с аккуратной загорелой плешью.

– Смотрю, ты тут прописался... Вижу, не из местных. Кто таков?! – спросил он.

Я молча протянул ему справку.

– Каражал? – удивленно спросил он, подняв левую бровь.

В общем, через минуту он меня расколол, так как про Каражал я совсем ничего не знал. Разве что, только название.

– Из партизан, что ли? – усмехнувшись, спросил он

Как оказалось, он уже знал и про сверхсекретную часть, и про эти странные справки.

– Все должно быть секретно, я понимаю... – в итоге заключил он – Только ты эту бумажку оставь для мусоров, а еще лучше спрячь, и никому больше не показывай.

Потом он предложил мне подзаработать.

Работа оказалась непыльная, но очень ответственная. Незнакомец дал мне ключ. Каждое утро этим ключом я должен был открывать абонентский ящик на почте и брать оттуда записку. В записке был указан номер ячейки камеры хранения на местном вокзале и код от нее. Мне следовало вскрыть данную ячейку, где меня должен был ожидать массивный черный баул с товаром.

С этим баулом надо было ехать на электричке до другого не менее известного среднеазиатского города, чтобы оставить его уже там, опять же в ячейке камеры хранения на вокзале, а затем на почте бросить записку в другой абонентский ящик со строго определенным номером.

Следующей электричкой я должен был возвратиться назад, а вернувшись, можно было позволить себе заниматься любимыми личными вопросами вплоть до следующего утра, когда я должен был снова достать из первого ящика очередную записку вместе с причитающимся мне вознаграждением в советских денежных знаках.

– Если возникают проблемы, пиши записки. Оставишь в ящике, я быстро все узнаю и тогда тебя найду. Если захочешь уехать, утром записку не бери, забереешь деньги, закроешь ящик и кинешь в прорезь ключ. Тогда ты свободен, езжай куда хочешь, но в этом городе я тебя больше видеть не должен.

– Да и еще. – продолжал человек с загорелой плешью –

Первое. В баул не лезь. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Что бы ни происходило. Второе. Предупреждаю сразу. Исчезать с товаром не советую. Найду, хоть на Северном полюсе. И последнее. Если заметут мусора, лепи горбатого, все, что только придумаешь. Кроме правды. Никто не должен знать ни про меня, ни про эти ящики.

Все это, конечно, мне сильно не понравилось, но выхода у меня другого не было. Финансовое состояние мое было настолько плачевным, что впору было просить милостыню.

Вот так я и стал день за днем ездить туда и обратно электричками. Поначалу я сильно напрягался, боялся, что баул украдут, я проеду нужную станцию или милиция что-то заподозрит, но потом свыкся и понял, что в данном случае лучше всего – это вообще ни о чем не думать, относясь к баулу, как, скажем, к сумке с грязным бельем, с легким пренебрежением. Так что через неделю я уже умудрялся даже подремать между станциями. Заглядывать в баулы я и не думал. Честно говоря, я и сейчас понятия не имею, что там было. А на следующий день в ящике меня ждала трешка или пятерка, а иногда даже и червонец с запиской: «Сегодня отдыхай».

Заработки эти были не ахти какие – сильно не разгуляешься, но, по крайней мере, я уже мог позволить себе нормально питаться, одеваться, и не ночевать в бараке.

И, вот, однажды, когда я зашел с вокзала в военкомат, как я это по своему обыкновению делал раз в два-три дня, мне, наконец, сообщили, что документы прибыли, остались лишь

небольшие формальности, и через два-три дня я уже смогу уехать.

На следующий день я с утра, как обычно, взял очередной багаж, сел в электричку и по привычке немного задремал. Когда я вскочил, то понял, что случилось страшное. Баул пропал... Что называется, мне на погибель...

В панике, уже готовый рвать на себе волосы, я растерянно смотрел по сторонам, и тут заметил, что мой баул вовсе не пропал, просто он уплывает вдоль по проходу в руках незнакомого худощавого блондина. Тут же я подбежал к нему и схватил его за руку.

– Слышишь, парень, положи на место! Сам же не знаешь, куда лезешь!

– Ааа, что?! Сам ты парень! Лох вокзальный. Люди, помогите, грабят! – вдруг закричал он.

В общем, был он не промах. Тут же поднялся шум. На станции нас уже поджидала милиция, и я совершенно не знал, что мне делать. Товар мог пропасть в любую минуту. И главный кошмар всего этого – то, что и я, и блондин, и этот злополучный баул – все мы, в конце концов, оказались прямо в линейном отделении милиции. Если сумку там вскроют, пиши пропало... Домой я тогда в ближайшие годы точно не попаду.

В отделении было шумно. В коридоре сидело много местного народа, туда и сюда сновали курящие на ходу офицеры, кто-то скандалил за стеной, так громко, что было слышно на

весь коридор.

Наряд препроводил нас в один из просторных кабинетов с зарешеченными окнами. Пришел капитан с двумя сержантами. Капитан нас выслушал, потребовал предъявить документы. Я показал справку.

– Эх, товарищ, товарищ. Вот только освободились, и уже опять за старое.

– Да я не...

– А вот мы сейчас и разберемся, кто здесь ху... – сказал капитан, но запнулся, не успев развернуть мысль, так как дверь кабинета резко отворилась и вошел майор.

Он посмотрел на нас, потом на сумку, потом снова на нас и спросил строго:

– Что в сумке?!

Воришка сразу же ответил:

– Ну что там в сумке может быть-то? Вещи личные, одежда, то да се...

Майор с недоверием посмотрел на него и открыл на бауле молнию.

– А вот мы сейчас и посмотрим...

Майор заглянул внутрь, пытаясь это сделать так, чтобы не показывать содержимое сумки окружающим.

– У-тю-тю!! – воскликнул майор.

В кабинете нависла зловещая тишина.

– У-тю-тю!! – еще раз воскликнул майор – Вот так-так! Так... Чья это сумка, говорите?

Я уже понял, что по результатам осмотра ничего хорошего не светит, и, молча пожал плечами.

Майор недоуменно посмотрел на воришку:

– Значит ваша?

Воришка уже сообразил, что влез, куда не следует, и закричал:

– Э! Э! Вы меня тут в свои дела не путайте! Я вор! Только вор – и точка! Признаюсь! Отдаю себя в руки правосудия. – и он протянул майору обе руки, как бы для того, чтобы на него надели наручники.

– Отставить балаган! Петренко! Этих двоих на двое суток, будем разбираться, что за гуси. А ты, Филимонов – и он обратился к капитану – найди понятых, будем сумку описывать. И позвони в Обэхаэс, пусть своего пришлют. Тут, похоже, сумочка лет на пятнадцать тянет...

– Обэхаэс... – простонал воришка, и опустил голову.

А потом произошло чудо... Формально ведь я был еще военнослужащий, и по закону меня следовало в течении четырех часов доставить в военную комендатуру, что в последствии и произошло. Как об этом стало известно в милиции, для меня до сих пор загадка.

Мне иногда кажется, что тогда в мою жизнь кто-то вмешался: может быть, высшие силы, может, тот самый плешивый незнакомец, а может и товарищи чекисты, которые курировали нашу часть.

В военной комендатуре мне отдали мои документы и по

брони посадили на поезд, прямо в том виде, в котором я был, в спортивном костюме и шлепанцах, с полутора рублями и билетом на электричку в кармане, с ключом от этого почтового ящика, который я первым делом, как только поезд отъехал от города, бросил в дырку унитаза, и они, коротко звякнув, исчезли из моей жизни навсегда.

И собственно говоря, на этом мое участие в данной истории закончилось.

К чему я это все сейчас вспомнил?

Ах да... Этот самый воришка, худощавый блондин – и был Серега Штык, в то время начинающий вокзальный вор – майданщик. Правда, те несколько часов, что я провел вместе с ним в изоляторе, я надолго запомнил. И для меня он в этом смысле, почти как родной. Но сейчас не об этом...

Все-таки, жизнь – очень интересная штука...

Глава 10. Лютый.

Очередная попытка.

Кхе-кхе...

Совесть

Лютый полулежал на диване и безразлично смотрел в потолок. Рядом в кресле сидел Бро. Он пришел примерно полчаса назад, за это время уже успел полазить по книжным полкам и уже держал на коленях с дюжину различных книг.

– Ты все это что ли читаешь? Или твой батя? – спросил Бро

– Да никто не читает. Папе некогда, а мне лень... – ответил Лютый.

Бро отложил очередную книгу. Теперь у него в руках был том журнала «Новый мир»

Он его быстро листал и вдруг остановился, с интересом разглядывая написанное.

– Хм... Интересно – произнес он – Как я раньше до этого не додумался... Можно я у тебя его почитать возьму?

– Валяй – лениво ответил Лютый.

Бро положил журнал в сторону и теперь листал «Антологию зарубежного детектива».

– Слушай, Бро, ты вот умный человек, книжки читаешь – сменил тему Лютый после некоторой паузы – Скажи мне

простую вещь.

– Валяй – в тон Лютому ответил Бро.

– Это когда-нибудь пройдет?

Бро посмотрел искоса на Лютого, отложил книгу и, потянувшись, деловито произнес:

– Я тебе другую простую вещь скажу. Знаешь, что в твоей жизни зависит лично от тебя? – Бро дружелюбно повернул к нему голову

– Ну, и что?! – Лютый немного привстал.

– Ничего!

– Что?!

– Ничего!!

– Да ну!

– Абсолютно ничего!

– Да врешь ты все... – Лютый снова прилег на диван, теряя интерес к разговору.

– Тебе этот мужик просто попался – как бы сам с собой разговаривая, Бро продолжал тему – Подвернулся под руку... Не было б тебя, ему бы кто-нибудь другой вдарил. Или он бы сам убился.

– Ну все равно – удивленно произнес Лютый – вот я хочу сжать кулак. И я его сжимаю. Могу сжимать, могу не сжимать...

– Ну и что? – парировал Бро – Никакого смысла твой кулак сейчас не имеет. Вот ты лучше попробуй Папу убеди, что ехать поступать никуда не надо!

– Да, с этим посложнее будет – смиренно констатировал Лютый и продолжил смотреть в потолок

Раздался звонок в дверь.

Лютый нехотя встал с дивана и пошел открывать.

На пороге стоял Чувачок. Этот человек всегда был на позитиве. В руках он держал какой-то сверток, в котором, как выяснилось, находились три бутылки портвейна.

Лютый подхватил сверток, поставил бутылки на журнальный столик, и пошел на кухню за стаканами.

Когда он вернулся, Чувачок и Бро о чем-то лениво спорили.

– Хорошая штука – вздыхал Бро, листая книгу – Редкий самиздат. И сколько хочешь?

– Пятнадцать – сказал Чувачок коротко.

– Э! На своих наживаешься! Давай хотя бы десять.

Чувачок молча покачал головой, а потом добавил:

– Я пока ее выиграл, двадцатку просадил. Так что пятнадцать, не меньше.

На лице Бро изобразилась гримаса неподдельного страдания.

– Ммм... Давай я ее возьму, пиплу покажу, может кто дороже купит.

– Залог оставляй – невозмутимо ответил Чувачок.

Пока Лютый ходил туда-сюда, разливал портвейн по стаканам, раскладывал скромную закуску, какая была в холодильнике, Бро незаметно сунул Чувачку взятый ранее у Лю-

того журнал и тихо пробормотал:

– Вот бери пока, завтра разберемся.

Наконец все уселись, и, молча, не чокаясь выпили.

– Напиток богов – произнес Бро, закусывая ломтиком сыра – Душа прямо-так и разворачивается.

– И не говори... – подтвердил Чувачок.

– Хозяин – вкрадчиво прошептал Бро, обращаясь к Лютому, который явно был в подавленном состоянии, и прихлебывал портвейн из стакана, не закусывая.

– А?!

– А ты нам включи эту волшебную коробочку – Бро указал полупустым стаканом на телевизор – Она у тебя работает?

Лютый включил телевизор. В это время как раз шел итальянский сериал про тяжелую борьбу полиции с мафией. Там все время кого-то расстреливали, травили, топили, убивали всеми видами колюще-режущих предметов и даже электрическим током. И каждый раз главный герой – комиссар полиции, чудом оставшийся в живых, безутешно рыдал на переднем плане. Бро каждый раз вставлял какой-нибудь туповатый саркастический комментарий, над которым Чувачок громко и неприятно гоготал.

Лютый осушил очередной стакан портвейна, смотреть фильм ему не хотелось, – и как-то стало тошно. И он прикрыл глаза, и уже стал подремывать, по всему телу разлилось приятное тепло, совершенно не хотелось шевелить ни руками, ни ногами.

Потом какая-то горячая струя ударила в голову. Стало нехорошо, начало мутить и закружилась голова. Лютый открыл глаза, увидел озабоченное лицо Бро, повернулся и блеванул на пол.

Комки блевотины разлетелись по белоснежному ковру вместе с бурыми струями наполовину переваренного портвейна.

Лютый встал и заплетающимися ногами побрел в другую комнату. Сзади слышалось какое-то мычание Бро, по всей видимости, он тоже уже лыка не вязал.

Лютый упал навзничь на кровать и закрыл глаза. Все тело вращалось туда и сюда в разные стороны, как на трехосной центрифуге. Очень хотелось блевать, но блевать было уже нечем. Постепенно центрифуга замедлила свое вращение и Лютый заснул.

А потом ему приснился голос. Это был мягкий голос, добрый, но печальный.

– Не делай зла, не твори добра. Солнышко по утру радостию привечай. И возлюби братьев и сестер своих, аки самого себя. И ежели ударили тебя по левой щеке, подставь пра...

– Правильно это все. Правильно! – вмешался другой голос, резкий и звонкий, – Но, как говориться, чему быть, того не миновать!

– Осторожно! Берегитесь поезда! – появился еще один женский бесцветный голос – Осторожно! Берегитесь поезда!

Лютый бежал по каким-то зарослям, он чувствовал себя

все легче и легче, ноги его все больше и больше отрывались от земли, и вдруг он почувствовал, что полетел.

Стало тихо и вновь вернулся первый голос, такой мягкий, успокаивающий:

– Слышишь, как птицы поют? Птицы – есть твари Божии. Птица – сие значит душа человека. А птица поющая – сие значит душа, избавленная от забот и тягот.

– Аааа!!! Аааа!! – где-то, будто вдалеке появился истошно вопивший голос – Ей-богу! Ей-богу! Я клянусь! Клянусь! Этого больше не произойдет!

– Клянется он! – вновь появился резкий и звонкий голос – Ты лучше на себя посмотри... На кого ты стал похож?! Ууу... То же мне Гагарин...

Лютый отрывался от земли все выше и выше. Рядом с ним парили какие-то разноцветные ошметки.

– Эй, эй, куда это он? – обеспокоенно заговорил резкий и звонкий – Ну-ка остановите его, ему туда нельзя. А ну назад! Эй, эй, человек!

– Поле... – вдруг запел первый голос, мягкий и успокаивающий.

– Я протестую! – продолжил резкий и звонкий голос – Я требую!

– Русское поле... – продолжал петь первый

– Я требую прекращения эксперимента!

– Светит луна или падает снег.

– Довольно! – вдруг произнес густой бас.

Какая-то сила пригвоздила Лютого к постели, он ощутил, что сила тяжести вернулась. Вернулись также боль, головокружение и желание блевать. Какой-то червь копошился в голове, пожирая мозг. Во рту был металлический привкус. Он открыл глаза. Все вокруг было, словно в дымке. В ушах звенело.

Лютый с трудом поднялся и вернулся в гостиную.

Чувачок полулежал на кресле, величественно положив ступни ног на журнальный столик и курил.

Бро, весь облитый портвейном, сидел на полу, на бывшем когда-то белоснежным ковре и смотрел телевизор, пытаясь сфокусировать взгляд.

– А НУ ПОШЛИ ВСЕ ВОН!!! МЕНЯ ПАПА УБЬЕТ! –
рассвирепел Лютый

Он взял обоих за шиворот и потащил к двери.

– Эй, эй, боты, отдай боты...

– На, держи свои боты! Проваливай! И ты проваливай!

Лютый вытолкнул обоих на лестничную площадку, закрыл дверь, потом опустился на пол и разрыдался, после чего уснул прямо на полу.

Утром его разбудил звонок телефона.

ДРРРРРР...

Где этот дурацкий телефон?

ДРРРРРР...

Справа пятна блевотины на белом ковре...

ДРРРРРР...

Слева огромная прожженная дыра в обшивке кресла.

ДРРРРР...

Диван, выглядевший так, словно на нем побывала рота солдат.

ДРРРРР...

Ах да вот же он.

– Але! – еле разлепив засохшие губы, произнес Лютый.

– Але! Привет! Ты там жив?

– А, Бро? Слышь, извини за вчерашнее...

– Да хрен с ним!!! Тут другие сказки Андерсена начались... Валерку-то нашего, Чувачка, того, утром в КПЗ забрали...

Глава 11. Нагорный. Свобода выбора.

Если не знаешь, что делать – делай шаг вперед.

Из кодекса чести.

На следующее утро я встал и понял, что на работу мне идти совершенно не хочется. На работу – то есть, в школу. В школу – то есть, на работу.

Говорят, однажды герой анекдотов Вовочка тоже не хотел идти в школу. Вот мама ему и говорит:

– Вовочка, иди в школу. Школа – это дом знаний, там ты сможешь на переменках играть со своими друзьями. Ну и в конце концов, ты все-таки директор школы.

В конце концов, я все-таки учитель... И я должен взять себя в руки, проглотить нехитрый свой завтрак и поплестись маршрутом, который был уже хожен мною много-много раз.

Всю дорогу от дома до школы мне лезла в голову одна назойливая мысль. Я стал анализировать свои поступки за последнее время, а произошедшую со мной на днях историю – особенно, и задался вопросом: а мог ли я в каждом отдельном случае поступить как-нибудь по-другому. Например, мог бы не геройствовать, а спокойно пойти себе восво-яси, или не стал бы заходить в «Росинку», а пошел бы, например, да искупался? Мог или нет? Хотя бы в принципе?

Мог ли я не дежурить на дискотеке, не свистеть в туалете?

Не ходить в кабинет к директору, наконец?

Ответов у меня не было, и я решил поэкспериментировать. Вообще, надо начинать с малого. Неподалеку я увидел лежащую на дороге перевернутую консервную банку. Вот сейчас я ее пну. Изо всех сил. И она улетит очень далеко. Я так решил. А значит, так и будет.

Я разогнался как следует, подбежал к банке и размахнулся правой ногой. Прямо-таки форвард сборной Голландии. Удар! И... Банка осталась на месте. А я еле сдержался, чтобы не заорать. Пальцы пронзила резкая боль, и я едва устоял на ногах. Что же это за баночка такая?! Надо глянуть. Я наклонился и приподнял ее – банка прикрывала короткий торчащий из земли кусок трубы.

На противоположной стороне улицы стояла старушка с кошелкой. Она пристально смотрела на меня и крестилась.

Когда я, прихрамывая, зашел в учительскую, там было несколько шумно. Посреди помещения стояла молодая учительница, вся в слезах, мокрая с ног до головы. Вокруг нее собрались другие учителя.

– Вот же дегенераты! Дебилы! Слов нет... Как так можно?! Молодой учитель пришел в класс! А они так?! Я им покажу! – возмущалась Елена Петровна.

Я спросил у географа, который стоял немного в стороне, что же, собственно, произошло.

– А вот, облили водой Варвару Николаевну. Поставили ведро с водой над дверью, подперли чем-то. А она вошла, ну

и... Вот как-то так...

Стали разбираться, что к чему и оказалось, что как раз следующий урок в этом классе у меня. Елена Петровна решительно направилась вместе со мной, чтобы разобраться на месте.

– Ну ничего, ничего, дождутся они у меня экзаменов. – ворчала она – Все в ПТУ пойдут! Давайте мы им вместе с вами сделаем внушение, Александр Сергеевич. Хорошее внушение... Что-то ж надо делать... Как это так?! Уму непостижимо.

По поводу того, что надо что-то делать, у меня не было сомнений. Но вот по поводу внушений, как раз наоборот, уверенности не было. Уверенности в том, что эти внушения хоть сколько-нибудь помогут. Если, конечно, тот, кто их собирается делать, не профессиональный гипнотизер.

– А может мы их того... – неожиданно возникшая мысль не давала мне покоя.

– Чего – того? – переспросила Елена Петровна.

– Ну, того... Внушение сделаем через сеанс гипноза. Сейчас, говорят, наука шагнула далеко вперед.

Елена Петровна как-то странно на меня посмотрела, и мы зашли в класс.

Если бы на нас сейчас сверху полилась холодная вода, а потом еще вдогонку, с грохотом, прилетело бы пустеющее на ходу ведро, я бы, наверное, не удивился. Удивился бы я, наверное, немного позже. Интересно изучать и анализировать

собственные реакции.

Вот, как бы я поступил? Орал бы? Швырнул бы это ведро в гущу класса? Или что?!

Водой из ведер меня пока не обливали...

Как-то раз меня сильно достал один мальчишка. Он пожелал выбежать из класса, бросив на ходу что-то оскорбительное, и я, перепрыгнув через две парты, настиг его у доски и хотел дать хорошую затрещину. Но промахнулся. У детей хороший инстинкт самосохранения, и он нырнул куда-то вниз. А я со всей дури врезал рукой по доске. Удар был такой силы, что массивная доска сразу же слетела с креплений и, зловеще проскрежетав по штукатурке, врубилась в пол возле плинтуса. Задребезжали тогда оконные стекла, затрясся пол. Вот это было сильное внушение. И для меня, кстати, тоже. Мальчишка тогда чудом не пострадал.

– Так, кто это сделал?! – спокойно, но грозно спросила Елена Петровна, ни к кому конкретно не обращаясь.

Тишина.

– Кто это сделал!?! – теперь уже слышались металлические нотки.

Напряженная тишина.

– КТО ЭТО СДЕЛАЛ, Я ВАС СПРАШИВАЮ!!! – теперь уже гроза была в самом разгаре

Тишина.

– Значит так! Если... Еще раз! Нечто подобное повторится!! Я добьюсь! Слышите?! Добьюсь!! Чтобы всех вас, всех

до единого, поставили на учет в милиции! Вот тогда вы у меня попляшете!! Это что ж творится-то? Никогда, никогда еще такого не было! – запричитала в конце концов Елена Петровна.

– Александр Сергеевич! Вы вот с ними поостроже, пожалуйста. – добавила она.

– Ничего, ничего, все в порядке. У меня своя, авторская методика – ответил я.

Елена Петровна пошла к выходу, а я, опередив ее, вырвался вперед и галантно открыл для нее дверь. Кавалер из меня так себе... Я только хотел удостовериться, что при этом ничего не свалится, не упадет, а за дверями нет ничего, что могло бы повредить.

Буквально через минуту, не больше, я вернулся в класс.

На моем столе стоял стакан. Стакан с какой-то жидкостью. Скорее всего, с компотом. Проблема была в том, что стакан был перевернут вверх дном.

Это был старый трюк, основанный на элементарных законах физики. Я знал, как это делается – стакан накрывался тетрадным листком и переворачивался, и вот в таком положении его ставили на стол. Листок затем аккуратно вытягивался, а жидкость, имея поверхностное натяжение, никуда не выливалась. Получалось такое вот послание от вездомного разума.

Неопытные педагоги, сталкиваясь с этим феноменом, обычно, начинают паниковать. По их разумению, лучшим

вариантом действий в этом случае является попытка резко перевернуть этот стакан, так, чтобы не разлить содержимое. Как ни парадоксально, но этим грешат даже учителя физики. Хотя, уж они-то должны знать, к чему это приведет. Стакан стоит, как приклеенный, оторвать его не так-то просто, а если это и удастся, то компот оказывается разлитым повсюду в радиусе двух метров, даже на потолке.

Что ж, существует немало способов достойно выйти из этой ситуации...

Можно, как сумасшедший профессор-алхимик, пойти в подсобку, принести оттуда початую бутылку постного масла, налить масло тонким слоем вокруг стакана, таким образом сотворив временную защиту, и, слегка приподняв его, просунуть между столом и стаканом лист бумаги, а еще лучше картон, и перевернуть стакан обратно, дном вниз. Масло не даст жидкости вылиться.

Можно, будучи, например, заслуженным мастером спорта по тяжелой атлетике, взяться одной рукой за стакан, а другой за стол и перевернуть всю эту конструкцию, так чтобы не стакан стоял на столе, а стол на стакане.

Можно было, в конце концов, позвать техничку, и она быстрым отточенным движением смахнула бы этот несчастный стакан вместе с содержимым со стола прямо в ведро. Но это все не то... Не то... И вообще, сдался вам это стакан! Пусть себе стоит...

Я уже говорил, у меня своя, авторская методика.

Все эти трюки – пораженчество. В любом случае приходится терять время и авторитет, играя определенную роль клоуна на полставки. А они-то за тобой наблюдают, смотрят, выводы делают. Обязательно увидят испуг в глазах. Я бы, может быть, и согласился на роль клоуна, но только лишь в том случае, если бы эти дети не были так сильно испорчены.

А методика моя достаточно проста – подобные поступки надо максимально дегероизировать. Максимально... Свести их авторитет на нет, приблизить к нулю, а то и выкинуть их в область отрицательных чисел. И у меня была свобода выбора, как это можно было сделать.

Что вы там говорите? Вы самые крутые хулиганы в школе? Ну тогда держите. Ловите платочек. Утрите сопельки. Ах да, забыл предупредить, я этим платочком говно с ботинок очищаю...

Я подошел к столу, взглянул на стакан, и окинув взглядом класс, брезгливо сказал:

– Кто поставил сюда эту парашу?

Какие-то неуверенные смешочки. И все ждут – что же будет дальше?

Ничего, я ведь, как и обещал, сделаю так, что этот стакан, равно как и тот, кто его сюда поставил, потеряют свою социальную значимость.

Я пошел в конец класса, взял двумя руками свободную парту и стал тащить ее к доске. Все притихли, и стали смотреть. Наконец, дотащив парту, я на вытянутых руках перенес

все свои вещи с учительского стола на парту, стараясь демонстративно держать максимально возможную дистанцию...

Потом я искоса глянул на стакан, и сказал, будто бы сам себе:

– Я, конечно, не доктор, но, по-моему, там моча.

А потом, тщательнее присмотревшись к стакану:

– И следы зубов... Из него, что, кто-то пил?

Глава 12. Лютый. Свобода от выбора.

Свобода – это осознанная необходимость.

Да вот только нам век такой свободы не видать.

Просветлевший Спиноза

Провалившись в полудреме еще часа два, Лютый проснулся и долго смотрел в потолок.

Тягучее, мерзкое, липкое чувство страха поднималось откуда-то из подсознания. Маленький этот страшок, совсем крохотный, словно капля камень, точил и точил подсознание, постепенно выходя в сознание – и оказалось, что не такой он и маленький, этот страшок, что это целый айсберг, девять десятых которого скрывалось неизвестно где, и теперь он выползает, затмевает разум, парализуя и блокируя всякую способность действовать и мыслить.

Не страшна была милиция – бегал в свое время Лютый и от милиции. И не так страшно было оказаться под следствием – это было тоже вполне переносимо и понятно. Страшно было другое – а именно то, что все это могло произойти в любой момент – в следующую секунду или никогда.

Или никогда... И тогда Чувачок будет отгрести за всех по полной и получит сполна, сколько там ему полагается по Уголовному Кодексу.

Хотел бы он быть на его месте? Очевидно, нет. Должен ли

он был что-то сделать? Очевидно, да. Но, что он должен был делать, было совершенно непонятно.

Информации было крайне мало. Даже всезнающий Бро, к которому Лютый примчался в дежурную смену в отделение травматологии, как только узнал неприятную новость, только пожимал плечами. Местная шпана видела, как у «Радуги» долгое время бродил какой-то тип в штатском. Бродил и бродил... Что-то искал, копался, расспрашивал. Побродил, потом уехал.

Но где-то они прокололись? Иначе как так это получилось? И почему не взяли всех?! Почему именно Чувачок?

А еще, оказывается, существовала такая штука, как совесть... О, совесть. Должно же возникать какое-то чувство после того, как убьешь человека. Пусть даже нечаянно. Это как потеря невинности? Или какое-то другое чувство? Лютый понимал, что, скорее всего, это какое-то другое чувство.

По крайней мере, все его мысли постоянно крутились вокруг одного и того же... Одного и того же. Одного и того же! До темноты в глазах, до тошноты, до одурения.

Первой реакцией было желание пойти сдать. Все это происходило на глазах у удивленно смотревшего на него Бро с проявлением некоего подобия истерики. Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы Бро не ткнул его больно костяшками пальцев под ребра и не прошипел на ухо:

– Тебе что, диазепам вколоть?! Могу устроить...

Это подействовало. Непонятно почему, но подействовало.

Неприятно было осознавать, что по твоей вине умер человек, да еще и отвечает за это другой. Твой друг...

Лютый немного успокоился и в каком-то полубезыствии дошел до дома, где метался, не зная, к чему себя приложить, пока его не сморил тяжелый неприятный сон.

Да и еще...

Лютый смежил веки.

Есть еще один немаловажный момент.

Он вновь забылся недолгим сном.

Папа... он будет очень зол.

Вдруг он почувствовал, как что-то приподнимает его вверх за ухо.

Просто вне себя.

Лютый вскочил с постели, продирая глаза, но тут же мощная оплеуха отправила его обратно.

Папа, как всегда, был легок на помине. Он прошел через комнату, потирая ушибленную кисть и оказался сидящим в кресле.

А Лютый, схватившись за голову, сидел на кровати, и смотрел исподлобья, как Папа беззвучно шевелит губами, кусая время от времени зеленое яблочко с красным боком.

Через минуту звон в ушах прошел и можно было понять, что Папа говорит:

– Знаешь, сын, давно тебе хотел сказать... Хреновый из тебя Джеймс Бонд... Честно скажу – хреновый. Ты почему его не добил?

– Чего?! – Лютый чуть не подскочил.

– Где контрольный в голову?! Почему к рельсам не привязал? – Продолжал Папа – Раз ты крутой, будь крутым уже до конца...

– Так он жив?! – вздох облегчения вырвался у Лютого.

– Живее, чем мы с тобой...

Лютый почувствовал некое подобие счастья. Значит, все не так уж плохо... Значит, все это он себе накрутил. И не надо больше думать об одном и том же – до забытья, до одури. Жизнь налаживается. Осталось только вытащить Валеру. Слеза скромной радости медленно покатила по его щеке.

Но папа этой радости не разделял, он быстро вернул своего сына на землю:

– Мало того, что он жив, так еще чрезвычайно серьезно настроен засадить вас всех за решетку. Всех... До единого. Знаешь, попытка убийства – серьезная статья.

И он швырнул на стол журнал, который до этого держал в руках... Это был тот самый журнал, что у него вчера взял Бро. Журнал раскрылся, и Лютый успел прочитать лишь заголовки:

ИСТУКАНЫ

(отвечая И.Бродскому)

Из раскрытого окна подул свежий весенний ветер, он перелистнул страницы журнала, и теперь Лютый смотрел на разворот, полностью покрытый мелким кеглем.

– Знаешь, Папа, тут у Валеры проблемы... – вспомнил

вдруг Лютый.

– У Валеры?! Значит, ты говоришь, у Валеры проблемы?! – ответил Папа – Нет, нет, дорогой, это не у Валеры проблемы, это у тебя проблемы! С ГОЛОВОЙ!!!

Лютый сидел, опустив глаза. Что верно, то верно.

– На хрена ты его на рельсы потащил?! – продолжал Папа
– У тебя, что совсем мозгов нет?! Дегенерат...

– Папа! Так получилось...

– Ах, получилось? Хорошо... Раз получилось, значит так!
Шутки кончились. – Папа говорил уже на полном серьезе
– Слушай меня внимательно! И запоминай! Иначе будешь сидеть в тюрьме вместе с Валерой. Хотя нет...

Папа поднял вверх указательный палец

– У меня есть идея получше – ты у меня служить пойдешь! В Нагурскую.

Нагурская... Это для Лютого был самый страшный кошмар на земле, хотя знал он про Нагурскую совсем немного.

Разве только то, что, находится она на восьмидесятой параллели.

А еще знал он одну занятную историю. Про солдата пограничной службы, который там служил. Он уже не помнил, где он эту историю слышал, но она очень хорошо врезалась ему в память.

Когда этого солдата из Нагурской отправили в отпуск домой, у него была только одна проблема – как туда попасть. Вертолет ожидался только через неделю, и, хотя для Нагур-

ской это было вполне нормально, терять драгоценное время отпуска не хотелось. Тогда сметливый солдат напросился на атомную подлодку, которая всплыла у заставы по каким-то своим делам, и направлялась в дальнейшем в Мурманск.

Сначала все шло по плану. Ну а дальше вышел конфуз... По пути следования в Мурманск из Центра пришел приказ – и подлодка, не заходя ни в какие порты уплыла на шестимесячное автономное боевое дежурство в северную Атлантику. А что касается солдата, то его сперва объявили в розыск, но, потом, когда выяснилось, что и дома в Воронеже он тоже не был, признали без вести пропавшим – искать его никто не стал, ведь район поиска был чрезвычайно велик. Через полгода этот солдат, как ни в чем не бывало, вновь появился по месту прохождения срочной службы, в том же самом, ничуть не износившемся, словно с иголки, бушлате...

– Короче! – рявкнул Папа – Полтора дня тебе на сборы! Документы возьми. Подашься на поступление и на подготовительные курсы. Мы с тобой уже говорили об этом... А я здесь все сам решу! Послезавтра тебя здесь уже не должно быть.

– А как же Валера? – спросил Лютый.

– Валера? А что Валера? Во-первых, он сам дурак, что с тобой связался. Во-вторых, смысла нет его вытаскивать, он через пару месяцев опять туда загремит. Ну а в-третьих, я, извини, не палочка-выручалочка. Я из-за каждого придурочного не могу рисковать... Терпила – человек не про-

стой... Со связями. Этим, знаешь, могут и заинтересоваться... Там! – и он показал пальцем вверх.

Папа выбросил огрызок в окно и вышел из дома.

Глава 13. Нагорный.

Теория и практика.

...известно, что самые первосортные мальчики в рыхлых организационных формах коллектива очень легко превращаются в диких зверёнышей.

А.С.Макаренко.

Если честно, я не педагог. По профессии – да, я педагог. Но это не моя стезя, и я давно знаю это. И вот почему.

В период юношеского максимализма, да, – сеять разумное, доброе, вечное – это казалось мне призванием. Но, сейчас, увы, я понимаю, что это не совсем так. Можно даже сказать, совсем не так... Просто, в один прекрасный момент я понял бесполезность этого. Не скрою, у меня есть огромное желание сделать из этих детей если не «строителей коммунизма», то хотя бы честных, умных, порядочных людей. Но выходит-то совсем по-другому...

Вот, допустим: я беру, и делаю из человека «строителя коммунизма». И Петр Иванович делает из него «строителя коммунизма», но уже по-другому, по-своему... И Анна Никаноровна тоже... А потом этот будущий «строитель коммунизма» покидает школу и видит дома что-то совсем другое, а по телевизору – что-то третье, а на улице – четвертое... В итоге, все это усредняется, и вместо «строителя коммуниз-

ма» получается какой-то среднестатистический дурак, который сбивается с другими такими же среднестатистическими дураками в стаи, где они придумывают свои дурацкие законы, от которых сами же потом и страдают... В зависимости от особенностей воспитания у нас может получиться среднестатистический дурак с придурью, среднестатистический дурак с комплексами, среднестатистический дурак с психическими отклонениями, и так далее, и тому подобное, вплоть до среднестатистического дурака с инициативой.

Но есть еще и обратная сторона медали... Допустим, я все-таки прыгну выше головы и воспитаю одного честного и порядочного человека. Пусть... Он закончит школу, выйдет из нее с аттестатом о среднем образовании, пойдет и завернет за угол, где его встретит какой-нибудь отморозок из параллельного класса с компанией, которые втопчут его в грязь, а потом он устроится на работу на какой-нибудь заводик, где его научат врать, воровать, изображать бурную деятельность и пьянствовать...

Можно воспитать двух-трех честных и порядочных людей, и даже целый класс. Но и они утонут в этом бездонном море. Чтобы изменить ситуацию, нужны тысячи и тысячи... Тысячи и тысячи...

Поэтому, быть педагогом – это не мое. Но, слава Богу, мне не нужно в сотый раз тереть о рукав эбонитовую палочку и делать вид, что ты ее видишь в первый раз, или кидать в серную кислоту таблетку цинка и восторженно говорить о пу-

зырьках водорода. У меня есть русская литература, в которой девяносто процентов персонажей – те же среднестатистические дураки, в которой девяносто процентов цинизма, а оставшиеся десять – национальный колорит... И у меня есть русский язык, в котором огромное количество правил, и несметное количество исключений из правил, и который настолько гибок, что художественная ценность практически любого иностранного художественного произведения, переведенного на русский язык, определяется в большей степени уровнем переводчика, нежели уровнем автора...

А я – циник. Циник, полный всякого дерьма, и я, ведь, тоже дурак, но я не дурак среднестатистический, я – дурак специфический. Специфический дурак с придурью... Так и есть – я этого не отрицаю. И придурь моя иногда оказывается педагогически полезной, как в случае с этим злополучным стаканом.

Когда урок закончился, я снова спустился на второй этаж в учительскую. В учительской было уже более-менее спокойно. У меня был перерыв между уроками, так называемая «форточка», и я сел у окна, предаваясь своим размышлениям.

Вдруг появилась Петровна. Она была озадачена и взволнована.

– Саша, Александр! Срочно, срочно! Пойдемте, вы мне нужны!

– Что такое? – неохотно отозвался я

– Кажется там, за забором, на стройке, кого-то из наших детей бьют. – выпалила она.

– Может, все-таки, стоит вызвать милицию? – честно ответил я.

– Ну что там милиция сделает? Там же дети... – Петровна всплеснула руками – Мы должны этим заниматься.

Она пошла, я встал и без особого энтузиазма пошел за ней. Мы вышли во двор школы и, перейдя через футбольное поле, в конце концов, пришли к забору стройки. Стройка эта давно уже была заморожена, и там не было ни строителей, ни техники. Только недостроенное здание, да и бетонный забор вокруг. Отдельные плиты забора отсутствовали и на их месте кое как была натянута сетка из проволоки.

Мы подошли к участку забора из сетки и стали вглядываться.

Да, действительно, там один мальчик бил другого. Бил довольно жестко: руками и ногами, хватал за волосы и душил. Драки не было, было форменное избиение. Рядом стояли еще двое.

– Эй, а ну-ка прекратите! – закричала Петровна.

Компания пошла в обход здания, исчезая из виду. Избиваемый послушно следовал за ними.

– Александр Сергеевич, я прошу вас, сделайте что-нибудь! – умоляла Петровна

Я примерился и, вспомнив юность, подпрыгнул и ухватился за верхнюю перекладину забора, затем уперся ногами

в сетку и перелез через забор.

Прежде всего, мне надо было подыскать педагогический аргумент повесомее. Я выдрал из ближайших зарослей сирени хороший прут, а затем пошел за хулиганами в обход здания.

Когда я обошел здание, увидел, что вся компания перелезает через забор с другой стороны стройки. Опять же, жертва экзекуции перелезла первой, и никаких попыток убежать не предпринимала. Пацан ждал, пока к нему не подошли и не отвесили тумака. Потом он был схвачен за шею в борцовский захват и уведен дальше.

Я пошел за ними, перелез через забор и осмотрелся по сторонам. Рядом стояла стайка малышей.

– Куда они пошли? – спросил я.

Малыши испуганно посмотрели на меня и пожали плечами. Я доверился интуиции и пошел по тропинке, сворачивающей за угол.

Один из малышей тихо рассуждал у меня за спиной:

– Эх, был бы у меня такой огромный бицепс, подошел бы к этому, как дал бы, чтобы улетел...

– Да разве бицепс тут поможет?! – небрежно кинул я.

– А что поможет?

Я остановился. Малыш смотрел на меня ясными, честными глазами.

Как много ему нужно было рассказать! И то, что, если ты испугался, сдался, тебе не помогут ни огромные бицепсы, ни

первоклассная техника ударов. Тебе не поможет даже пистолет. И то, что я видел, как худой, как шпала, юноша, с руками, похожими на веревки, один, без оружия, в кровь месил нескольких здоровых, накачанных мудаков с огромными бицепсами. Просто потому, что морально был более прав, чем они.

Но малыш смотрел на меня ясными, честными глазами.

– У тебя все получится... – наконец выдохнул я – Ты только подрасти.

Я завернул за угол. Предчувствие меня не обмануло. Там была та же компания плюс еще человек пятнадцать.

Пацана уже били ногами на земле. Опять же бил один, а рядом стояли двое, они время от времени плевали сверху на лежащего.

Я подошел сзади и хорошенько хлестанул прутом по спине агрессора. Он взвизгнул и обернулся.

– Чего тебе тут надо?! Иди в школу!! – огрызнулся он.

Я еще два раза хлестанул его по плечам, он завалился на траву и стал скулить.

Тот, кого избивали ногами, сел на землю, и в слезах начал голосить:

– Зачем вы это сделали?! Я в карты проиграл!!! Желание!!! Теперь они начнут все сначала... – и он разрыдался.

От толпы, окружавшей меня, отделился верзила примерно двадцати лет отроду. Он подошел ко мне, на ходу доставая нож:

– Мужик, ты что здесь забыл!? Карточный долг – святое. Не мешай...

Я, недолго думая, ткнул его пальцем в глаз. Долго думать в таких ситуациях, вообще, вредно, по-моему. Верзила крикнул и осел на землю, прикрыв ладонью раненый глаз.

Вокруг стояли тринадцати-, четырнадцати-, пятнадцатилетние. Они смотрели на меня серьезно. Казалось, вот-вот они кинутся на меня.

Все было безнадежно. Чтобы изменить здесь что-нибудь, нужны были человек двадцать с розгами.

– Карты картами, а берега не путай, а?! – кинул я верзиле, плюнул под ноги, зашвырнул свой педагогический прут подалее в кусты и пошел назад. Стоявшие вокруг подростки послушно расступились.

Петровна все ждала меня за забором.

– Ну как там?

– Все, Петровна, относительно хорошо. Преступник наказан. А жертва...

– Что? Как там этот мальчик?

– А жертва – она по природе своей, жертва, поэтому жертвой и остается... И ничего с этим не поделать. Таковы правила игры...

Петровна, похоже, ничего не поняла, и стала причитать:

– Боже, Боже! Уже и по стройкам приходится лазить, драки разнимать. Что за жизнь пошла у педагога!

Глава 14. Лютый.

Когда наступит завтра.

Если не знаешь, что делать – ничего не делай.

Все, что нужно для естественного отбора, жизнь сама делает.

Из кодекса чести номер 2.

Лютый сидел на скамейке в сквере, докуривая сигарету. Было позднее утро.

Весь вчерашний вечер он готовился к отъезду. Готовиться, по правде говоря, там было нечего. Главное – не забыть себя. Да и еще кое-какие вещи, без которых это все теряло смысл. Тот же паспорт, например, или аттестат о среднем образовании.

Но видимость тщательной подготовки гарантировала спокойствие Папы. А спокойствие Папы многого стоило.

– Книжки-то не забыл?! – строго спросил он, скептически пробуя на вес собранную сумку.

Лютый молча забрал из Папиных рук сумку, расстегнул молнию и продемонстрировал лежащие в ней сборники задач и тестов для поступающих.

Впрочем, вес сумки был вполне приличный...

Сегодня был куплен билет. Плацкарт на самый ранний поезд на завтра. В-общем, почти все было готово, можно было

бы уже и успокоиться. Но спокойствия не было...

Когда проходил мимо редкий случайный прохожий, Лютый слегка наклонял голову и выпускал сизый дым под руку, глядя на землю перед собой. Там уже валялось несколько окурков. После нескольких глубоких затяжек закружилась голова. Смешанное чувство... Никотин что-то там убивает. Нервные клетки... Пальцы, сжимающие сигарету, слегка подрагивали, но на это уже было наплевать.

– Дебильная ситуация... – процедил Лютый сквозь зубы.

Рядом сидел Бро. В отличие от своего товарища, он был вполне спокоен.

– Забей – невозмутимо отозвался он.

– Но согласишься, мы вели себя, как придурки...

– Да все равно.

– Зачем потащили его на рельсы?

– По фигу...

– Кстати. чья это была идея?!

– Не имеет значения...

– Мы его чуть не убили... – с абсолютным безразличием выдохнул Лютый.

– Ну и ладно тебе! – потерял терпение Бро – Убили или чуть не убили – теперь уже какая разница! Вот только эти твои запоздалые сожаления сейчас уже точно ничего не изменят.

– Какая разница... – тихо огрызнулся Лютый – Лет восемь, если не больше...

Он сплюнул под ноги.

Ситуация, действительно, вышла дурацкая. Дали маху... Хотя тогда все это казалось чуть ли не единственно правильным решением.

Да и жлоба того тоже можно понять. Проснулся на рельсах, глубокой ночью, неведь что подумал. Обделался он тогда конкретно, побежал, вломился в будку к дежурному. Естественно, без милиции не обошлось.

А если бы не проснулся? Лютый передернул плечами.

А потом. уже в опорном пункте, когда писали протокол, и светила мужику «хулиганка», он вспомнил... Все вспомнил.

И появилось тогда на свет другое дело – о покушении на убийство. И всплыла тогда из недр архива Валерина фотокарточка, почти неотличимая от бездушного фоторобота, а также его «пальцы», которые он успел-таки где-то оставить.

За дело взялся сотрудник опытный и злой, с амбициями и инициативой. Он нашел уйму улик и вещдоков, отыскал свидетелей, и расписал весь ход событий почти по минутам. Валера держался, как мог, но следователь работал словно сам дьявол. Так что, поимка двух других фигурантов была лишь вопросом времени. Но... Но тут в ситуацию вмешался Папа.

Как он все это пронюхал, кто ему донес – это, скорее всего, так и останется тайной навеки. Как результат, все дело начало раскручиваться в другую сторону. Следователя отстранили по какому-то формальному поводу, за дело взялся Папин хороший знакомый Птичкин, взяточник и карьерист.

После этого показания свидетелей из дела были изъяты, как не внушающие доверия (свидетели-то были пьяны!). Вещдоки пропали прямо из дактилоскопической лаборатории, буквально за десять минут, стоило только эксперту выйти на крыльцо покурить. Вот, значит, они были, а как вернулся – так и пропали. Начальник лаборатории тогда едва не распроцался с погонями, но не это важно...

Важно то, что дело продолжало расследоваться (ведь потерпевший жаждал крови), всеми своими пружинами и щупальцами стягиваясь вокруг Валеры.

Бунтовать особого смысла не было – Папа в гневе бывал страшен, и в случае неповиновения мог привести в действие иные механизмы, о которых думать не хотелось. Но червь сомнения неустанно шевелился у него в мозгу.

– А с Валерой то что делать будем?

– Что делать?! Да, ничего. Передачи будем делать... А ты живи, как жил. И все пройдет... Наступит завтра – и будет новый день...

– Завтра меня папа... – Лютый со злостью пнул лежавший на земле окурок – ... поступать отправляет. Пока без конвоя. Но если буду рыпаться, то будет, да еще какой...

– Ну и езжай.

– Что?!

– Езжай, говорю!

– А как же Валера?

– А что Валера? Там уже все завертелось. И твое отноше-

ние к этому уже ничего не изменит.

– Все равно, как-то это неправильно – вздохнул Лютый

– Правильно или неправильно... Кто знает? Неправильно – значит – не по правилам. А в этой игре – ты сам это понимаешь – правил никаких нет... На месте Валеры мог оказаться любой из нас. И мы, все-таки, договаривались...

– Плевать на все на это – совершенно искренне сказал Лютый.

– Езжай, не порти Папе настроение – повторил Бро, положив руку Лютому на плечо.

Глава 15. Нагорный. Кто кого.

Дурак – он и малому рад.

А умному все не слава Богу.

О везении дураков

Вернувшись домой, я почувствовал, что устал.

Устал от каких-либо суждений, от принятия ответственности. Мне вдруг захотелось абсолютно неосознанного, можно сказать, дурацкого времяпровождения. Возможно, я слишком много думаю? Слишком много хочу? От себя, от других, от жизни... Слишком много придаю значения вещам? Вещам, которые, может и не стоят этого.

Я достал из сумки газеты, купленные мною в киоске Союзпечати, и стал листать, хотя это мне вообще несвойственно – читать газеты. Мне вдруг захотелось узнать, в каком мире я живу. Да и живу ли вообще...

Возможно, стоило бы посмотреть телевизор, но телевизора у меня не было. Я его отдал... Отдал, когда... Ну, да неважно это, в принципе...

Я сидел в кресле, листал газету. Новостей, стоящих того, чтобы обратить на них внимание, не было. То есть, они, конечно, были, но это были вполне ожидаемые новости,

Самолеты падают. Подлодки тонут. В мире неспокойно... Где-то там... В Китае, на Кавказе, где-то еще. Этим сейчас

никого не удивишь.

Кто-то что-то сказал, кто-то что-то сделал.

Кто-то куда-то поехал, кто-то откуда-то вернулся.

Кого-то избили, кого-то обокрали.

Кто-то умер по дороге в больницу.

Огромная статья на целый разворот про кого-то. С портретом. Ну и морда... Как, сказал бы когда-то прапорщик Карнаухов, в танковые войска ему путь закрыт однозначно.

Я отложил газету и откинулся на спинку кресла. Прикрыл глаза. Что мне вообще от жизни нужно? Чего бы я хотел?

А может путешествовать? Побывать во всех странах и на всех континентах? Написать путевой дневник тысячи на полторы страницы. «От Кампучии до Гондураса».

Размышления мои прервал телефонный звонок. Я, вздрогнув, посмотрел на телефон, а потом приподнялся в кресле и дотянулся до трубки.

– Алло! Нагорный слушает.

– Саша. Саша! Это ты?!

– Да... Говорите...

– Саша, привет!

– Привет!

Жена... Бывшая... То есть, вроде как по паспорту и не бывшая, но живем мы отдельно. Когда у меня начались проблемы, она решила забрать сына и уехала на съемную квартиру. Звонит редко, но... Как правило, строго по делу. Обычно, если сын что-то вытворит... Или проблемы... Вот,

и сейчас...

– Саша, извини, что беспокою, но нужна твоя помощь. Миша опять влез в плохую историю. Нужны деньги... Достаточно много... У меня сейчас столько нет.

Вот этого мне сейчас только и не хватало.

– Он сейчас дома? Нет? А где? Занятия? Когда заканчиваются? Ладно, я его встречу... Потом поговорю с тобой. Давай не по телефону.

Педагог без сапог. Чужих учу, а своего так и не научил.

Для мальчика очень важно, чтобы в период взросления он видел какие-то ответственные мужские поступки. Не важно, кто их будет совершать...

А у нас все было по-другому. Все. Ну теперь уже что? Ладно...

Я быстро оделся и вышел. Учился сын мой в техникуме, совсем недалеко от моего дома. До конца занятий, по информации, полученной от жены, оставалось не так много, но я должен был успеть. Здесь самое важное – выслушать главное действующее лицо. Мне очень важно знать мотивы. Как в детективе. Мотивы и причины. Я тогда, по крайней мере, смогу оценить, в той ли системе координат я живу. Последние лет пятнадцать...

Когда я пришел на место, у меня, по моим расчетам, было еще минут пять. Я сел на лавочку неподалеку и стал наблюдать.

Вскоре появился мой отпрыск.

– Ну здравствуй, дитя мое! Давно не виделись. Сколько лет, сколько зим...

– Привет, папа! А что ты тут делаешь?

Виджу, озабочен. Но не слишком.

– Садись, поговорим.

– Давай, поговорим – неуверенно ответил сын.

– Что ты там опять натворил? Мама звонила, говорит, проблемы...

– Да, там, понимаешь, одна девочка...

– Ах, девочка? И что с ней? – спросил я. Раз девочка, ситуация становилась понятной. – Ты что, с ней спал?

– Я – нет... Вася вот...

– Вася? Этот тот твой дружок со странностями?

– Нууу... Вася. Ты должен помнить.

– Хорошо, с Васей-то понятно. А ты здесь при чем?

– Да я просто в квартире той был, в другой комнате... Как раз в это время.

– И что?

– Ну я там книжки смотрел, телевизор...

– И что?

– А потом вдруг пришли ее родители. Орала на меня и на Васю. Теперь денег требуют...

– Сколько?

– По двести рублей. С меня и с Васи.

– По двести рублей?! Ого... – удивился я – Вы бы с Васей в Интурист пошли, за эти деньги могли бы уже пятерых

оприходовать...

– Ну, у Васи, там, это, любовь. Чувства...

– Чувства? У Васи?! Хотя, знаешь, у твоего Васи могут быть чувства. Но я парочку знаю, каких у него точно нет. Чувства меры и инстинкта самосохранения. А лет девочке сколько?

– Пятнадцать...

– Ох и дурак твой Вася... Точно, дурак.

Ничего не ответил, лишь подавленный смешок.

– А ты чего улыбаешься? А ты придурок. Придурок – означает «при дураке». Дурак – он хоть удовольствие получил...

И снова смешок.

– Да... Знаешь, много раз тебе говорил. И повторю еще раз. Не дружи с дураками... Один друг-дурак тебе столько проблем сделает, сколько десять умных врагов не смогут. Сколько времени у нас есть?

– Послезавтра они заявление в милицию несут.

– Послезавтра... Маловато... Ну, если что, удачи тебе... Ты же девочку не трогал. Значит не виновен. На том и держись.

Знаете, есть старая еврейская мудрость: Если куда-то идешь, спроси себя – зачем? Не можешь дать четкий ответ – не ходи. Не надо. Все беды начинаются от нечего делать. Пошел куда-то – не понятно куда... Сделал что-то – не известно, почему...

Но, по крайней мере, одно меня утешало. Судя по разговору, сын мой не испорчен. Верит в людей, способен на честные реакции и поступки... Значит, я не такой уж и плохой педагог. А проблемы всегда будут, на то они и проблемы – особенно из-за дураков.

Потом я зашел к жене. Мы поговорили. Недолго и по делу. Дела-то у нас были не очень – родители девочки вели себя агрессивно. Скандалили, на уступки не шли... Или деньги, или заявление... А еще этот Вася... Он, как я понял, уже сушил сухари. Родители алкоголики, в жизни не имели таких денег... Да и Вася их, собственно говоря, не особо беспокоил. Вырос, дожил до получения паспорта, ну и ладно, дальше пусть как-нибудь сам...

Сто рублей у нее было, смогла найти. Сто рублей она рассчитывала взять у меня. Дома я перерыл все заначки. Нашел только пятьдесят. Два рубля оставил себе дожить до зарплаты, которая будет через четыре дня. И все. Началась легкая паника. Стал судорожно вспоминать, у кого смог бы занять. Вспомнил, что в школе есть касса взаимопомощи, куда я регулярно делал взносы. Быстро нашел в записной книжке телефон директора школы, позвонил:

– Здравствуйте! Это вас Нагорный беспокоит. У меня такое дело... Мне бы из кассы взаимопомощи рублей пятьдесят выделить. Завтра-послезавтра... Очень надо! С зарплаты все верну.

– Александр, вы в своем уме?! У меня уже четыре заяв-

ления на матпомощь в этом месяце! Нет... Разве что в июне. Пишите заявление, будете в июне первым...

Я положил трубку. Нет, в июне не пойдет. В июне будет уже поздно.

А может потянуть пару дней до зарплаты. Пока там это заявление примут... Хотя кто их знает? Потом тарифы могут и подрасти...

Я подошел к креслу, снял куртку, и держа ее в руках, усталю присел.

За что мне все это? Да, я всего лишь человек... Но если вдруг что, я-то разберусь... Я выдержу... Еще посмотрим, кто кого... Но сын... Он еще слаб. Очень слаб... Может сдаться.

Эх, у кого бы денег занять?!

Я со злостью швырнул куртку в коридор. Она упала на пол. Из куртки вылетело что-то белое, и запарило, закувыркалось в воздухе. Я вскочил. Что это? Чудо какое-то... Неужели я в рукаве бабочку домой принес? Я долго с изумлением смотрел, как это белое, долго-долго опускается на пол.

Я подошел поближе. Это была не бабочка, это был маленький листок бумаги. С телефоном.

И снизу дописано моей рукой:

Фин. сан/тех

Я совсем забыл про этот листок. Честно говоря, я бы его выбросил куда-нибудь. Когда-нибудь, но не сейчас... Сейчас

он мне казался каким-то знаком...

Я снова подошел к креслу, и тихо опустился в него, держа листок обеими руками и пристально глядя на него, словно боялся, что он сейчас исчезнет.

А это вариант... Хм... Хотя... А что, если...

А может, пусть себе сам выпутывается, молокосос! Сам влез... Пора бы уже и взростеть.

Но... Но! Если с ним что-нибудь случится?! Я ж себе этого не прощу... Никогда не прощу...

Рука сама потянулась к телефону.

Я снял трубку и набрал нужные цифры.

Пошли длинные гудки.

– Алло! – ответил на другом конце линии приятный женский голос. Приятный – значит все будет хорошо... Хорошо. Хорошо... Еще посмотрим, кто кого...

– Алло! – повторил голос. Я молчал, не в силах решиться, и в конце концов разлепил пересохшие губы:

– Мне бы насчет сантехники. Финской...

Глава 16. Лютый. За горизонт с чистой совестью.

Начать новую жизнь не сложно.

Сложно сделать так, чтобы она
хоть ненамного отличалась от старой.

Хроники Сансары.

«Привет, придурок!

Найти тебя никак не смог, а папа твой твои новые координаты говорить наотрез отказывается, поэтому пишу тебе письмо на твой домашний адрес в надежде, что когда-нибудь ты его, наконец, прочитаешь, а папа твой не сожжет его в печи в силу отсутствия последней.

Я уже уехал. Уехал далеко, и, может быть, навсегда. Как и говорил, отыскал достойных людей и вместе с ними поехал, как они говорят, на собаках. Это значит – на электричках.

Пишу я тебе, сидя на станции в городе Барабинск, что весьма фигурально, поскольку, как оказалось, именно здесь и клепают те самые синие почтовые ящики, в один из которых я вскоре и опущу тебе письмо.

Перед тем, как уехать, я ходил к Валере на суды. Было отвратительно и мерзко, хотелось блевать, но я держался.

Пострадавший хмырь очень сильно орал первое время, почему там только «вот этой вот», а нет «ентова», который

его гасил, то бишь, как ты понимаешь, тебя. Кричал, «органы они или не органы», раз всех найти не могут, и дойдет до самого товарища Руденко.

Был там прокурорский, как полагается, при параде, с золотыми эполетами. Еле в двери пролез. Это он, кстати, хмыря успокоил, когда тот сильно по твою душу орал. Сел он с ним так участливо, взял, да и успокоил, мол, мы вам, товарищ потерпевший, громаднейшую работу провернули, мол, претерпев моральные и материальные издержки, в непростой, так сказать, криминогенной обстановке, вместо того, чтобы показать дулю с маком, раскрыли вам преступление. А товарища Руденко беспокоить совершенно необязательно, он ведь никому не мешает – лежит себе на Новодевичьем...

Была там Валеркина маман. Заявилась она в неприглядном виде, наорала на плешивого Валеркиного адвоката, защита он или кто, оттаскала за оставшиеся волосы, за то, что тот, гадина, ни хрена не делает, и была удалена до конца судебного процесса.

Ну и судьи были – в черных мантиях. Все Валерку спрашивали, зачем он это сделал, какие у него мотивы. А он и слова-то этого толком не понимает – «мотивы». Какие там мотивы, говорил, все было по приколу, а потом сказал, что был пьян и ничего не помнит.

Как раз тогда интересная штука все у меня из головы никак не вылезала – почему судьи в черных мантиях приходят? Если все делать как полагается, они, олицетворяя прозрач-

ность правосудия, голыми должны приходиться.

Такие, брат, дела...

Дали Валере два года и шесть месяцев. Прокурорский просил трешку, но суд полгода скостил, может, потому, что Валера первоход, а может, все-таки, из-за адвоката.

Того на последнем заседании понесло, может быть со-весть, наконец, выиграла, а может, запал на Валеркину мать, когда та его за кудри таскала. В общем, стал он на пальцах доказывать, что Валера – это не главный фигурант, этот факт, как-никак, и потерпевший признает. Отсутствие главного фигуранта, говорит, это промах органов, и Валера не должен за их, органов, промахи, отвечать. Я бы ему, конечно, поаплодировал, но прокурорский резонно ответил, что Валеру и так судят, как соучастника, а не как преступника, а если бы судили, как преступника, то и просил бы он для него не три, а семь. На этом прения и закончились.

Потом дали Валере последнее слово. Но последнего слова не получилось. В-общем, и обычные-то слова даются Валере нелегко, а тут... Но если перевести то, что он там сказал на наш, понятный язык, разговорный язык Гомо Сапиенсов, то получится примерно следующее: всякое такое правосудие он вертел, вертит и будет вертеть, и если бы он знал, что пострадавший есть настолько аутентичный козел, насколько он им является на самом деле, тогда он не связывался бы с ним ни по приколу, ни по каким-то другим мотивам (гы!), а тихонько бы пришил в ближайшем безлюдном месте со все-

ми признаками самопроизвольного суицида или несчастного случая, как и следовало бы поступать с подобными неблагонадежными личностями, за что немедленно получил пятнадцать суток ареста, был удален из зала судебных заседаний и водворен в изолятор.

Приговор, соответственно, огласили уже без него.

И папашу твоего я на предпоследнем суде встретил. Прямо в курилке. Он сначала вежливенько так сигаретку попросил, а потом также вежливенько обматерил и пообещал меня на Луну отправить, если я ближайшее время не самоликвидируюсь. Так что, если по поводу данного письма будут оры, крепись. Мне, если честно, уже пофиг. И четыре тысячи километров, которые отделяют меня от вашей веселой семейки, нехило укрепляют мой пофигизм.

Если захочешь написать, пиши на центральную почту в Красноярск, мне до востребования. Фамилию мою, если уже забыл, смотри на конверте. Как раз мы туда и отправляемся.

С уважением, твой друг Бро.

P.S. Ты не поверишь, но здесь я начал писать стихи.

Вот смотри, что у меня получилось вчера:

Знай – все пройдет, пройдут года

Минует жизнь – и не одна

Уйдет туман и рухнут стены,

Все это просто охуенно

Они еще очень короткие, но я надеюсь, что к тому времени, когда я буду писать тебе следующее письмо, научусь пи-

сать и длинные.»

Лютый читал это письмо, сидя в опустевшем плацкартном вагоне, который несся на всех парах.

Он был зачислен студентом и сейчас уже ехал на учебу после того, как несколько дней побывал дома.

Письмо он это обнаружил случайно в стопке старых газет.

Дочитав до конца, он сложил письмо в конверт, покрутил конверт в руках, а потом со злостью изорвал его на клочки, сложил их все до одного в левую руку, а правой открыл окно вагона и с силой швырнул разлетающиеся бумажки в сторону проносащегося мимо благоухающего навозом колхозного поля.

Впереди, за горизонтом, маячила новая жизнь, и вливаться в нее следовало быстро и с чистой совестью.

Часть 2. Как было, так и будет.

Глава 17. Нагорный. Пассажир теплохода «Александр Матросов».

Все мы пассажиры в этой жизни –
Только станции своей никто не знает.

Пассажир поезда номер 12.

Теплоход «Александр Матросов» продолжал свой путь – он, как и следовало ожидать, медленно двигался на юг. Вместе с ним медленно двигался на юг и я, уже вторые сутки. Еще вчера утром я сидел на чемоданах, а сегодня уже кажется, что у меня начинается новая жизнь. А дорога, собственно говоря, только начинается – плыть мне еще четыре дня с небольшим. А потом еще четверо суток на поезде – и я буду ехать на нем домой, вернусь наконец, сделав огромный крюк общей длиной более десяти тысяч километров.

И это все за три года...

Можно было, конечно, и самолетом полететь, и все это прошло бы намного быстрее, но... Как-то страшновато было мне лететь. Нервы расшатаны... Да и еще... Не хотел я торопить события, слишком поспешно возвращаясь туда, откуда

три года назад уехал... Уехал – это еще слабо сказано. Бежал! Оставив множество нерешенных вопросов. Теперь следовало бы подготовиться и к тем вопросам, которые я тогда не решил, и к встрече с теми людьми, с которыми у меня эти вопросы возникли.

Собственно говоря, может, и вопросов-то уже никаких не осталось, да и людей то же. Но кто знает? Три года – срок хоть и не малый, но не особенно и большой.

Три года назад я покинул родной город – и отправился, можно сказать, на самый край земли. В то место, откуда даже сбежать невозможно, где дороги никуда не ведут – просто обрываются. Туда, где восточнее – непролазные топи, южнее – тундра, а севернее – пустынный Таймыр. По-разному люди оценивают это место. Кто-то считает его самым суровым на Земле, кто-то самым грязным, но все, кто там был, знают, что есть в нем какая-то незатейливая губительная красота... Красота и какая-то таинственная сила.

Три года я пробыл в Норильске – самом северном промышленном городе на Земле.

Три года я ел икру не просто ложками, я ел ее банками.

Три года я сэкономил силы, словно перед последним рывком.

Три года я дышал всеми возможными химическими соединениями, которые только можно придумать, глядя в таблицу Менделеева. Три раза я понимал, что значит совсем не видеть солнца, когда оно неделями прячется даже не за плот-

ным слоем облачности, а ниже линии горизонта, догадываясь при этом о том, что есть такая вещь, как сутки, лишь по неумолимому движению стрелок часов.

За эти три года я многое видел.

Грохот дробилок, горы шлака и огромные дамбы хвостохранилищ. Здесь человек и природа не остались друг у друга в долгу. Суточная разница температур почти в сотню градусов Цельсия – от зоны обслуживания обогатительных печей до арктического мороза на улице. Смерть, являвшаяся мне в различных ипостасях – то окоченевшие на морозе собаки, то люди, погибшие от несчастных случаев – обгоревшие, разорванные и раздавленные. Наладчик из соседнего корпуса с синим лицом и руками, выпивший зачем-то для сугреву технический антифриз... Постоянное ожидание какой-то перманентно надвигающейся катастрофы...

Но, не спорю, было и чувство единства, доверия всем этим людям. Здесь особо остро чувствуется, что поодиночке не выжить, никак не выжить. Когда знаешь, что есть плечи, на которые можно опереться, и есть руки, за которые можно ухватиться... Тогда как-то легче. Люди там намного добрее и внимательнее друг к другу, чем, например, в том же Безымянске.

За эти три года я понял многое.

Понял, что не в деньгах счастье, особенно, когда они есть. Когда я туда приехал, каждый, кого я знал, уносил из кассы в конце месяца сумму, которую даже в столицах простые

смертные за год собрать не могли. Тратить их здесь было не на что, даже в самые тучные года, а теперь еще и при дефиците, все особенно остро осознавали, что самое ценное в жизни за деньги не купишь.

Понял, как хрупка человеческая жизнь, как ненадежно все вокруг, а особенно металл и бетон, и как огромны резервы человеческих сил, как ценна настоящая дружба и как важно ощущение того, что ты в этом мире не одинок,

И для счастья человеку, оказывается, нужно совсем немного...

А еще я понял, что от себя убежать невозможно, понял, что судьба – это не просто красивое слово, и понял, что в жизни нет ничего случайного.

Хотя, по правде говоря, эти три года для меня не были чересчур сложными – они пролетели довольно быстро, ведь вокруг меня были люди, и там кипела своеобразная жизнь. Вот только третий год, последний, был тяжелым.

Теперь-то я понял, что переварился. Ведь я забыл уже, как поют птицы. А пару недель назад я еще боялся всего, чего только можно – был страх от пустоты в квартире по вечерам, опасения за свое здоровье. Мне было страшно – а что, если я вдруг пропаду, исчезну, погибну. Никто ведь этого не заметит, лишь поставят напротив моей фамилии крестик в отделе кадров, и на этом все закончится.

Вот тогда мне стало ясно, что пора уезжать. Пора, иначе я просто свыкнусь со всем этим и останусь здесь навсегда.

Так я и оказался на теплоходе «Александр Матросов» по маршруту следования Дудинка-Красноярск.

Судно плыло, покачиваясь, отмеряя километры своего маршрута и часы моего пути. Время от времени это покачивание прерывалось судорожным движениями, наступала какая-то непривычная тишина, и вдруг – глухой удар и скрип выдвижного трапа. Потом уже начинали открываться и закрываться двери кают, можно было услышать топот многочисленных ног по палубе. Это значит – мы пришвартовались на одной из многочисленных станций на берегу Енисея. И тогда я сходил на берег, прогуливался недалеко, чтобы размять ноги. Время позволяло – на станциях теплоход стоял достаточно долго, минут сорок. Я раскуривал папиросу и смотрел вдаль. За эти три года я стал курить. Что поделать – издержки производства...

А там это было просто необходимо. Как на войне, где, если не куришь, то просто сгораешь изнутри. Но это, наверное, было не самое большое из зол, потому что за месяцы работы на комбинате легкие набивались такой гадостью, по сравнению с которой никотин был просто детской шалостью.

Надо будет бросить при случае...

Гуляя по берегу, я с удовольствием ступал в болотистую квачу. С каждой станцией она становилась все жиже и все живее, земля была более оттаявшей, ароматной, взапревшей. Я с удовольствием ощущал, как появляются эти ароматы весны. Весны не северной, а самой настоящей, той кото-

рую я все время знал... И сам я, вмерзший в этот странный город, пораженный его нечеловеческим холодом, стал оттаивать вместе с землей, и стали проникать в душу какие-то мелкие несуразные радости. И уже без особой ненависти я начинаю смотреть на подвыпившие компании на палубе, а назавтра, вполне вероятно, они уже станут мне, как родные.

Потом гудок, и я поднимаюсь на палубу, стою какое-то время, смотрю, как отшвартовывается судно. А затем еще гудок. И еще. И когда вновь ощущаю телом равномерные покачивания, иду обратно в каюту. И опять я слышу монотонный гул работающих моторов.

И вот сижу я в каюте, и мысли начинают роиться в моей голове. Воспоминания, осознание и понимание, переоценка. Анализ, черт его побери... Злое какое-то словечко...

Зачем я столько думаю? Зачем я взял полный чемодан книг? Чтобы смотреть в одну точку и думать? Что я хочу узнать?

Может быть, я хочу понять, где же я свернул не туда? А вообще – туда я свернул или не туда? И свернул ли я куда-то вообще?

Этого я не мог понять. Я этого не знал. Я еще много чего не знал. Я, вообще, почти ничего не знал. Почти ничего... Ничего, кроме факта своего непонимания, и, еще, может быть, какой-нибудь пары-другой избитых истин.

О том, что жизнь – сложная штука...

О том, что нет ничего нового под Луной...

О том, что выше головы не прыгнешь... И до горизонта не добежишь... И от судьбы не уйдешь... А время! Время-то – не остановишь!

А еще о том, что всякий дождь начинается с первой капли, торнадо начинается со взмаха крыльев бабочки, а любой путь, даже самый-самый длинный, начинается с первого, конкретного шага.

А ведь эти избитые истины – это все, как будто бы, и правда. Это, как будто бы, все про меня. Мой путь, он скорее всего, окажется не самым длинным. Но, он еще не окончен, он еще продолжается – и я не знаю, куда он меня, в конце концов, приведет.

Но я точно помню тот первый шаг, с которого это все началось.

Глава 18. Горыныч. Танцы и все такое прочее.

Змей Горыныч в сказках – персонаж исключительно отрицательный.

Тем не менее, в современном фольклоре он приобретает определенно положительные черты.

Попытка исследования.

Светлая большая аудитория. Столы, расходящиеся в виде амфитеатра, уходят куда-то вверх до самого потолка. Где-то там внизу у доски стоит человек. В масштабе аудитории он кажется совсем маленьким. Тихим скучным голосом он говорит о каких-то скучных вещах. То, что он говорит, было достаточно тяжело понять, особенно тем, кто сидел на самом верху. Время от времени до задних рядов долетали отдельные слова – такие как, «издержки», «объекты» и «рентабельность».

Студенты были заняты самыми разными делами: кто-то пытался, несмотря ни на что, слушать и записывать, кто-то лишь делал вид, что записывает, рисуя на столе какую-нибудь похабщину, кто-то, склонившись над конспектом, пытался играть в морской бой.

На самом верхнем ряду из-под парты торчали чьи-то ноги. По их виду можно было сказать, что это нижние конечности

крупной человеческой особи мужского пола. Самой особи видно не было, так как особь лежала на сиденьях и спала. Когда подошва кроссовка сорок четвертого размера левой ноги под действием силы тяжести проскальзывала по полу и срывалась с верхней ступеньки на нижнюю, особь вздрагивала и пыталась вернуть ноги на место, в исходное положение – прижатыми к парте, так, чтобы это не сильно было заметно снизу. Но исходное положение было весьма неудобным, так как требовало напряжения определенных групп мышц, поэтому ноги, в конце концов, оказались достаточно фривольно раскинуты в позе, характерной для мертвецки пьяного человека. Человек, однако, не был мертвецки пьяным – сказывался серьезный недосып.

Был этот человек студентом третьего курса специальности «Экономика народного хозяйства в условиях рынка». Сокурсники достаточно смутно помнили его имя и фамилию, называя, как в глаза, так и за глаза, достаточно простым и понятным прозвищем «Горыныч».

Когда-то давно, еще на первом курсе, жил он в общежитии в одной комнате с ребятами, которых звали Петя, Вася и Егор. Были они очень дружными и много времени проводили вместе – ведь приехали они из одного города. Хорошо учились, были веселые и интеллигентные – в их комнате часто был слышен дружный смех. Горыныч среди них казался белой вороной – большой, хмурый, грубый, немногословный.

Как-то раз Петя и Егор уехали домой на выходные, а Вася остался. Вася хотел спокойно подготовиться к семинару, который должен был быть в понедельник. И тот большой и хмурый студент тоже остался. Он почти никогда не ездил домой на выходные, и на это были свои причины.

И вот, как раз в то время, когда грубый и немногословный студент спал, а Вася всю готовился к семинару, в комнату вломилась трое пьяных старшекурсников, которые искали спиртное. Спиртное они не нашли, зато нашли двух студентов-первокурсников. После небольшой словесной перепалки Васю они просто выкинули в окно, а второго студента разбудили и с угрозами физической расправы послали в магазин за спиртным. Да, этот студент очень хотел стать добрым, хорошим, отзывчивым, как Вася. Но этого у него не вышло... Он пошел в магазин и купил спиртное. Купил и принес... Принес и отдал... А потом схватил стоявший в комнате табурет и повыбивал всем троим зубы...

Вася тогда попал в больницу и долго там лечился, а потом уехал домой и так больше и не вернулся.

Петя и Егор продолжали учиться, но смех в их комнате стал звучать намного реже.

Вот именно тогда, когда он расправился с этой троицей, к нему и прилепилась эта кличка: Горыныч. Злой, яростный, но в душе справедливый – Горыныч. Уделал этих троих...

Наконец прозвенел звонок. Маленький человечек у доски засуетился, что-то пробурчал напоследок, потом сложил

свои бумаги в папку и вышел из аудитории. После этого повсюду началось движение, вначале робкое, тихое и незаметное, сопровождающееся незамысловатой возней, но уже буквально через одну минуту оно превратилось в топот, гомон, шквал шагов. Хозяин торчащих ног нехотя зашевелился и медленно сел, опершись локтями о стол. Он широко зевнул и посмотрел вокруг красными глазами.

– Горыныч! Ты что, ночами не спишь? – слышались рядом чьи-то голоса.

Раздался звонкий смех.

Мутным взглядом Горыныч посмотрел вокруг. Мимо него спускалась вниз небольшая группка девушек.

– И кто она – твоя любовь? – выкрикнула одна из них.

– Отстаньте от человека, фурии – раздался сзади тихий, уверенный мужской голос – Не видите, что ли, он морально утомлен.

За девушками шел Коля Цирик, известный всем местный спекулянт и циник, а также пикапщик, самогонщик и содержатель притона для увеселений. Усталость на его лице имела вполне умеренные проявления и носила, скорее, профессиональный характер.

– Сексуально истощен! – передразнила девушка и вновь раздался дружный звонкий смех.

– Да что вы знаете об истощении? – процедил Коля.

Он остановился и сочувственно похлопал Горыныча по плечу:

– Хреновенько?

Горыныч неопределенно махнул рукой, мол, переживем, затем собрал волю в кулак, и оттолкнувшись двумя руками от стола, поднял в вертикальное положение непослушное тело и двинулся к выходу. Сила инерции понесла его вниз по ступенькам, и он, наверное, растянулся бы где-нибудь там внизу, у дверей, если бы его не придержал за рукав Цирик.

– Ты что, сдурел, так пить?! Приходи, подлечу... – сказал он.

– Да кто пьет-то... – вновь махнул рукой Горыныч – У меня это... – его прервала волна тухлой отрыжки – Курсач горит...

– Курсач – это серьезно. Но ты, главное, не напрягайся...

– Ага, не напрягайся... Если меня отчислят, Папа с говном смешает. Вот тогда точно сопыюсь – вздохнул Горыныч.

– Ну я же не говорю, совсем ничего не делай – резонно заметил Цирик – Делай, но не сам. Человечка тебе подыщем, он и сделает. Хорошо и недорого. Все будет зашибись.

– Серьезно?! – устало ответил Горыныч

– Без базара – ответил Цирик – Ты приходи... Сегодня будут танцы.

Сбоку к Цирику подскочил круглолицый парень с явным запахом перегара и повис у того на плече.

– Я не понял, сегодня что – вписон? – спросил он заплетаящимся языком.

– Сам ты вписон! – недружелюбно ответил Цирик, стал-

кивая руку с плеча – Сказали же тебе – танцы!

– На хрена мне твои танцы? – обиженно произнес парень и пошел вперед.

– Бульба! – окликнул того Цирик.

Бульба обернулся:

– Чего еще?!

– Сегодня все серьезно. Как в ресторане... Счастливая морда и мытый зад приветствуются...

Бульба нецензурно выругался и, сплюнув на пол, пошел дальше.

Горыныч хмыкнул и пожал плечами, посмотрев вслед Бульбе.

– Чудак-человек – протянул Цирик

– Ну так что, найдешь кого? – спросил Горыныч, – А то я уже подустал.

– Найдем. Ты, главное, приходи – спокойно ответил Коля. Он толкнул Горыныча кулаком в бок и исчез в потоке студентов.

Горыныч зевнул, едва не вывихнув челюсть, и потряс головой до хруста в шейных позвонках.

Глава 19. Нагорный. Первый шаг.

Случайностей не существует – всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие.

Вольтер

Этим первым шагом был тот звонок. Тот самый, по номеру, который дал мне Серега Штык.

В тот самый день, когда огорчение мое достигло таких пределов, что в поисках необходимых для урегулирования ситуации денежных средств я решил ввязаться в криминал.

Правда, решению моему не суждено было воплотиться в жизнь, ибо произошло нечто... Нечто неожиданное.

Но, впрочем, обо всем по порядку.

Я позвонил по указанному номеру и сказал, все что требуется. Приятный женский голос назначил мне встречу. Я долго переспрашивал и записывал. В конце концов мне стало понятно, что меня будут ждать в парке, у фонтана, на третьей от центральной аллеи скамейке с семи часов вечера до половины восьмого. Чтобы ничего не перепутать, мы договорились, что я буду держать в руке газету, благо их у меня хватало, а женщина будет там сидеть и расчесывать свои волосы.

До фонтана я дошел быстро и практически вовремя – по моим часам было пять минут восьмого. Дальше возникло

непредвиденное затруднение – в районе фонтана не было ни одной женщины, а на третьей от центральной аллеи скамейке одиноко сидел, зажав в кулаке бесполезную расческу, знакомый мне по встрече в «Росинке» лысый субъект.

Он пристально смотрел на меня, а потом, когда я подошел к нему, расплылся в улыбке и тихо произнес:

– О, бомжара к нам пришел... Давай, присядь, бомжара, не огорчай дядю, – и он похлопал ладонью по деревянной поверхности скамейки рядом с собой.

Я присел рядом с ним.

– Ты хоть ствол в руках держал? – спросил он, нарочно не поворачиваясь в мою сторону и глядя прямо перед собой.

– В армии служил – держал! – не без гордости ответил я и слегка постучал себя кулаком по груди.

Он повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза.

– Хорошо. Проверим. Поехали. – сказал он и, резко поднявшись, быстро пошел.

– Куда? – буквально секунду я замер на месте, глядя, как он удаляется, не оборачиваясь, а затем вскочил и побежал за ним.

Лысый ловко лавировал между гуляющими, несколько раз менял направление движения, и мне стоило немалых усилий не потерять его из виду.

Наконец я его нагнал на небольшой улочке, когда он сел в припаркованную там «Волгу». Я вскочил на пассажирское сиденье рядом с ним. Он вставил ключ в замок за-

жигания и, вновь посмотрев на меня немигающим взглядом, спросил:

– Ну что, готов?

– Угу – ответил я, не разбираясь, хотя в голове сразу мелькнула мысль: «К чему только?».

Машина с ревом рванула с места, впечатав меня на несколько мгновений в спинку кресла. Пристегнуться я не успел и меня все время болтало из стороны в сторону, подбрасывало вверх на каждом ухабе и один раз на резком повороте дверь с моей стороны неожиданно открылась, и я едва не вылетел из машины.

Мы все время ехали какими-то переулками, что, впрочем, не мешало Лысому развивать приличную скорость. Потом неожиданно взвизгнули шины, и машина резко остановилась. Произошло это где-то на окраине города недалеко от кирпичного дома, стоявшего на отшибе у оврага. Я едва не влетел лбом в ветровое стекло.

– Приехали. Выходи – скомандовал Лысый.

– Куда? – переспросил я, едва переводя дух.

– Выходи и иди. Вон туда – повторил Лысый, указывая рукой на ворота – А я здесь подожду.

Я вышел из машины и подошел к воротам. Калитка была не заперта, я вошел во двор, подошел к дому и постучал в дверь.

Несколько минут было тихо, а потом изнутри слышались тихие шаги, дверь отворилась и на пороге появился сам

Сергеа. Увидев меня, он ничуть не удивился, правда, в глазах мелькнула еле заметная радость.

– Знал. Знал, что ты придешь. Знал... – сказал он и протянул мне руку – Не может такой человек, как ты, не прийти. Удача, она смелых любит. А неудача – это точно не для нас. Давай заходи...

– А ты что, разве, не в «Росинке»? – озадаченно спросил я.

– В «Росинке» сейчас Порфирьич. – ответил он – А я тут делами решил позаниматься. Вдали от посторонних глаз.

В доме были слышны какие-то приглушенные голоса и скрип половиц, но мне на глаза никто не попадался. Серега завел меня в маленькую темную комнатку. Он включил светильник и указал мне на деревянный табурет, а сам сел в кресло за большой, несоразмерный комнате, письменный стол.

Я присел на табурет.

– Ну давай так. – спокойно начал Серега, растянувшись в кресле, будто знал уже все наперед, – Пойдешь у меня пока рядовым бойцом к Лысому, он тебя и подучит, и проверит, кто ты есть. А там посмотрим... Все, что нужно, он тебе расскажет и покажет. А ты будешь выполнять, то, что он прикажет. Сюда не приходи. Да, и приведи себя в порядок: побрейся, подстригись нормально, одежду себе купи поприличнее. Ты ж все-таки в серьезной фирме работать будешь. Да, вот еще...

Сергеа полез в ящик стола и небрежно кинул передо мной

извлеченные оттуда две сотенных бумажки.

– Вот тебе обуться, одеться. Два дня тебе даю – с работы увольняйся. Никаких компромиссов у нас быть не может – работа у нас трудная: ночные дежурства, сверхурочные, командировки длительные, так что готовься... Но не пожалей. Все, что нужно, получишь у Лысого. Да и вообще все вопросы – через него. Он решает, где ты, что делаешь, когда и с кем. И лучше с ним не шути. Хотя, знаешь, он сам тебе все расскажет.

Я спокойно взял со стола деньги, и положил в карман.

– Да, а сейчас иди давай к нему, получишь этот, как его, вводный инструктаж, а потом он тебя отвезет назад. Извини, я сейчас занят. – Серега встал и проводил меня к дверям.

Мы с ним наскоро попрощались, он скрылся в одной из комнат, а я вышел на улицу и, глядя под ноги, побрел к воротам. Когда я оказался на грунтовке, где меня высадил Лысый, я не сразу понял, что произошло, пришлось остановиться и подумать. Ни машины, ни Лысого не было.

Я обернулся и посмотрел по сторонам. Он так долго вел меня сюда, путая следы, даже на энурез проверял по дороге, да только вот что теперь!?! Я не удивился, если бы сейчас меня ждал вертолет или танк. Но ничего не было ни за домом, ни перед домом, и это было странно. Я заглянул даже в овраг. Это меня озадачило, и я хотел вернуться в дом, к Сереге, но тут до моего слуха донесся гул приближающегося транспорта. Я прислушался и понял, что одна машина так шуметь не

может. А потом увидел – с двух сторон к дому Сереги подъезжали несколько милицейских машин с мигалками. Неожиданно громко взвыла сирена. Думать было некогда, и я, не став испытывать судьбу, с разбегу перемахнул через забор и скатился в овраг.

Когда я, продравшись через колючие кусты, подполз к краю оврага, то увидел полноценную милицейскую облаву: недалеко от дома стояли четыре или пять автомобилей, вокруг ходили сержанты с собаками, а по периметру за забором уже выстроились автоматчики. Унылый майор подошел к дверям и стал стучать, при этом отчаянно матерясь.

Утомившись кричать, он махнул рукой, к дверям сразу же подбежали шестеро бойцов в шлемах и бронежилетах. Они в один миг вынесли дверь, закинули в дом дымовые шашки и ринулись внутрь.

Буквально через несколько минут все было кончено. Сначала из дома вывели незнакомого мне человека в черной куртке. Ему заломали руки за спину так сильно, что он шел, едва не касаясь лбом собственных колен. Все было тихо: ни перестрелки, ни поножовщины, и никакого сопротивления. Потом повели еще одного. А третьим, последним вели Серегу. Он из всех сил старался идти прямо и отчаянно кричал:

– Да что ж такое, граждане начальнички! У нас и бумаги-то все в порядке. Отпустите руки! Я вам все покажу!

Никто не обращал на его слова внимания. Всех задержанных распихали по машинам и уехали. Стало тихо.

Я в состоянии легкого шока выполз из оврага, отряхнулся от грязи и полубегом, время от времени озираясь, стал продвигаться в сторону города. Что делать дальше – я не знал. В кармане лежали две сторублевки, я должен был всеми правдами и неправдами передать жене деньги. Тогда она смогла бы решить вопрос с сыном. Думал я сейчас только об этом, а все остальное пока не имело значения.

Я шел по обочине, избегая освещенных мест, не рискуя садиться в попутки, – можно было запросто попасть на проверку документов при въезде в город, и тогда все могло закончиться большими неприятностями.

Когда темнота совершенно сгустилась, я дошел до панельных застроек. Был еще примерно час до полуночи, когда я зашел в подъезд с подслеповатой лампочкой и тихо постучал в дверь.

Дверь открылась сразу же.

– А я знала, что это ты.

– Ты научилась видеть сквозь стены?

– В окно увидела.

Я протянул ей деньги.

– Знаешь, я в одном уверен: наш сын должен быть удачливее нас. Эти деньги достались мне каким-то чудом.

– Спасибо, Саша – я почувствовал на щеке влажный поцелуй – Спасибо... Я серьезно не знаю, что бы мы делали, если б не ты.

Я украдкой смахнул набежавшую скупую слезу.

– Знаешь, я ведь то же родитель, как-никак.

– Проходи. Может останешься? Уже почти ночь на дворе.

Куда ты сейчас пойдешь?

Теперь ко мне снова вернулась тревога: я вспомнил, как штурмовали дом, и мне захотелось куда-то спрятаться.

– Да, нет, надо идти... Знаешь, я, наверное, уеду по делам на пару дней.

– Давай хоть чаем угощу.

– Ну, давай... А где студент?

– Закрылся у себя. Переживает. – она показала рукой на запертую дверь. Оттуда приглушенно доносился какой-то зубодробительный ритм.

Когда я подошел к своему дому, было уже, наверное, далеко за полночь. Я наощупь пробрался в подъезд, поднялся на третий этаж. Что ж за безответственность такая, опять кто-то выкрутил лампочку.

Я уже немного успокоился, сожалея лишь о том, что сейчас опять лягу спать под утро, и завтра голова совершенно не будет соображать. Надо все-таки завтра написать хоть на пару дней за свой счет, да махнуть куда-нибудь. Куда-нибудь...

Доставая из кармана ключи, я соображал, куда я могу махнуть при своих финансовых возможностях.

Открыв дверь, я зашел в квартиру и скинул в темноте ботинки. Я повернулся, чтобы включить свет, но он неожиданно включился сам. Прямо передо собой я увидел накрывшую

собой выключатель огромную мясистую пятерню.

– Ну что, прилетел, голубок?! – раздался сбоку до боли знакомый голос. Я повернулся.

Передо мной стоял Лысый.

Глава 20. Горыныч. Homo subito mortalis est.

Есть у каждого свой Рубикон, и свой Сталинград, и даже, хотите верьте – хотите нет, свой Кисловодск.

Из лекции «Об экзистенциализме»

Горыныч неторопливо приближался к панельной многоэтажке, которых в этом районе было достаточно много. В этом доме, на квартире у Цирика, регулярно собирались веселые мероприятия, которые обычно сводились к неумеренному употреблению разнообразного алкоголя и сопутствующим этому развлечениям разной степени разнузданности и развратности. Сегодня там планировалось еще одно.

Горыныч поднялся пешком на четвертый этаж. Хронический недосып и общая нервозность давали о себе знать – но это была всего лишь легкая одышка.

«К черту все эти пьянки!» – подумал он. Пора уже всерьез браться за учебу. Цирик обещал с этим помочь, и, собственно говоря, это и была основная цель визита.

Он подошел к старой деревянной двери, окрашенной темно-коричневой масляной краской. На ней под трафарет белыми была нанесена надпись:

Цирику – звонить три раза

Все остальные – идите в жопу

Справа на стене у электрического щитка висел украденный где-то стенд «Уголок потребителя». Сверху к нему был прикручен светильник с двумя люминесцентными лампами. От него тянулся по направлению к двери белый электрический провод с выключателем посередине. Почти всю поверхность стенда занимал плакат из ватмана, криво прибитый небольшими гвоздиками. На плакате были изображены буквы неопределенного цвета:

Товарищ, помни:

Не забудь бухло.

Вытри ноги.

Чувствуй себя, как дома.

Не забывай, что ты в гостях.

Горыныч глянул искоса на плакат, и, тщательно вытерев ноги, трижды нажал кнопку дверного звонка.

Оттуда раздался крик «Открыто!» и он, распахнув дверь, зашел в квартиру.

В коридоре стояла плотная пелена табачного дыма. Отовсюду доносились звуки веселья: радостное гиканье, топот ног, приглушенная музыка. Где-то в дальней комнате раздавался истерический хохот, а потом в коридор выбежали две полуголые девицы. Увидев Горыныча, они засмутились и убежали обратно.

С кухни выглянул Цирик, и деловито произнес:

– Заходи, раз пришел.

– Нам бы насчет человечка – ответил Горыныч

– Все будет... Ты пока проходи.

Цирик взмахнул рукой в гостеприимном жесте и скрылся на кухне.

Горыныч некоторое время постоял в коридоре, а затем заглянул в одну из комнат.

В этой комнате было много сидевших на полу парней и девушек, которые переговаривались в полголоса.

Горыныч стал в стороне у двери, опершись о стену с видом терпеливого посетителя.

«Решу вопрос, пойду спать», – подумал он.

Вдруг кто-то сунул ему в руки кружку с горячим напитком.

– Отхлебни, папаша! Не стой, как пень!

Горыныч сделал глоток. Сразу в голову ударила горячая алкогольная струя, и жар потек по жилам. Тягучая истома разлилась по рукам и ногам, и не захотелось ничего делать.

«Где же этот Цирик?»

– До дна! До дна! – скандировали находившиеся рядом.

Ага, а вот и он, легок на помине. Цирик вошел в комнату и пошел к дальнему углу.

Горыныч допил варево и, сунув опустевшую кружку кому-то в руку, решительно пошел за ним.

По дороге он столкнулся с небольшой компанией, стоявшей посреди комнаты. Горыныч попытался их обойти, но каждый раз наталкивался на кого-то еще. И парни, и девуш-

ки повыползали с разных углов и стояли то тут, то там, словно чего-то ожидая. Горыныч потерял Цирика из виду, а в голове у него что-то стрельнуло, словно кто-то открыл там форточку, и вдруг стало легко.

Потом включилась музыка, и комната наполнилась движением – везде, на каждом квадратном метре, была танцующая молодежь.

Горыныч ошарашенно смотрел вокруг. Так вот они, эти танцы... На квартире у Цирика... Да еще какие!

Он давно уже не был на танцах. По его разумению, танцы делились на быстрые и медленные. А тут от разнообразия увиденного у него зарябило в глазах.

Кто-то изображал сошедшего с ума робота, кто-то трясся, будто схватился руками за оголенный провод, кто-то прыгал на двух ногах, болтая головой, как китайский болванчик, а кто-то даже в такой суматохе пытался крабом проползти от стенки к стенке.

– Ну, чего завис, Маэстро? – вдруг Горыныч почувствовал, как кто-то хлопает его по плечу – Давай-ка дерни глазом!

Тут же к нему с гомоном подбежали девушки и, подхватив под руки, закружили в некоем подобии хоровода.

Потом девочки завизжали, толпа раздалась в стороны, и посреди комнаты оказалось пустое место, в центре которого парень на полу начал крутиться на спине. Начав крутиться медленно, он постепенно ускорялся, ноги его, раздавшись в

стороны, выписывали причудливые восьмерки, а затем, крутясь все быстрее и быстрее, они поднимались выше и выше. В конце концов, сделав рывок вверх он встал на голову, и под бурные овации присутствующих стал крутиться, стоя на голове. После этого он выпрыгнул вверх и приземлился на ноги, отскочив в сторону. Тотчас же пустое место посреди комнаты снова заполнилось танцующими.

Одна музыкальная композиция закончилась. Молодежь, еле переводя дух, разбрелась по углам. Кто-то устало плюхнулся на пол, и снова потянулись кружки с дымящейся жидкостью. Заиграла новая композиция – уже медленная. Теперь в комнате появилось несколько танцующих пар.

Горыныч еще не отошел от царившего здесь минуту назад балагана и неподвижно стоял посреди комнаты.

– Молодой человек, а вы танцуете?

Он обернулся и увидел рядом с собой девушку невысокого роста. Она с интересом смотрела на него снизу. Горыныч хотел произнести что-то, но вышло какое-то мычание. Девушка, не дожидаясь ответа, прижалась к нему всем телом и стала двигаться в такт музыке.

«Черт возьми, а это заводит!» – подумал Горыныч.

Он сразу же ощутил приятное возбуждение, и усталость отошла на второй план. Он стал раскачиваться вместе с девушкой. Музыка была негромкая и девушка попыталась его разговорить.

– Молодой человек, а как вас зовут?

– Горыныч...

– Что прямо так и зовут?

– Называют... Не веришь – спроси у Цирика.

– И что это значит?

– Это значит, что я злой и справедливый.

– Как интересно. А меня зовут Селена.

– Селена? Какое странное имя...

– Что ж тут странного? Селена – значит Луна. Какой же вы, Горыныч... чудака! А на каком вы курсе учитесь?

– На третьем...

– А я на первом, эх до третьего еще так далеко...

– Да, не очень, если честно.

– Горыныч, а вы не хотите отсюда уйти?

– Уйти? Зачем?

– Мне здесь скучно. Я уже знаю, чем все здесь закончится – и она взяла Горыныча за руку и потащила через комнату к выходу.

Рукав платья у девушки пополз вверх, оголяя предплечье, и Горыныч смог увидеть странную татуировку на ее руке: змея, обвивающаяся вокруг запястья, которая кусает себя за хвост.

– И чем все закончится? – спросил Горыныч, когда они были уже в коридоре. Он не раз был на таких вечеринках, но уходил обычно, когда веселье еще было в самом разгаре.

– Ясно чем. Даже говорить не хочется.

Она решительно пошла к выходу, а Горыныч двинулся за

ней.

Не прощаясь ни с кем, они покинули жилище Цирика.

Немного захмелев, Горыныч, пошатываясь, спускался по лестнице. Зачем-то ему нужен был Цирик, но он уже не помнил зачем, да и уже это было не важно, и ему стало практически все равно, где и с кем он проведет этот вечер.

Они вышли на улицу. Вдруг сзади раздался звук хлопнувшей двери подъезда и послышались чьи-то торопливые шаги.

– Стойте... ст-тойте... – раздался приглушенный сбивающийся голос.

Горыныч обернулся. К ним приближалась какая-то хромающая, нелепая тень.

– Стойте...

Это был Егор. Да, тот самый Егор, сосед по комнате.

– Видишь, я не один?

– В-возьмите м-меня с с-собой. Я н-не пом-мешаю.

– Че!?

– Я т-там не х-хочу... Пож-жалуйста...

– Ладно.

– А в-вы к-куда?

– Еще не решили. – ответил Горыныч. Он глянул на девушку. Та молчала.

– А дав-вайте в к-клуб... – предложил Егор.

– В клуб?!

– Ид-демте, к-крутая вещь.

И они двинулись по направлению к стоянке, где можно было поймать такси.

В свое время Егор был очень рискованным типом. Он ходил без билетов на концерты, проникал на чужие свадьбы, там уводил дам у своих кавалеров, бывал неоднократно бит... Все ему было нипочем. Как-то раз решил подзаработать деньжат тем, что пугал деревенских на колхозном рынке, представляясь рэкетиром. В одну из первых таких вылазок ему в голову прилетела пятисотграммовая гирия от весов, после чего он стал заикаться, хромать и притормаживать в целом. Но любви к риску после этого он не потерял...

Горыныч давно подозревал, что в мозгах у Егора полнейший винегрет – тот всегда мог найти приключения не только на голову себе, но и на головы всем окружающим.

– Поедешь с нами, но в клубе уже тусуй сам... Видишь я с дамой! – шикнул на Егора Горыныч.

Мотор нашли быстро, и уже через полчаса они дружно заходили в клуб «Юпитер». Это был один из самых популярных и доступных клубов в городе. Желающих попасть было много, и на входе уже образовалась очередь. Горыныч, немного нервничая в ожидании, отрешенно смотрел вперед, обнимая за талию свою спутницу. Спутница же все время косилась на Егора – тот всю дорогу нес какую-то чушь, делая несуразные жесты руками. Когда он был чем-то недоволен, у него обычно дергался глаз.

Сейчас он достаточно громко говорил то ли сам себе, то

ли всем окружающим, что у Цирика ему не нравится, что девок там он всех давно перетрахал, занимаются они там всякой хренью, и от этого дерьмового варева его давно тошнит.

При слове «тошнит» Горыныч скривился. Он только сейчас осознал, что его тоже слегка мутит.

Когда дошли до конца очереди, Горыныч заметил, что охранник на входе давно пристально смотрит на Егора. Он уже выдвинулся вперед, намереваясь преградить ему дорогу.

– Это со мной. Все нормально – сказал Горыныч и протянул охраннику десятидолларовую бумажку.

Когда зашли внутрь, Егор растворился в толпе, как и обещал. Селена пожелала чего-нибудь выпить, и они прошли к барной стойке.

Музыка играла очень громко. Бармен не напряглся. Завидев приближающуюся пару, он вопросительно вздернул подбородок.

– Чего будешь? – спросил Лютый у своей спутницы.

– Аа!?

– ЧЕГО БУДЕШЬ!?

– Джин тоник.

– ДВА ДЖИН ТОНИКА! – прокричал он бармену.

Бармен утвердительно кивнул и начал колдовать со стаканами и шейкером, предварительно пожонглировав внушительного вида бутылкой. Стоила такая бутылка не меньше пятидесяти долларов, поэтому все это несомненно, вызывало восторг окружающей публики.

Вскоре они с Селеной уже стояли у стойки со стаканами в руках.

Горыныч немного потянул напиток через соломинку, и тут же понял, что зря он затеял все это дело. В животе забурлило, а к горлу подкатил противный теплый ком.

– Я на минуту... – буркнул он и покинул свою спутницу, оставив свой стакан на стойке.

Он побежал по лестнице на второй этаж. На втором этаже здесь был туалет. Горыныч это знал, так как когда-то в этом клубе уже был.

Он пулей пролетел лестничный пролет – дело принимало очень срочный оборот. Как бы не оконфузиться. На втором пролете лестницы стоял какой-то мужчина в белом костюме и курил. Он был невысокого роста, черные гладкие лоснящиеся волосы были тщательно зачесаны назад, он затягивался и его длинный острый нос шевелился вместе с таракаными усами.

Горыныч хотел пройти мимо него, но тот преградил ему дорогу.

– Оу, ээ!?! – произнес мужчина что-то невнятное.

– Аа!?!

– О-У ЭЭ!!?!

– Подожди минутку... – Горыныч нежно взял незнакомца под плечи. переставил его в сторону, освободив себе проход, а сам скрылся за дверью туалета.

В туалете он рванул дверь первой попавшейся кабинки.

К счастью она оказалась свободной. Еле сдерживаясь, он наклонился над унитазом. И... ничего.

Выпрямившись, он вставил два пальца в рот, и тут вырвалась зеленовато-бурая струя, которая забрызгала унитаз, сиденье унитаза, сливной бачок, пол, и даже стены.

– Ууу, братишка, да ты обдолбался – послышался участливый голос из соседней кабинки.

Но Горынычу сейчас было не до разговоров. Он блевал, и ему приходилось издавать несуразные звуки.

Потом спазмы кончились, и блевать было уже практически нечем. Немного полегчало, и Горыныч вышел из кабинки с красными от натуги глазами и мокрой липкой рожей, оставив после себя форменный разгром. Он долго умывался и приводил себя в порядок, а затем вышел на лестницу.

Теперь уже можно было и поговорить.

Где же этот мудака, кем бы он там ни был?

Мудака нигде не было. Никого вообще не было. Пока он приводил себя в порядок, на лестнице стало совершенно безлюдно.

Да и музыки не было. Стало тихо, только со стороны танцпола слышался какой-то взволнованный гул.

– Подождите, товарищи медики, подождите... – раздался чей-то негромкий уверенный голос.

– Homo subito mortalis est – кто-то протянул в ответ.

Горыныч, ничего не понимая, спустился по лестнице и вышел к танцполу. Там, у барной стойки собралась куча наро-

ду. Был включен верхний свет и клуб стал выглядеть как-то буднично.

У входа стоял все тот же охранник с побледневшим лицом.

– Никто никуда не расходится! – опять тот же уверенный голос.

Мимо прошел человек в милицейской форме.

Горыныч протиснулся сквозь стоявшую у барной стойки толпу и вдруг оказался в пустом круге, вокруг которого плотно стояли люди.

Какие-то бурые пятна на полу. Много бурых пятен.

Горыныч увидел Егора. Тот стоял в пустом круге и курил. Заметив друга, он выпустил струю дыма и задумчиво произнес:

– Кровищи было...

На полу лежала белая простыня. Из-под простыни высунулась бледная женская рука.

– Все остаются на своих местах – еще раз произнес уверенный голос.

– Целый фонтан...

Рука, которая была видна из-под простыни, что-то сжимала. Это была коктейльная соломинка.

Егор покачал головой. Горыныч с ужасом посмотрел на руку.

На запястье он увидел змею, кусающую себя за хвост.

Ком опять подкатил к горлу, и его вырвало прямо на пол.

Глава 21. Нагорный. И еще кое-что обо мне.

Мы живем в очень странное время и с удивлением отмечаем, что прогресс идет в ногу с варварством.

Зигмунд Фрейд

Рассвет я встретил, сидя на рампе складов центрального рынка.

Прапорщик Карнаухов был первым, кого я там увидел. Он шел широким шагом с чемоданом в руках, насвистывая какой-то одному ему известный нехитрый мотивчик. Он уже практически прошел мимо меня, но... Ведь привычка появляться где бы то ни было раньше всех была одной из черт его характера. Но сегодня я пришел раньше. Так было нужно.

– Здравия желаю! – выпалил я.

– Здра... Что-о-о-о?! – удивился он – Нагорный?! Ты что ли, мать твою?!

– Так точно!

– Взятся откуда ни возьмись... – произнес он, а потом будто бы вспомнил о чем-то – Чего ж ты тут сидишь на бетоне? Давай, давай, пойдем-ка ко мне в кабинет.

Кабинет Карнаухова – это, конечно, очень громко сказано относительно того, что я увидел. Он привел меня в помещение размером, примерно, метра два на три, никаких окон там

не было, голые кирпичные стены, а из мебели имелся только стол да два стула.

Прапорщик по-хозяйски открыл фанерную дверь ключом, зашел внутрь и кинул на стол свой чемодан.

– У меня чай хороший есть. Знакомые уйгуры подарили. Берегу для подходящего случая. Вот сейчас мы его и оценим. – с этими словами он начал копаться в ящике стола, пока не достал оттуда заветный сверток. Неизвестно откуда появился старый электрочайник. Прапорщик набрал в него воды из металлического бочонка, который стоял в углу, подключил чайник к электросети и поставил на керамическую облицовочную плитку, которая лежала у него на столе.

Стол у прапорщика был элегантно пуст. Хотя я и бывал здесь у него пару раз, для меня до сих пор загадка, чем он здесь на самом деле занимается, и какая у него должность. То он какие-то бумаги подписывает, то ругает кого-то по телефону, то бегаёт по территории, выполняя самые различные задачи. Какой-то завхоз-универсал...

– Прекрасные теплые ночи сейчас пошли, знаешь... – мечтательно произнес он – И чего ж ты пришел так рано? – он посмотрел на часы, затем на меня, лицо его вдруг стало серьезным – Что, опять?!!

Я ничего не ответил, только пожал плечами.

– Это ж уже который раз-то? – спросил он – Второй или третий?

– Третий. Если тот самый первый раз считать, то третий. –

уточнил я.

– Трупы есть? – озадаченно спросил он.

– По-моему, да... Двое или трое... – ответил я.

– Ч-черт! Твою ж мать! – прапорщик со всего размаха шандарахнул ладонью по столу.

Из чайника повалил пар.

История эта началась достаточно давно. И началась она с того, что меня неожиданно призвали в армию. Неожиданно, собственно говоря, потому, что не должен был я туда попадать. Был я студентом педагогического института, учился вполне хорошо, но, будучи на втором курсе, умудрился подраться из-за одной барышни с пренеприятнейшим типом, который, как оказалось потом, являлся сыном первого секретаря обкома. Декан факультета, опасаясь не то за меня, не то за себя, не то за честь ВУЗа в целом, отчислил меня с фантастической скоростью, да еще и сообщил куда следует, мол, студент Нагорный уже в настоящее время таковым не является, да и что-то там еще сообщил, наверное, про того самого сына первого секретаря обкома...

Так что, в армию забрали меня едва ли не прямо с лекции.

Как выяснилось позднее, призыв уже подходил к концу, состав близлежащих военных частей был уже укомплектован, но желание отправить меня служить было слишком велико, и я совершенно непонятным для меня образом попал в эту свою сверхсекретную военную часть в Средней Азии.

Первым, кого я увидел, когда попал за ее ворота, был прапорщик Карнаухов.

Он тогда недружелюбно и невыносимо долго смотрел мне в глаза, а потом сунул в руки сверток пропахшего серой постельного белья и пошел восвояси, буркнув под нос что-то типа:

– Ничего, и не таких вытягивали...

Впоследствии оказалось, что прапорщик был инструктором по реагированию в экстремальных ситуациях, и весь состав рядовых и сержантов очень плотно с ним общался во время соответствующих занятий. Его обязанностью было подготовить нас к любым непредвиденным обстоятельствам.

Полоса препятствий, марш-броски по пересеченной местности, уроки выживания в дикой природе – это все были цветочки.

Рукопашный бой и владение любым видом подручных предметов – об этом не стоит даже упоминать.

Главная задача его была в том, чтобы научить бойца чувствовать себя, как рыба в воде, в любой обстановке... Даже не научить, а скорее... В-общем, выбора у нас не было.

Он кидал нас в бассейн с водой со связанными руками...

Подвешивал за ногу на высоте семи метров...

Закапывал в песок с трубочкой от капельницы в зубах...

Поджигал на нас одежду...

Душил полотенцем до потери сознания...

Натравливал на нас собак и ядовитых змей...

В общем, он был для нас, как отец родной.

Как-то раз прапорщик собрал нашу роту в кабинете политпросвещения. Кабинетные занятия в нашем случае были явлением чрезвычайно редким, обычно это было психологическое тестирование или какая-нибудь лекция о выживании в условиях Крайнего Севера – или о чем-то другом, включая непосредственно политпросвещение – что-нибудь о непростой политической ситуации в Лаосе.

Прапорщик тогда встал у кафедры и торжественно произнес:

– Бойцы! Всем известно, что в боевых или в приближенных к ним условиях солдат не должен думать. Думают за солдата командиры. А солдат должен выполнять приказ! Если солдат будет самостоятельно принимать решения или, что еще хуже, терзаться морально-этическими вопросами, он потеряет время, а кроме того, своими колебаниями внесет сумятицу и неразбериху в ряды своих товарищей, что может закончиться гибелью всего подразделения. Поэтому, солдат думать в бою не должен! В это время солдат вверяет себя в руки своего командира.

– Но! – продолжал он – Бывают ситуации нестандартного характера, когда приказ получить не от кого. Тогда солдат не всегда готов к принятию самостоятельных решений. И в этом случае солдат как бы вверяет себя в руки кого-то высшего, кому он мог бы довериться... Например, старые русские солдаты вверяли себя Богу... Мы тоже могли бы вве-

рять себя Богу, но Бога, к сожалению, не существует. Поэтому, мы с вами сами себе придумаем кого-то высшего, исключительно в тактических целях, кто в нашем сознании являлся бы некоторым идеалом, и кому можно было бы доверять.

Он раскрыл папку и стал доставать оттуда листки с изображениями.

На них были нарисованы различные мифические и литературные герои, как правило, воинственного вида. Они и должны были стать для нас этими идеалами. Каждому досталось по такому листочку.

Сидевший рядом со мной Кобылкин получил изображение Ильи Муромца.

Он брезгливо посмотрел на листок и заныл:

– Товарищ прапорщик, а можно мне кого-нибудь другого? Может у вас кто-нибудь посерьезнее есть?

– Кого тебе еще посерьезнее надо, Кобылкин?

– Например, товарища Чапаева или товарища Ворошилова, товарищ прапорщик.

– Это должен быть выдуманный герой, Кобылкин! При чем тут Ворошилов, дурья твоя башка!

– Товарищ пра...

– Отставить саботаж и работать с Ильей Муромцем, Кобылкин!

– Так точно, товарищ пра...

Мне достался очень свирепого вида бородатый мужик в кольчуге с топором.

И так, начиная с этого дня, мы по полчаса, а иногда и больше, рассматривали эту картинку, запоминали все до мельчайших деталей, а потом уже представляли, какой смелый, сильный и справедливый этот герой, как он себя ведет в определенных ситуациях, какой у него голос, как он двигается, как дерется, и так далее, и тому подобное.

А через полторы недели, чтобы служба медом не казалась, прапорщик заставил нас писать сочинение.

Тогда я долго всматривался в листок и пытался что-то написать, но мысли путались.

«Этот воин всем своим видом выражает готовность сражаться в любой момент...»

Нет, не совсем так. Зачеркнул.

«На картинке изображен воин. В левой руке он держит топор наизготовку.»

Опять не то. Ч-черт возьми, что такое! Я же не школьное сочинение пишу.

Я порвал листок и выбросил в урну.

Рядом сидел Кобылкин со своим Ильей Муромцем и, глядя куда-то вдаль, грыз карандаш.

Илья Муромец у Кобылкина был изображен в стиле детского минимализма: румяный, дородный детина, сжимающий в огромной руке довольно скромную по его размерам булаву – издалека казалось, что он держит в руке ложку.

Я глянул на свой листок. У меня картинка была посерьезнее. Не детская какая-то...

В конце концов, я собрался с мыслями.

«Это храбрый воин. Он изображен, стоящим с оружием в полной готовности к бою. Взгляд его устремлен вдаль на неизвестного врага. Он спокоен, но готов ко всему. Не имеет значение количество и сила его врагов. Он не имеет к ним ни капли жалости. Он всегда готов принять бой»

Всегда готов принять бой... Готов принять бой... Бой.

А потом начались проблемы. Точнее одна большая проблема, которая длится и по сей день.

Как-то на занятиях по рукопашному бою мне прилетел тяжелый удар в голову, и я потерял сознание. Точнее, мне так показалось, что я потерял сознание.

Очнулся я в луже ледяной воды. Вокруг меня стояли мои товарищи с весьма озабоченным видом. У Кобылкина дергался глаз. Прапорщик, бледный как полотно, держал в руках пустое ведро.

С тех пор этот мужик с топором спит где-то глубоко внутри моего подсознания, и всякий раз, когда мне грозит серьезная опасность, он просыпается и моими же руками начинает творить жуткие вещи...

– Да, первый раз ты нас сильно... – прапорщик уже разливал по кружкам чай, заваренный в эмалированной кружке – ...озадачил. Помнишь хоть что было?

Я помотал головой.

– Эх... Рассказывал я тебе! Да что там? Тебя ж тогда ко-

лотило, как ненормального. Я тебе стакан водки тогда дал – ты его залпом оприходовал... Я-то помню!

– Да у меня сейчас другие проблемы. У меня там бандюки умершие в квартире лежат, завтра уже вонять начнут.

Прапорщик присвистнул.

– Хочу знать подробности. – кратко отрезал он.

Подробности, так подробности, мне не жалко. И я рассказал ему все: и про сына-недоумка, и про мое несудьбоносное решение, про засаду, про Лысого в моей квартире, как меня били, даже можно сказать, убивали, как я потерял сознание, вернее думал, что потерял, и как потом очнулся и обнаружил себя на полу с окровавленным топором в руке рядом с другими – изуродованными, ровненько лежащими в лужах собственной крови.

Потом меня снова колотило. Да, именно колотило... Рассудок возвращался, и я приходил в неопиcуемый ужас от всего произошедшего и метался по квартире, не находя себе места, а потом валился на пол и безучастно лежал, глядя в потолок. Метался и снова лежал... Метался и лежал... К рассвету я уже взял себя в руки, собрал все самое необходимое, и отправился искать прапорщика – только он знал о моей проблеме, и только он мог помочь. На самом деле, идти мне больше было не к кому.

– Ай-яй-яй, Саша... – произнес он, когда я закончил – Вот зря ты так... Из-за бумажек ввязался в такую историю. Ты в следующий раз лучше ко мне приходи. У меня такую сумму

самые нерасторопные за три дня зарабатывают...

Глава

22.

Горыныч

. Cops are humans too.

Мы подвергаемся действию психических микробов и находимся в опасности быть психически зараженными.

В.М. Бехтерев

Утро Горыныч встретил в отделении милиции. Сразу после убийства в клубе их с Егором увезли для дачи показаний. С ними занимались двое дежурных офицеров – лейтенант и майор.

Горыныч давал показания лейтенанту. Тот, узнав, что убившая девушка пришла в клуб вместе с ним, поначалу воодушевился и стал задавать много вопросов. Когда выяснилось, что Горыныч не знает даже ее фамилии, ничего не видел, да и вообще, в то самое время блевал в туалете, он как-то скис и стал вяло спрашивать обстоятельства, предшествовавшие убийству.

С Егором ситуация была поинтереснее. Он в момент убийства находился достаточно близко от жертвы, как выяснилось, многое видел и многое запомнил, а поэтому мог многое рассказать. Это он и пытался делать, оказавшись в руках майора, который ни на миг не отпускал свою профес-

сиональную хватку, пытаюсь выудить из свидетеля все, что только можно. Егор перегружал свой рассказ излишними подробностями, и это, вместе с его манерой говорить, заставляло майора нервничать.

Горыныч чувствовал, что его потряхивает. Он считал себя человеком с крепкими нервами, но таких отмашек жизнь ему еще не устраивала.

– Прошу прощения, можно я закурю? – спросил он у лейтенанта.

– Понимаете, у нас вообще-то нельзя. – ответил тот – Но, учитывая ваше психологическое состояние, курите... Только станьте вон там возле окна, и курите в форточку.

Горыныч подошел к окну, на ходу доставая сигарету.

В это время Егор что-то рассказывал майору и не скупился на подробности:

– ... и в-вот он в-выдергивает нож, б-ба-альшой такой – и он показывает ладонями сантиметров двадцать – а от-туда ц-целый ф-фонтан...

– Вот вы все говорите: он, а кто это он? – недружелюбно прервал его майор – Опишите.

– Ну к-кто – он? П-псих этот... У него еще в-волосы в-вот так – и Егор погладил себя ладонью по голове, словно зачесывал волосы назад.

Горыныч вздрогнул и посмотрел на Егора.

– ... он весь свой к-костюм к-кровью заб-брызгал. Б-белоснежный так-кой... – продолжал Егор – Но ему все по б-

барабану. П-псих, одно с-слово.

– Да хватит уже одно и то же рассказывать. – прервал его на полуслове Горыныч.

Он кинул окурок в форточку, и подошел к майору.

Майор оторвался от записей и вопросительно посмотрел на Горыныча.

– Давайте фоторобот составлять. Я его тоже видел...

– А вот это интересно... И где же?

– Ну там, возле уборной. Жалко, я не в форме был. – вздохнул Горыныч – А то бы он от меня...

Лейтенант бодро вскочил со своего места:

– Товарищ майор, так что. я за проектором?

Майор почесал затылок:

– Да нет, подожди, пожалуй, Ивашкин, не торопись. Есть у меня идеяка получше. Кажется, я знаю, кто это мог быть...

Майор вышел из кабинета, и через некоторое время вернулся с несколькими толстыми папками, некоторое время он в них что-то искал, а затем уверенно произнес:

– Ивашкин, выведи-ка свидетелей из кабинета. Мне надо подготовиться.

Ивашкин подошел к Егору и вежливо произнес:

– Прошу!

Горыныч, не дожидаясь, пока Ивашкин доберется до него, поместил свое тело в вертикальное положение, и двинулся на выход. Он слышал, как у него за спиной Егор препирался с Ивашкиным.

Оказавшись на коридоре, Горыныч плюхнулся на лавку. Егора наконец вывели, и он стал рядом, опершись о стенку. Ивашкин стал рядом с кабинетом. Он подмигнул и гордо произнес:

– Товарищ майор у нас голова! Он уже понял, что к чему...

Через минуту майор крикнул из-за дверей:

– Первый пошел!

Ивашкин с Егором скрылись за дверями кабинета.

Горыныч, опершись локтями в колени, опустил лицо в ладони.

«Твою ж мать...» только и успел подумать он.

Через минуту из дверей выглянул Ивашкин:

– Товарищ... э-э, гражданин! Пойдемте... Ваша очередь.

Горыныч встал со скамьи и вошел в кабинет. Как оказалось, майор решил провести опознание по фото. На столе у него уже лежало около десятка карточек. С них на Горыныча смотрели лица: кто-то злобно, кто-то с хитринкой, кто-то отрешенно. Лысые и кудрявые, тощие и круглолицые, уродливые и не очень, внушающие доверие и подозрительные.

Взгляд сразу же выхватил из десятка физиономий длинный нос, противные усики. Этот наглый взгляд, вытянутая морда... «Вот он, мудака...» – подумал Горыныч. Несколько часов назад, там у туалетов, он был просто странный мудака. А теперь, оказывается – это убийца... Враг... Враг номер один... Враг на всю жизнь.

Он безошибочно указал на фото.

– И кто это? – спросил, как ни в чем не бывало, майор.

– Он был там, в клубе.

– И что?

– Стоял возле туалета. Мычал что-то. Вел себя агрессивно.

– Вы точно уверены?

– Да.

– Можете ошибиться?

– Нет.

– Сомневаетесь?

– Ни за что. Уверен на все сто. Жалко, я его тогда не уштал...

Майор встал и подошел к форточке. Затянувшись, он посмотрел на Ивашкина:

– Знаешь, Ивашкин, у нас нет никаких шансов... Никаких. Кто это, знаешь?

– Кто? – эхом отозвался Ивашкин

– Казбек...

Ивашкин присвистнул.

– Его прикроют по всем фронтам. Все безнадежно... Хоть ты сразу дело закрывай.

Майор выкинул окурочек в форточку и вернулся на место.

– И на вашем месте, молодой человек – обратился он к Горынычу – я бы так себя не корил. Этот человек – опасный преступник. Еще неизвестно, чем бы закончилась ваша

попытка, как вы выражаетесь, его ушатать... И спасибо вам большое за потраченное время... Вижу вы ребята честные, хорошие... Жалко только, что повод у нас нехороший, как говорится... Ну если понадобится, мы вас вызовем. Ивашкин, проводи, пожалуйста товарищей...

Не успел Ивашкин произнести свое фирменное «Прошу», как вдруг зазвенел телефон. Майор поднял трубку:

– Але! Да! Майор Стромин слушает... Что?! Опознали? Документы были? Ясно. Хорошо. Записываю... Каратаева Елена Борисовна. Ага. Хорошо. Родственников я вам завтра сам найду... Отбой.

Майор положил трубку. Он снова подошел к форточке.

Ивашкин неподвижно сидел на своем стуле и напряженно смотрел на майора. В конце концов, он не уверенно произнес:

– По-моему, дядя Боря... – вздохнул Ивашкин – ...эх, несчастье-то какое.

– Ты, как всегда, чертовски прав, Ивашкин – произнес майор, выдыхая табачный дым в форточку – я даже представить себе боюсь его реакцию.

Глава 23. Нагорный. Отряд «Искатель».

А дорога, она, брат, такая... Только успел пятку поставить на сырой серый песок – и все,

Понесла она тебя. И ты себе уже не хозяин.

Красноармеец Федор С.

– В-общем, Саня, надо тебе тикать – категорично заявил прапорщик, со звоном поставив почти пустой стакан на стол. – Переждать где-нибудь пару месяцев, а то и годик. Вопрос только, куда...

Он подумал пару секунд, затем встал, на ходу допивая свой чай, и махнул мне рукой:

– Знаю, куда. Идем.

Недолго думая, я встал и пошел за ним.

– С вещами, Саша, с вещами – напомнил прапорщик.

Это я знал и без него – моя дорожная сумка, в которой было почти все самое необходимое для скромной бродячей жизни, была уже у меня за плечами.

Он повел меня по рампе мимо складов, пока мы не оказались у бетонного забора с металлической калиткой. Прапорщик нащупал потайной засов, и калитка отворилась, впустив нас на тихую зеленую улицу. Мы перешли на другую сторону и пошли дворами, мимо сараев, развешенного белья и пасу-

щихся гусей.

Остановился Карнаухов, подойдя к двухэтажному дому из красного кирпича. Он постучал в окно. Оттуда раздался глухой голос:

– Кого там черт принес?

– Дядя Федя съел медведя. – скороговоркой выпалил прапорщик. Не совсем понятно было – это была шутка или своеобразный позывной.

– Ты, что ли, Лопухий?! С чем пожаловал? – протянул глухой голос.

– Гостя тебе привел. В отряд... – кратко ответил прапорщик.

– Ну если так, то пусть подождет. Я сейчас, только тапки найду.

За дверями послышалась возня. Воспользовавшись паузой, я спросил у прапорщика:

– Что еще за отряд? Воевать что ли?

– Да нет, Саша, не воевать. Работать, Саша, на Север. Присоединяйся. Людей посмотришь, себя покажешь. Один хрен выбора у тебя нет... Слушай, а я, наверное, пойду, а? Дядя Федя сейчас обниматься полезет. Ох не люблю я этого... Да и мне работать еще – и прапорщик, уже направился было мимо пасущихся гусей...

– Ах да, дай ключи от своей квартиры, я там приберусь немного – пройдя несколько шагов, обернулся он.

Я отдал ему ключи, и он, ускорив шаг, пошел дальше. Уже

почти скрывшись из виду, он обернулся и, помахав мне рукой, крикнул: «Давай, удачи! Свидимся еще!». А потом он исчез из моей жизни на добрый десяток лет.

Тем временем, возня за дверями стала громче. Как я мог предполагать, тапки уже нашлись. Ключ повернулся в замке, дверь отворилась, и мне явился сам хозяин тапок, легендарный дядя Федя.

– А где же этот, Лопухий? Уже сбежал? – разочарованно произнес он. Говорил дядя Федя с заметным вологодским акцентом.

Оказался дядя Федя крупным седым мужчиной с рыжими густыми усами. Одет он был в серые шорты и майку-алкоголичку. На ногах у него были черные сланцы, по-видимому это и были те самые тапки, обутые поверх белых гольфов, длиной почти до колена.

– Работать побежал – как бы между делом ответил я, вспомнив, как неожиданно, наобум, ретировался прапорщик.

Дядя Федя крякнул от досады:

– Эх, работничек...

Затем он достал из кармана своих шорт блокнот и шариковую ручку.

– Как величать? – спросил он, приготовившись записывать.

Я молча протянул ему паспорт, не имея никакого желания по буквам диктовать ему свою фамилию. Дядя Федя смерил

меня коротким взглядом, в котором можно было прочесть смешанное чувство удивления и досады, аккуратно взял мой паспорт, и небрежно пролистав его, сделал несколько записей. Затем, вернув мне паспорт, он захлопнул свой блокнот и с некоторой долей торжественности произнес:

– Ну что же, добро пожаловать в отряд «Искатель».

– И что ищут? – саркастически спросил я, пытаясь скрыть волнение.

– Это по-разному... Кто что. А вот находят – это кому как повезет – небрежно кинул дядя Федя и, открыв старую скрипучую дверь, жестом пригласил меня зайти внутрь дома.

– Пока отбой. Приедут за вами после обеда. Дорога длинная – так что лучше отдыхать – произнес он, когда мы оказались внутри, запирая дверь на ключ.

Потом дядя Федя привел меня в большую комнату. В ней было много света – с каждой стороны по три окна. Посреди комнаты стояли четыре обыкновенные металлические кровати с обыкновенными полосатыми матрацами на панцирной сетке. На одной из них возлежал солидный мужчина в халате, довольно интеллигентного вида. Двумя пальцами придерживая очки в золоченой оправе, он читал довольно увесистую книгу. Далее, ближе к окну, стоял еще один мужчина, лет пятидесяти, худощавый, невысокого роста, в поношенном спортивном костюме. Он внимательно смотрел за кастрюлей, стоящей на электрической плите. Из кастрюли валил густой пар.

Когда мы с дядей Федой вошли в комнату, читавший книгу мужчина в халате посмотрел на нас поверх очков, и, смеясь, меня взглядом с головы до ног, иронично произнес:

– Я-таки тебя поздравляю, Степа! Вашего полку прибыло. Стоявший у кастрюли обернулся и ответил:

– Да, Изечка, теперь ты у нас будешь в меньшинстве.

Изечка закрыл книгу, и, поднявшись, подошел ко мне с протянутой рукой:

– Будем знакомы. Кравец. Изя Кравец.

Я с большой неохотой представился. Услышав мою фамилию, Изя как-то недовольно причмокнул, потом снова сел на своей кровати и обратился к дяде Феде:

– Слушай, Федор! А что, больше до Фабрики у нас никого не будет?! Так втроем и поедем?

– Будет! – громогласно ответил тот – Подберем еще одного по дороге.

– А он русский или еврей? – поинтересовался Изя.

– Не русский, и не еврей... Стихи пишет – огрызнулся Федор.

– Украинец, что ли? Какая у него национальность? Ты, вообще паспорт его смотрел? – все никак не мог успокоиться Изя.

– А мне ваша национальность до одного места – ответил дядя Федя – По мне, так хоть папуас. Я вас не в Политбюро беру.

Изя вздохнул и снова прилег на кровати.

Дядя Федя вышел.

Тем временем я бросил свою сумку возле одной из пустующих кроватей, снял ботинки и прилег. Теперь, оказавшись в относительно спокойном месте, я понял, насколько был измотан, и вскоре погрузился в неглубокий сон.

Прошло примерно полчаса, хотя мне показалось, что я проспал всего несколько секунд, и меня разбудил Степан.

Он в очень простых выражениях, достаточно дружелюбно пригласил позавтракать.

Есть мне не сильно хотелось, но я все же заставил себя подняться – пора уже было приобретать привычку ценить простые вещи. Я подошел к стоящему в углу рукомойнику и как следует, с фырканьем и высмаркиванием, умылся. Когда я подошел к столу, Степа раскладывал по тарелкам вареную картошку. Изя в каком-то возбужденном состоянии ходил туда-сюда по комнате, сжимая в руках свою книгу, и о чем-то думал.

– Что он там все читает, Талмуд, что ли? – спросил я у Степана.

– Это моя книга – скромно ответил он.

Изя перестал ходить, уселся за стол, взял в руки вилку и стал дробить картофелину на мелкие кусочки. Потом он насадил один из них на вилку и, приподняв ее острием вверх, посмотрел сначала на меня, а потом на Степу, и многозначительно произнес:

– Хм, стихи пишет... Может и русский... нам, евреям,

все-таки ближе проза.

И он погладил ладонью лежавшую рядом с ним на столе книгу, на корешке которой я успел прочесть название, нанесенное золочеными буквами:

СПРАВОЧНИК

МЕТАЛЛУРГА

Глава 24. Горыныч. Не мести ради...

Если ты дурак, то и мысли у тебя дурацкие

Научное доказательство закона вселенского равновесия.

Горыныч сидел на кровати, скрестив ноги. Он держал в руках белый пластиковый мячик для настольного тенниса. Резкое движение – и мячик полетел в стену. Цок – мячик отскочил от стены и полетел обратно. Еще одно ловкое движение – и мячик снова в руках.

Так он сидел уже третий час. Кидал, ловил, думал... Цок... Думал, кидал, ловил... Цок...

Жила-была девочка... Цок...

И вот в один день... Цок...

Эта девочка оказалось в нехорошем месте в нехорошее время... Цок...

И ее не стало... Грррр...

Мячик, в очередной раз встретившись со стеной, раскололся и вместо того, чтобы отскочить назад, упал вниз и укатился в угол, где встретился со своими предшественниками.

Горыныч полез под кровать и достал из пакета новый мячик.

Если б тогда знал... Цок...

Не допустил бы... Цок...

Не допустил бы ни за что на свете... Цок...

Придушил бы гада или утопил бы в унитазе... Грррр...

Вчера после очередной беседы, майор, пуская сигаретный дым в форточку, очень просто, по-честному, без обиняков, посоветовал позабыть обо всем этом. Просто позабыть.

Жить, как раньше. Но ведь это невозможно – жить, как раньше... Такое маленькое, гаденькое чувство беспомощности уже зародилось. Будто на базарной площади, чувствуя, как тебя сейчас пронесет, не нашел ничего лучшего, чем нагадить себе в штаны.

Очередной мячик треснул и укатился в угол.

Горыныч встал, пнул пакет с мячиками, загнав его дальше под кровать, обулся и вышел на улицу.

Надо как-то найти гада... Но как? Да и зачем?

В глаза ему посмотреть... Убить, если не его, то хотя бы это маленькое гаденькое чувство.

Горыныч побродил вокруг стадиона, заглянул в близлежащие дворы, прошелся мимо рынка.

У рынка царило характерное оживление. Мужчины с пакетами и женщины с сумками проходили, задерживаясь у грузин, торговавших фруктами, у азербайджанцев, торговавших специями, у старушек, торговавших чесноком. Неподалеку вилась стайка цыганят. Они приставали к прохожим, пытаясь выклянчить у кого-нибудь немного денег. Когда Горыныч проходил мимо, трое из них бросились было к нему, но тут же кинулись врассыпную, услышав недоброе:

– А вы что тут, моры, ползаете?

На углу стоял невысокого роста мужичок в кепке и беспрестанно бормотал:

– Доллары, марочки, рубли. Покупка, продажа.

Горыныч подошел к мужичку и пристально посмотрел на него:

– Доллары, марочки... Может швейцарские франки? – осведомился мужичок

– Слышь, друг... – начал Горыныч, озираясь по сторонам

– Йены, фунтики? – продолжил мужичок в кепке. Голос его стал немного тревожным.

– Как тебе сказать... – Горыныч никак не мог найти нужных слов

– Золотишко? – мужичок в кепке уже начал теряться.

– Мне Казбек нужен – в конце концов произнес Горыныч полушепотом

– Зачем Казбек? – мужичок в кепке заволновался еще больше – Мы так все решим.

– Мне Казбек нужен! – сказал Горыныч громче и важно добавил – Дело есть.

– Аааа... Ну раз дело, сходи-ка ты вон туда – мужичок, заметно успокоившись, показал пальцем в сторону стоявшего неподалеку павильона с надписью «Чайхана» – А я пойду, пожалуй, а то вон уже мент рыщет... А тебе удачи... И это, не хворать...

Горыныч обернулся. Действительно, недалеко неспешной походкой шел сержант милиции, хмурым взглядом водя по

сторонам.

Мужичок в кепке как-то быстро и незаметно исчез, а Горыныч озадаченно почесал голову и двинулся в сторону чайханы.

У входа в чайхану стояли два рослых бородатых охранника в бронежилетах. Горыныч протянул руку, чтобы открыть дверь, но один из них положил свою огромную волосатую руку на дверную ручку и важно сказал:

– Нельзя... Переучет...

– Мне Казбек нужен – как заведенный, Горыныч продолжал повторять одну и ту же фразу

– Тебе же сказали – переучет. Ты что, рюский не понимай? – вмешался второй.

– Мне Казбек нужен! Дело есть... – эта фраза, по-видимому обладала волшебным эффектом, так, что громилы переглянулись и, ни слова не говоря, одновременно втолкнули Горыныча в чайхану.

Когда Горыныч влетел внутрь, он увидел барную стойку, за которой никого не было. Возле самой барной стойки стоял столик, на котором дымился кальян. За столиком сидел... он самый, Казбек, в таком же белом костюме, с такой же дурацкой прической. Горыныча передернуло. Теперь этот тип казался еще более мерзким.

Одной рукой он держал патрубком кальяна, а другой рукой что-то писал в лежащем на столике блокноте. Никаких эмоций не отражалось на его лице.

Когда Горыныч оказался рядом, Казбек оторвал глаза от блокнота, выпустил из ноздрей сизую струйку дыма, посмотрел на него ничего не выражающим взглядом и произнес:

– Мальчик, что тебе здесь надо? Выход там...

Горыныч подошел вплотную к нему и, согнувшись над столиком, прошипел:

– Теперь не хочешь со мной поговорить? Ты зачем девочку убил, сука?!

Лицо Казбека переменялось, он резко вскочил, швырнул карандаш на пол и стал орать что-то на каком-то непонятном наречии. Патрубок кальяна выпал из рук и, повиснув на руке, стал качаться, едва не доставая до пола. В помещение тут же вбежали те двое, что стояли у входа. Горыныч вовремя увидел, как они кинулись в его сторону, он уже встал в стойку и собирался уложить обоих двумя точными ударами, но вдруг его правую сторону свела резкая судорога и ноги подкосились. Краем глаза он заметил, что у барной стойки появился третий противник, державший в руках длинный, похожий на небольшую дубинку армейский электрошокер. Те двое, что прибежали с улицы, тут же накинулись, схватили за руки и выволокли наружу. Когда Горыныч оказался на улице, в лицо ему прилетела струя из перцового баллончика.

Позднее, когда резь в глазах перестала быть такой невыносимой, Горыныч смог, наконец, оторвать взмокшие ладони от своего лица. Он огляделся по сторонам и обнаружил себя сидящим на лавочке недалеко от рынка. Мимо него все

шли и шли люди. Рядом с ним в урне копался бомж. Горыныч, чувствуя, как болезненно воспринимают неприятный запах обожженные рецепторы, брезгливо посмотрел на него и спросил:

– Слышь, друг, а где тут можно пушку достать?

Глава 25. Нагорный. Человеку свойственно быть дерьмом.

Настоящий поэт за словом в карман не полезет.

Да и в долгу не останется...

Критика замутненного разума

А потом начался наш путь. Длинный, далекий, полный различного рода неожиданностей.

Около трех часов дня за нами приехала «буханка». На сборы мне времени понадобилось совсем немного. Я расположился на деревянной скамье в кузове и стал ждать остальных. Через какое-то время со своими скромными пожитками появились мои спутники. Когда все уселись, в дверях появились рыжие усы дяди Федя.

– Так – сказал он, посмотрев на нас.

– Один, два, три – добавил он, считая нас по головам.

Затем он порывлся в папке, которая была у него в руках, достал оттуда большой конверт и передал его Изе.

А затем дядя Федя всех нас отправил. Он пожелал счастливой дороги, дверь «буханки» с лязгом закрылась, взвизгнул двигатель, и мы тронулись в путь.

– Что это там? – спросил я у Изи, кивнув на конверт, который он прятал у себя в чемодане.

– Билеты, рабочие путевки, всякая официальная дребне-

день – нехотя ответил Изя.

– А когда деньги платить? – поинтересовался я, похлопав себя по карману.

– Платить не надо – ответил Изя, справившись, наконец с застежками своего чемодана – Молодежная программа. На следие комсомола.

– Потом с зарплаты спишут –добавил он, заметив в моих глазах искорку сомнения.

– Молодежная? – переспросил я, глянув на Степана. Тот меня понял. Младше тридцати среди нас никого не было.

– Молодежи сейчас это не надо – вздохнул Степан – вот и берет Федор всех подряд.

– Какое время, такая и молодежь – добавил Изя – Еще скажите спасибо, что без наркоманов. В прошлом отряде, говорят, был один... Всю каюту заблевал. Из-за этого уroda чуть всех с рейса не сняли..,

– Это точно – сказал Степан.

Дорога обещала быть очень длинной, я расположился поудобнее и попытался задремать. Правда, сделать это было практически невозможно: время от времени «буханка» подпрыгивала на каком-нибудь ухабе, и я вскакивал, хватаясь за все, за что только можно было ухватиться, чтобы не расшибить себе голову...

На рассвете нас высадили на Комсомольской площади, и мы, не торопясь, побрели в сторону Ярославского вокзала. Когда мы добрались до платформы, там уже объявили посад-

ку на наш поезд. Изя извлек из портфеля билеты, которые тут же и предъявил стоявшей у поезда проводнице, и мы зашли в полупустой вагон.

Когда поезд тронулся, у меня было лишь одно желание – поспать.

Изя и Степа разлеглись на нижних полках – им тоже пришлось не сладко, и я, недолго думая, взял белье, наскоро приготовил себе постель, забрался на верхнюю и моментально уснул.

Два дня пролетели довольно быстро: сон, короткие вылазки за водой и едой, ходьба по коридору, короткие, не отягощенные особым смыслом разговоры со своими товарищами, потом опять сон.

Изя и Степан то трепались за жизнь, то по очереди читали друг другу вслух справочник: медленно с расстановкой, то о чем-то спорили.

На утро третьего дня я проснулся на рассвете и неожиданно почувствовал себя бодрым. Спать не хотелось совершенно, и я слез с полки. На нижних полках раскинулись спящие Изя и Степан, и я осторожно вышел из купе в коридор вагона, чтобы никому не мешать.

В коридоре было свежо и пусто. Я встал у окна. Там, снаружи вагона проносилась туманная лесостепь. Совершенно неожиданно для себя я почувствовал, что стал отдохнувшим и счастливым. Теперь можно было начинать жизнь сначала. Все, что происходило со мной раньше – работа в школе, дра-

ки, разборки, даже прапорщик – все казалось каким-то затянувшимся дурным сном. Теперь были только несущийся сонный поезд и манящая неизвестность впереди. Я не ощущал ни усталости, ни скуки, и с интересом смотрел на открывающиеся за окном виды.

Потом, когда прошел час или полтора, пассажиры стали просыпаться, началось хождение с полотенцами и стаканами, и я вернулся в купе. Там Изя со Степой уже проснулись и опять о чем-то спорили.

– Вот скажи мне, Степан, зачем ты туда едешь. Что ты там забыл? – слегка повысив голос, говорил Изя.

– У меня дома жена и трое детей остались. Я бы и не ехал никуда, но их надо одеть, обуть, накормить... – довольно спокойно отвечал Степан.

– А я вот, Степочка, был влиятельнейшим человеком. У меня было все! Дом, какой у меня был дом... Да тебе, Степан, такой даже и не снился. Нашим советским людям такие дома даже в кино не показывали... Но пришлось все бросить. Спасибо Федору, помог, выручил в трудную минуту по старой дружбе. Если б не он... Ехал бы я сейчас совсем другим поездом... И по другому маршруту.

– Я, конечно же, мог бы и не ехать... по крайней мере мог бы попасть куда-нибудь туда, где потеплее. – продолжал рассуждать Изя – Но там таких, как я, каждый второй, если не каждый первый. А там, куда мы сейчас едем, таких, как я, нету, и искать там меня точно никто не будет.

Изя, говоря об этом, ел чайной ложечкой абрикосовое варенье из небольшой банки. Затем он повернулся, и заметил меня:

– А, как вас там, Александр! Я зверски извиняюсь, но хотел спросить. Вот вы зачем туда едете?

– Да знаете, никакой романтики, одна бытовуха. Бандитов подставил, пару человек пришлось убить...

Изя вздрогнул, чайная ложечка упала на пол. Степа скромно кашлянул и отвернулся к окну.

«Не люблю болтунов» – подумал я.

– Да шучу, конечно. Шучу. Просто приелось мне вот так скучно жить, дом-работа, работа-дом. Хочу подвига. Я бы на БАМ поехал, но сейчас, там, к сожалению, уже ничего не строят.

Потом поезд остановился на очередной станции и в коридоре послышался нарастающий шум, плавно переходящий в скандал.

Я выглянул из купе и увидел, как к нам, пытаясь обогнуть мощную проводницу, желает присоединиться тощий, бледный, с копной вьющихся волос на голове, молодой человек в очках, в халате и в тапочках.

Проводница не сдавалась... Она медленно, но уверенно теснила молодого человека к выходу, угрожая ему все ребра пересчитать, а потом сдать в милицию.

Молодой человек что-то очень эмоционально пытался объяснить. Он кричал про билет, про рабочую поездку, про

Норильский комбинат. И до меня наконец дошло...

– Изя, кажется, там нашего поэта обижают – сказал я через плечо.

Изя встал, достаточно бесцеремонно отодвинул меня в сторону и пошел в коридор. Я пошел за ним.

– Вы поэт? – спросил Изя, подойдя поближе.

– Поэт – ответил тот.

– Документики попрошу – сказал Изя настойчиво, с недоверием глядя на странного поэта.

Проводница ослабила хватку, но была готова в любой момент продолжить с новой силой.

– Минуточку – сказал я проводнице и отвел Изю на пару шагов в сторону.

Поэт растерянно смотрел на нас. Я мог бы побиться об заклад, что документов у него не было.

– Какая разница, наш это поэт или не наш?! – прошипел я ему в ухо.

– Что вы мне этим хотите сказать, Александр-р? – с легкой интонацией угрозы ответил он. Даже свойственная ему легкая картавость пропала.

На это я ему ответил, что, если сюда явится наряд милиции, мы сами, учитывая шаткость нашего положения, можем легко разменять свой купейный вагон на «стольпинский».

– Это наш поэт! – крикнул Изя проводнице.

И уже через минуту проблема была решена. Проводница получила билет, который находился у Изю вместе со всеми

документами, а мы получили поэта, который тут же уселся на нижнюю полку, скрестив на груди руки и ни на кого не обращая внимания. Сумок у него никаких не было, только из кармана халата торчал большой блокнот.

Изя недоверчиво посмотрел на него:

– И этот человек собрался ехать... Куда?! В самый суровый город Советского Союза!? – и он схватился за голову.

– Я с дурки сбежал, чего гоните? – огрызнулся поэт. Его хищный тонкий нос с широкими крыльями выразительно зашевелился.

– А я прошу прощения за нескромный вопрос. – продолжал Изя – Вы, таки, русский или еврей?

– Не вижу смысла в данном вопросе. – холодно ответил поэт.

– Да он этот, как его... контрабандист! Федор как-то говорил. – вмешался Степан.

– Да не контрабандист, а КОСМОПОЛИТ, Степа, КОСМОПОЛИТ! – нервно отреагировал Изя.

– Космополит!? – удивленно переспросил поэт – Ну вы загнули! Я бы по-другому сказал.

– И как же, интересно?

– Я бы сказал так: человеку свойственно быть дерьмом, и не имеет значения, как он себя называет.

Изя поморщился:

– Диоген выискался...

Вдруг в купе заглянула проводница. Как оказалось, би-

лет был куплен от Новосибирска, а сел пассажир на станции Барабинск, таким образом от Барабинска до Новосибирска ехал он незаконно.

Я пошел с проводницей устранять недоразумение. После длительных препирательств пришлось идти к начальнику поезда, где я доплатил за билет.

Когда я вернулся, обстановка у нас в купе была уже достаточно раскрепощенная. Поэт читал свои стихи:

Забыв унылые года
С сумою за спиной, которая полна
пустых кошмаров и забот,
ленивый грязный идиот,

в порыве смеха окаянном
И в тихом упоеньи странном,
За счастьем он летел, как пуля,
Не зная, ДЛЯ КАКОГО ХУЯ!!?

Последняя фраза была произнесена с таким громким воодушевлением, что Степа, уже было подремывавший, вскочил, и собрался уже было выбежать из купе, а Изя снова уронил на пол ложечку.

Звали этого поэта Игорь Чекомазов.

Глава 26. Горыныч. ... а справедливости для.

Ничего сверх себя самого

Восьмая надпись Дельфийского храма

Горыныч сидел на кровати, скрестив ноги. Он держал в руках белый пластиковый мячик для настольного тенниса. Резкое движение – и мячик полетел в стену. Цок – мячик отскочил от стены и полетел обратно. Еще одно ловкое движение – и мячик снова в руках.

Так он сидел уже второй час. Кидал, ловил, думал... Цок... Думал, кидал, ловил... Цок...

В одном городе жили люди... Цок...

И вот однажды... Цок...

В этом городе появились другие люди... Цок...

И хорошая жизнь в этом городе закончилась... Грррр...

Мячик, в очередной раз встретившись со стеной, раскололся и вместо того, чтобы отскочить назад, упал вниз и укатился в угол, где встретился со своими предшественниками.

Сегодня утром Горыныч говорил с Егором.

Разговора не получилось.

Егор сказал, что эту проблему одному не решить.

Егор сказал, что ее не решить ни вдвоем, ни втроем, ни вдесятером.

Егор сказал, что у них власть, деньги, оружие.

Егор сказал, что не стоит даже и пытаться.

Горыныч ничего не сказал, он просто сел на кровать и стал, как и вчера, кидать в стену мячик.

Когда очередной мячик треснул и укатился в угол, Горыныч встал, пнул пакет с мячиками, загнав его дальше под кровать, обулся и вышел на улицу.

Прежде всего, думал он, надо достать хоть какое-нибудь оружие. Бомж, с которым он оказался вчера на лавочке, сказал, что все можно найти у цыган. Все... Все, что угодно: оружие, золото, наркотики, девочек, мальчиков, краденые автомобили. Разве что, лошадей сейчас у цыган нельзя найти. Лошади сейчас уже не актуальны.

Все можно найти у цыган. Проблема была только в том, как найти цыган.

Горыныч пошел на рынок, к тому месту, где вчера видел цыганят. Придя туда, он никого из них там не обнаружил. Он походил туда-сюда, постоял в сторонке, посмотрел. Но все было напрасно – цыганят сегодня видно не было.

Горыныч прошелся по рынку между рядами. Никого из цыган не было. Отчаявшись уже что-то сегодня решить, он направился к выходу. И тут вдруг краем глаза он заметил мелькнувшую рядом чернявую мальчишечью головку.

Резким движением он схватил цыганенка за рукав. Тот сразу же заголосил:

– Не я! Не я! Ей-богу, не я!

– Да тихо ты... Где твой папа? – прорычал Горыныч.

Цыганенок сразу успокоился. Горыныч отпустил его руку, и взгляд у цыганенка сразу сделался озорным. Он подошел ближе и важно сказал:

– Дашь денег – скажу.

Горыныч полез в карман, достал оттуда бумажку и протянул цыганенку. Цыганенок спрятал ее за пазуху и удалился со словами:

– Жди здесь.

Горыныч отошел немного в сторонку и стал ждать. Через пять минут появился цыганенок в сопровождении оравы своих товарищей. Горыныч почуял неладное и попытался ретироваться, но цыганята обступили его со всех сторон. Каждый из них стал канючить на свой лад:

– А дай и мне денег!

– Дай!

– Ему дал, а мне не дал.

Уже чья-то маленькая рука полезла в карман. Он с размаху отвесил несколько оплеух, и свора цыганят разбежалась.

Тут же откуда ни возьмись появилась цыганка и стала агрессивно наступать:

– Ты зачем детей бьешь, такой большой?! Сейчас глаза тебе выцарапаю!

Горыныч аккуратно положил руки на плечи цыганке и убедительно на нее посмотрел.

– Молчи, женщина. Мне нужна пушка.

– Пушка? Зачем пушка? Какая пушка? – растерялась цыганка.

– Подойдет любая. Лишь бы стреляла – успокоил ее Горыныч.

– А у тебя деньги есть? – спросила цыганка.

– Деньги – есть – ответил Горыныч

– Хорошо, пойдём – с этими словами цыганка повернулась и пошла. Горыныч поспешил за ней.

Они пошли через дорогу в соседние дворы. Цыганка зашла в подъезд, Горыныч пошел за ней. Затем они поднялись на второй этаж и вошли в одну из квартир, дверь которой была не заперта. В квартире было темно, в нос ударил затхлый влажный запах, и Горыныч чуть заметно поморщился. Цыганка вдруг резко обернулась и всем телом прижалась к нему, приперев к входной двери:

– Красавец-мужчина... А ты не из милиции?

– Шутите – ответил Горыныч.

– Деньги покажи – не унималась цыганка.

– Покажешь пушку – покажу деньги – ответил Горыныч.

– Ладно, проходи – цыганка отстранилась и провела его в комнату.

Горыныч присел на кресло, а цыганка вышла в коридор и стала крутить диск телефона. Вскоре послышалась, как она с кем-то там разговаривает на своем языке. Через несколько минут она появилась:

– Сейчас привезут. Будет тебе пушка. Но надо ждать...

Может быть ты голоден? Хочешь чай? Кофе?

– Нет, спасибо. Я просто подожду.

– Вино, водка?

– Сказали же, нет!

– Может, косячок хочешь? Или таблеточки? Таблеточки есть. Волшебные...

– Мне нужна только пушка. Пушка! И ничего больше!

– Хорошо, сиди жди – устало произнесла цыганка и куда-то удалилась.

Несколько минут Горыныч сидел в одиночестве. Он стал размышлять о том, что ему делать дальше. Хорошо, пушка у него будет. Но что дальше? Даже с пушкой идти одному против головорезов Казбека было опасно. Нужны были союзники.

Вдруг опять в комнате нарисовалась цыганка. Она игриво подошла ближе и заискивающе спросила:

– А может быть, я тебе погадаю?

– Нечего тут гадать. Все и так понятно.

– А я тебе погадаю так, что ты этого никогда не забудешь. – и она стала пританцовывать, раскачивая плечами.

– Вот что... Я лучше на улице подожду – сказал Горыныч, вставая с кресла.

Вдруг цыганка как-то резко дернулась в его сторону, у нее в руках оказался платок. Она неожиданно оказалась совсем рядом и с силой прижала этот платок к носу Горыныча. Тот никак не ожидал этого. Он не успел ничего сделать, и в нос

ему ударила резкая волна сладковатого запаха.

Горыныч со злостью отшвырнул платок в сторону и с силой оттолкнул цыганку. Голова закружилась, и он повалился обратно на кресло.

– Ты что, сдурела... – он хотел наорать на цыганку, но вышел какой-то слабый хрип.

Он почувствовал, как перехватило у него дыхание. Ни конечности, ни язык его уже не слушались. Цыганка начала копать у него в карманах. Глаза у Горыныча сами собой закрылись.

Последним, что он услышал, перед тем, как потерять сознание, были грохот слетающей с петель входной двери и истошный вопль цыганки.

Глава 27. Нагорный. Анархия баранов.

При любой диктатуре всегда есть возможность держать свою фигу в кармане.

Но, плохо, когда из-за этого вся одежда с карманами попадает под запрет.

Тогда приходится держать фигу у себя в мозгах.

Игорь Чекомазов.

Была глухая ночь, впереди слева от меня в небе еле-еле пробивалась предрассветная дымка. Мы вчетвером шли по ночному городу. Но город не спал.

Еще один этап нашего пути подошел к концу. Мы вышли из поезда, и теперь нас ждал ночной пеший переход от железнодорожной станции Красноярск-Пассажирский до Красноярского речного вокзала, откуда на рассвете должен отходить теплоход.

Ночной переход – это, конечно, громко сказано. Это, можно сказать, легкий моцион. Всего каких-то четыре километра... Попутчиков у нас оказалось не мало. Впереди шли отгулявшие свое отпускники с женами, детьми и большими баулами. Сбоку плелись унылые командировочные с чемоданами из кожзама. Были где-то рядом такие же, как мы, искатели лучшей доли, шедшие группами по трое-четверо. За

нами шли гурьбой солдаты зенитно-ракетного полка. Полка, по странной иронии судьбы, названного в честь нашего далекого, родного нашего Безымянска. Это я уже успел разглядеть у них на шевронах.

Вся эта вереница людей с разнообразной кладью растянулась далеко вперед, и нам не было нужды спрашивать дорогу. Тропа была уже давно натоптана.

Вереница людей шла мимо скользящих таксистов на при вокзальной площади. Кое-кто брал «мотор» и ехал. Но, я уверен, это ехали не до Речвокзала. До Речвокзала брать такси было не принято.

Не потому, наверное, что это дорого.

И не потому, что ходили слухи о том, что некоторые из таксистов везли пассажиров не на Речвокзал, а чуть дальше, на остров Молокова, к заброшенным авиаремонтным мастерским, где их уже поджидали грабители.

Да и не потому, что, приехав за десять минут, надо будет потом несколько часов маяться, ожидая, пока подадут трапы.

Что-то было в этом другое. Словно пройти пешком эти несколько километров, ночью, с двумя-тремя чемоданами в руках, было делом чести.

Вот и шли люди мимо известной всему Союзу проходной завода комбайнов с огромными часами в виде ромба, где ни днем, ни ночью не прекращалось движение.

Шли они мимо корпусов радиотехнического завода с за-

крашенными до середины огромными окнами, откуда исходил яркий потусторонний свет.

Не доходя до квартала с бараками, где до революции, говорят жил весь цвет мещанства, и там поворачивали направо... Направо и вниз... Шли прямо на набережную, по тропе, спускавшейся под откос, а там до эстакад Коммунального моста, где виден был уже шпиль здания речного вокзала.

Степа и Изя шли впереди, а я брел позади рядом с Игорем Чекомазовым. Одет теперь он был уже вполне презентабельно – в джинсы и вязаный свитер. На остановке в Новосибирске мы со Степаном успели купить ему кое-какие вещи...

– Знаете, Игорь – сказал тогда я ему – я слушал вчера ваши стихи. Ну, мне понравилось... Это очень смело. Но не кажется ли вам, что это как-то, ну, несвоевременно, что ли... Вас же нигде не опубликуют.

– Нет, почему же... Разок у меня это получилось... В «Новом мире».

– На самом деле?

– Вы что, не слышали?

– Нет.

– Совсем-совсем не слышали?

– Совсем нет.

– Зря. Занятный был тогда скандал... Грандиозный. Вот послушайте, что я тогда написал. Называется «Истуканы».

И он зачитал мне по памяти следующие стихи:

– На барахолках, в овражках,
в борделях и даже в сортирах,
в маленьких каталажках,
и прямо в стрелковых тирах,

В прахе и в тлене прямо,
на Этне и на Фудзи-Яме,
Из звездного света сотканы,
Под небом стоят истуканы.

– Ааа... Постойте-ка... Это же... так похоже... – странная догадка зародилась в моем мозгу.

– Да, все это выглядело какой-то дерьмовой пародией на Бродского. Но самое интересное было дальше... – Игорь Чекомазов усмехнулся.

– И что же? – спросил я с интересом.

– Собственно, ничего особенного, если не считать, что Бродского они опубликовали в следующем номере.

– Так это, значит, не пародия на Бродского?

– Ничуть. Это, можно, сказать, зеркало Бродского, антипод, анти-Бродский.

– Анти-Бродский? Вы что, себя ему противопоставляете?

– О, нет. Зачем же? Просто, если есть «Пилигримы», кто-то когда-то должен был придумать и «Истуканов». Ради глобального равновесия. Таков закон мироздания...

– Но у Бродского, если я не ошибаюсь, есть еще пару

строф... – возразил я.

– Да, не ошибаетесь. Но дальше Бродский копнул слишком глубоко. И я не смог найти ключей. – спокойно продолжил Игорь. – Я бы их и не нашел... Да, и это было бы совершенно преждевременно.

– Да, жалко, конечно – ответил я.

– О, жалко совсем не это! – он сделал нетерпеливый жест. – Знаете, за что меня упекли в дурку?

– За что? – спросил я.

– Они посчитали, что я против Советской власти. – горько усмехнулся он – Но Советская власть тут не причем... Вот, что жалко! Моя позиция не ограничивается Советской властью. Жалко, что никто этого не понимает. Уйдет советская власть и придет антисоветская – все останется на своих местах, только с точностью до наоборот. А я нацелен против всего этого уродливого мироздания, как факта! Иначе ничего не изменить.

– Как-то, это, знаете, слишком радикально. – заметил я. – Даже анархисты до такого не докатились. Хотя власть Советов претила и им.

– Власть Советов здесь совершенно не причем, как и любая другая. – повторил он – Меня больше беспокоят другие вещи.

– Какие, например? – спросил я.

– Ну, например, свободен ли человек. – ответил он – Вот вы – свободный человек? Как считаете?

– Конечно! – выпалил я. Этот факт мне самому казался совершенно бесспорным.

– Ну тогда объясните мне – возразил он – зачем вы, свободный человек, в три часа ночи идете с поезда на теплоход за тысячи километров от дома? Зачем?! Чтобы попасть... куда?! В еще одну большую жопу!!?

Я сразу вспомнил обо всех обстоятельствах, которые привели меня сюда, и вопрос о свободе отпал как-то сам собой, настроение сразу же испортилось, и я только и нашелся, что огрызнуться:

– Сами-то зачем едете в эту... жопу?

– Хочу сдвинуть фокус восприятия... Изменить правила игры. Перестать видеть очевидные вещи, и начать видеть неочевидные. – ответил он. – А, знаете, откуда они узнали, что я против Советской власти?

– Откуда? – переспросил я.

– Они узнали про один мой стих. Послушайте! Он забавный.

И он тихо прочитал мне четыре строчки:

– Я верю – поздно или рано,

Придет анархия баранов!

Она родится в дальних странах,

И не покажется нам странной.

Глава 28. Горыныч. Неожиданные союзники.

Если неожиданное путешествие – это урок танцев, преподанный Богом,

То неожиданные встречи часто напоминают игру в наперстки.

Доктор М.Хелмски

Горыныч открыл глаза и обнаружил себя лежащим на спине в куче разного тряпья. Первое, что он увидел, были железобетонные балки и плиты перекрытий метрах в шести над ним. Внизу под тряпками чувствовался холод бетонного пола. Вверху на плитах играли желто-оранжевые сполохи. Он повернул голову и понял, что находится в огромном неуютном пространстве, напоминающем старый заброшенный цех или склад. Было темно, лишь только горел неподалеку костер.

Горыныч скинул с себя тряпье, тихо встал и осторожно подошел к костру. Оказавшись ближе, он увидел, что вокруг костра собрались люди, все молодые люди мужского пола, человек, наверное, тридцать. Кто-то сидел на сложенных на полу досках, кто-то ходил туда-сюда, кто-то стоял, облокотившись на стоявшую недалеко конструкцию из металлического каркаса. Одеты они были по-разному, кто-то в кожа-

ных куртках, кто в футболках. Всех их объединяло одно – головы у всех у них были гладко выбриты.

Его движение не осталось незамеченным – кто-то у костра звонко крикнул:

– А вот и цыганский любимчик проснулся.

Компания у костра взорвалась дружным хохотом.

– Никакой я не любимчик. – ответил Горыныч – Я пушку хотел купить.

– А деньги-то у тебя есть? – спросил другой голос, приглушенный и уверенный.

Горыныч ощупал карманы и с сожалением произнес:

– Были... Но уже нет.

– Да чего ты там прячешься, иди сюда. – ответил уверенный голос.

Горыныч подошел к костру, навстречу ему вышел худощавый, но рослый парень. Голова его так же, как и у остальных, была гладко выбрита. На нем была белая майка-«алкоголичка» и военные штаны защитного цвета. С пояса штанов до самой земли свисали широкие ярко-синие подтяжки.

– Ганс – представился он, протянув руку

– Горыныч – прозвучало в ответ

– Слушай, Горыныч, ты запомни одну простую вещь: никогда не верь грузинам, армянам и цыганам. Чеченам, туркменам и молдаванам – можешь верить, но не поворачивайся к ним спиной. Знаешь, тебе повезло... Мы их вчера как раз хотели щемить... Кто их предупредил, хрен знает, но они

попрятались. Ни души живой... А потом Хохол увидел, как ты с цыганкой валишь, вот и выпас он вас. А за ним и мы... Цыганка прям в окно сиганула, как нас увидела... Видимо, с твоими деньгами. Бежали за ней, не догнали. А ты – в полном ауте. Что за дурь она тебе дала? Ты полдня никак прочихать не мог. Верно, Хохол?

– Что правда, то правда, – ответил круглолицый Хохол.

– Повезло тебе... Не подоспей мы, увезли бы тебя кислого в какой-нибудь Чуркистан, пахал бы там за еду на гашиш-плантации, на наркоте, и не вспомнил бы, где родился и как зовут. Вот Хохол не даст соврать. Правда, Хохол? Хохол! Ты, чего там, бандеровец, задумался? – Ганс повернулся

– Ганс, а я его видел – сказал Хохол

– Кого ты видел? – удивленно спросил Ганс

– Ну его, кого же еще! – Горыныч заметил, как Хохол показывает на него пальцем.

– Ясен пень ты его видел – Ганс начал терять терпение – мы ж его сегодня от цыган унесли, кислого.

– Нет, ты Ганс меня не понял – продолжал Хохол

– Чего это я тебя не понял. все я понял... – ответил Ганс

– Нет ты не понял – я его раньше видел.

– Раньше – это когда это, раньше? – спросил Ганс

– Раньше – это до цыган. Пару дней назад... В клубе я его видел. – ответил Хохол

– В клубе? В каком клубе?

– Да в клубе. Тогда еще Казбек девочку убил – Хохол на-

чал прищелкивать пальцами, пытаясь объяснить.

Ганс взревел:

– ЧТОООООО?!

– Ты что, не знал? – спокойно спросил Хохол.

– КАКУЮ-ТАКУЮ ДЕВОЧКУ?! – Ганс подошел к Хохлу и начал трясти того за плечи.

– Я не знаю, Ганс, он с ней был – Хохол испуганно озирался по сторонам. Ганс в ярости был страшен.

– КТО – ОН!!?

– Он – Хохол вновь указал на Горыныча.

Горыныч увидел, как Ганс медленно поворачивается к нему. Его лицо было ужасно. Он уже не орал, а лишь сипел полушепотом:

– Ты... был там?

– Был...

– Ты... что ты... да как ты... как ты посмел допустить это?! – глаза Ганса налились кровью.

– Я отошел... Мне нужно было... А потом было поздно – Горыныч развел руками.

– Как звали девочку?

– Я не помню.

– КАК ЗВАЛИ ДЕВОЧКУ!!?

– Наверное... Лена.

– СУКА!!! ТВА-А-АРЬ!!!

Ганс яростно топтал ногами бетонный пол, а потом подобрал с пола арматуру, и подойдя к груде какого-то метал-

ла, начал бить, крушить, ломать все, что там было. Воздух наполнился лязгом и скрежетом, сквозь который едва-едва было слышно, как Ганс орал:

–УБЬЮ!!! УБЬЮ ГАДА!

Парни, сидевшие у костра, с ужасом смотрели на него. Через некоторое время Ганс отошел от груды, швырнул на пол арматуру и повернулся к костру. Он вытер ладонью пот, заливавший ему глаза, оставив на лице темно-бурую ржавую полосу.

– Мы долго терпели... – хриплым голосом сказал он – ДООЛГО! Но всякому терпению приходит конец! И сегодня... Сегодня мы отомстим за девочку! Я лично готов отправить его в ад! Каких бы жертв это не стоило!

Он снова подобрал прут, которым несколько минут назад крушил груды металла.

– Я зову вас с собой. – уже спокойно сказал он своим товарищам – Но я оставляю вам право выбора... Кто не хочет, может не идти... Не трону. И все пойму... Но я клянусь – тому, кто не пойдет со мной сегодня на эту битву, я в жизни больше не подам руки!

Наступила звонкая тишина. Все молчали. Первым встал Хохол, звонко хлопнув себя по ляжкам.

– Не люблю железяки – пробурчал он и подошел к окну. Оттуда пробивались ветви деревьев, и он выломал там себе длинную корягу.

Потом второй, третий, четвертый – поднимались парни,

выбирали себе кто прут, кто лом, кто цепь, и становились рядом с Гансом. Через несколько минут у костра не осталось никого.

– Ну а ты что же, любимчик? – спросил Ганс у Горыныча.

– Идем – ответил Горыныч и пошел к Гансу, засунув левую руку в свой порванный карман.

– Найди себе, чем сражаться будешь – прохрипел Ганс.

– По дороге возьму – небрежно кинул Горыныч.

Глава 29. Нагорный. Сантиметр свободы.

Мир катится в тартарары,
Или это я просто постарел?
Сторонний обыватель.

Когда живешь в условиях крайнего Севера, начинаешь по-другому смотреть на мир. Но к некоторым вещам привыкнуть достаточно тяжело, если ты, конечно, не урожденный житель Норильска.

Тяжело, например, привыкнуть к тому, что май – это зима, что девять месяцев в году ты видишь снег, один снег, и ничего, кроме снега – его там даже не убирают, это совершенно бессмысленно, и он в таком заезжено-утоптанном состоянии кое-где переживает три месяца, которые считаются летними, и в которые втискиваются весна, осень и даже немного настоящего жаркого лета, и уже в сентябре, когда выпадает новый, ты уже знаешь – вот он, прошлогодний снег, серый, неприятный, смерзшийся в странные конгломераты различных уродливых форм.

Три так называемых «летних» месяца – постоянное чередование весны, осени, оттепелей и заморозков, если не считать недолгого теплого периода, когда можно ходить по городу в шортах и шлепанцах, деловито обходя оставшиеся су-

гробы, или даже купаться на озере – войдя в воду по колено, неуклюже плюхнуться на живот и скользить по-лягушачьи по разогретой поверхности воды, стараясь не угодить ногой в колючее ледяное крошево на дне...

А август... В этом году август на редкость теплый – как золотая осень в средней полосе. Хотя никакая она тут не золотая – деревьев здесь нет – когда начинаются метели, ветер вырывает с корнем даже ко всему привыкшие даурские лиственницы. А август в этом году действительно хорош...

Я сидел на кухне, пил чай и смотрел в окно, на тонущие в сизой дымке у горизонта дамбы хвостохранилища. Так обычно и проходит мой отпуск – без беготни с чемоданами по аэропортам и дальнейших поисков недорогого сарая у моря – там и без меня справятся... Зато в благородном безделье... Сейчас допью чай и прогуляюсь... Добреду может до Дворца Спорта или до театра...

Мои размышления прервала хлопнувшая дверь. Я сделал еще глоток крепкого, хорошо настоявшегося чая и выглянул в коридор. Оттуда, словно тень, выскочил Игорь и, не снимая обуви, прошел в свою комнату, где начал сметать все со стола и полку, остервенело доставать что-то из-под кровати.

– Что потерял? – сонно спросил я, пребывая еще в состоянии благодной лени.

– Ты, что, телевизор не смотришь? – огрызнулся он после непродолжительной паузы.

Я подошел к телевизору и нажал кнопку включения. Ки-

нескоп пискнул и через некоторое время я увидел движущиеся фигуры.

– А что там? Балет... Ничего особенного.

– Балет! – передразнил меня Игорь, а затем тихо, будто сам себе, добавил – забыл, что ли, в какой стране живешь?

Он достал откуда-то портативный приемник на батарейках, включил его и стал крутить ручку настройки, продираясь сквозь помехи, народную музыку и позывные на азбуке Морзе.

Мы услышали хорошо поставленный голос с почти незаметным акцентом. Игорь слушал его с нескрываемым интересом. А еще он был крайне взвинчен.

За то время, пока мы здесь жили, я научился понимать его практически с полуслова. Когда-то мы здесь жили вчетвером... Но... Наверное, не всех принимает Север или не все принимают его. В-общем, некоторые люди здесь просто не задерживаются.

Изя... Вышедший не то из «фарцы», не то из цеховиков, неисправимый спекулянт в понятийном и классовом смысле, он неудачно перестроился на рыночные рельсы и как-то неправильно себя повел – то ли задолжал кому-то крупную сумму денег, то ли кого-то не того «сдал»... И вынужден был бежать, и бежал в Норильск, где «перебивался» на разных непыльных должностях, пытался крутить махинации с икрой, пушниной и рыбой, опять же неудачно, и через год он уехал, и мы не могли понять, не то он вернулся обратно на-

лаживать «перемирие», не то бежал еще дальше...

Единственный из нас, кто приехал сюда именно работать, был Степан. Он ни от кого не бежал – он искал... Большая нужда, в которой оказалась его семья вынудила его покинуть родной дом и пуститься на поиски заработков, пока непостоянная удача не свела его где-то на задворках Безымянского рынка с дядей Федей... Работал он исправно, ни с кем не конфликтовал, и два раза в месяц, так же исправно, оставляя себе немного на жизнь, отправлял переводы жене... Хватило его, правда ненадолго – скудное питание его не было предназначено для столь северных широт – года через полтора после нашего приезда он зачастил по врачам, которые, не долго думая, вынесли ему свой вердикт – мол, ежели он не хочет вернуться к своей семье несчастным инвалидом с постоянной одышкой и трясущимися конечностями, ему следовало бы найти заработки полегче и попроще, или, хотя бы, сменить обстановку. Совету этому он внял, и уже с прошлого лета – год с небольшим мы делим эту квартиру с Игорем вдвоем.

Квартира просторная – трехкомнатная. Каждый жил в своей отдельной комнате, и была еще одна – для приема гостей, которых, впрочем, у нас никогда и не было, или для совместного времяпровождения, которое у нас, как правило, сводилось к просмотру телевизора – ежели там случалось увидеть что-нибудь интересное, или обсуждению – за чаем с бутербродами – какой-нибудь важной бытийной проблемы,

которая в данный момент волновала Игоря.

На комбинате Игорь никогда не работал. Поначалу, узнав, что Игорь пишет стихи, там обрадовались. Там, действительно, ждали какого-то поэта, который должен был в стихах воспеть всю романтику никелерудного производства, но при более глубоком изучении творчества Игоря стало понятно, что он является поэтом совсем другого типа, и ему пришлось устраиваться на работу на общих основаниях.

На производство его, конечно, не взяли – медики забраковали. Здоровье его было изрядно подпорчено, как он мне однажды признался, галоперидолом. Потом были долгие попытки трудоустройства – как он и хотел, впечатлений новых на этой почве у него была уйма. Почтальон, кочегар, слесарь-ремонтник – все эти профессии ему, как человеку творческому, не подходили, так как требовали элементарной собранности, которой ему часто не доставало. В одно время он даже пытался кое-чем приторговывать, но ничего не вышло – чтобы достать здесь что-нибудь необычное, требовались поистине неограниченные возможности – иностранцев в городе отродясь не было, а доехать на попутке здесь можно было разве что до Дудинки, где в целом все было то же самое да плюс ко всему еще суровые, далекие от благ цивилизации мурманские и архангельские моряки.

В конце концов устроился он художником-оформителем в кинотеатре, где рисовал весьма оригинальные афиши, за что чрезвычайно ценился руководством. А в свободное от рабо-

ты время он торговал книгами. Он ходил по домам, представляясь коллекционером, и покупал, продавал и выменивал книги. Бывало, попадал к семьям, съезжающим на «материк», тогда ему отдавали их десятками и сотнями, просто на вес, по цене чуть большей, чем заготовочная стоимость макулатуры. Так что в квартире нашей было много книг... Один раз я даже насчитал их около полутора тысяч. Было что почитать на досуге... Но детективы, приключения, фантастика – это все расходилось довольно быстро – не всегда была возможность прочесть. Но вот «Феноменология духа» на восьмистах страницах довольно долго соблазняла меня своим упитанным корешком, пока ее, наконец, не купил какой-то профессор с завод-ВТУЗа.

Когда я услышал то, что говорил по радио голос с едва уловимым акцентом, я все понял. Понял, хотя и не поверил... Не хотел поверить. Прозвучало это дикое, совершенно чуждое слово «путч», которое ассоциировалось скорее с какой-нибудь однодневной марионеточной латиноамериканской республикой или африканской страной с труднопроизносимым названием, где еще лет пятьдесят назад процветал каннибализм...

Игорь посмотрел на меня... У него на скулах играли желваки. Казалось, он вот-вот швырнет этот приемник в стену.

– Я должен там быть – едва сдерживая эмоции, сказал он.

– Где там? – спросил я.

– Там, в Москве – ответил Игорь

– В какой Москве?! Там же танки! Тебе попросту... могут не пустить.

Я потерял всякие ориентиры и больше всего на свете мне хотелось его отговорить.

– Плевать! – холодно ответил Игорь. Он выключил приемник, достал откуда-то большую спортивную сумку и стал складывать туда вещи.

– Слушай, все будет хорошо. Мы взорвем взлетку, запре-дим Енисей – они сюда не попадут. Я клянусь... – я продолжал нести какую-то ахинею и чушь, пока не понял, что он на самом деле прав, а все остальное – это просто малодушие.

Игорь уже собрал сумку. Он встал, собираясь двинуться к выходу. И тут меня осенило.

– погоди – сказал я – помнишь, тогда, в Красноярске? Ты сам говорил – власть не имеет никакого значения, любая власть. Дело не в ней! Разве не так?!

– Все так... – Игорь остановился и посмотрел на меня. Он придвинул к своему глазу большой и указательный палец и посмотрел на меня сквозь пространство между ними, не фокусируя взгляд, так, словно между пальцами у него находился бриллиант. – Но когда мне дают сантиметр свободы, а потом забирают – я готов драться за этот сантиметр насмерть!

Он сложил пальцы в кулак и, слегка потрянув им, многозначительно посмотрел на меня. Что-то в нем было сейчас от кубинских революционеров.

– Мне нужны деньги на билет. Я сейчас на мели – нежи-

данно произнес он – Все это остается тебе.

С этими словами он указал на дюжину аккуратно сложенных стопок книг, стоящих в углу комнаты.

Я пошел в свою комнату и достал из-под матраца несколько сотенных «павловских» купюр.

Жалко, что Игорь улетает... Жалко, что в нашей жизни все не так, как хочется... Жалко, что я такой трус.

А потом – непродолжительное прощание, тихие шаги и негромкий щелчок закрывающегося замка. И тут я почувствовал, что меня поглощает пустота...

Глава 30. Горыныч. "Finita la commedia".

Жизнь тасует нас, как карты...

М.Горький.

Горыныч шел на рассвете по пустому городу. В руке он сжимал разводной гаечный ключ. Ключ этот он нашел, когда проходил мимо стройки. Шел он со своими невольными союзниками, союзниками поневоле... Кто-то из них держал в руке лом, кто-то размахивал цепью, кто-то нес палку. Впереди всех шел Ганс с гладким арматурным стержнем на плечах, через который, как через коромысло, он перекинул обе руки.

Решимость Ганса и всех его товарищей поражала Горыныча. Да, он сам до сегодняшнего утра думал лишь о том, где раздобыть пистолет. Но дальше всего этого мыслей у него не было, и планов не было. Если бы он этот пистолет вдруг раздобыл, вряд ли бы он так же решительно начал действовать...

Ганс шел впереди. Руки его, лежащие на арматурном стержне покачивались в такт шагам. Лицо не выражало никаких эмоций. Он знал, куда шел, и знал, зачем. Все остальные шли за ним.

Первые лучи солнца освещали сонный город. Вся эта странная кавалькада шла по пустынной улице, никого не

встретив на своем пути. Дойдя до переулка, Ганс свернул с широкого тротуара на гравийку и все пошли за ним дальше, углубляясь в частный сектор.

Было тихо – не было слышно даже собак. Район этот был недостаточно обжитой – старые покосившиеся деревянные домики с подслеповатыми глазницами окон соседствовали здесь с недавно выросшими коробками, расположившимися тут и там среди куч песка, щебня и груд кирпича различных оттенков.

Тем не менее, застройка быстро кончилась, и началось кукурузное поле. Дорога, петляя, шла по нему к лесу, и там, почти у самого прилеска, стоял высокий кирпичный дом с красной крышей.

Ганс остановился, посмотрел на дом и сплюнул на дорогу. – Вот логово зверья... – сказал он. Постояв с полминуты, глядя на этот бастион, он скинул с плеч свою железяку, ухватился за нее обеими руками и пошел по дороге решительным шагом, кинув через плечо остальным:

– Идем. Вальгалла ждет нас.

Дорога забрала влево, сильно петляя, дом скрылся за выступавшим вперед участком леса. Да и кукуруза стала заметно выше – в рост человека. На одном из поворотов Ганс едва не влетел в припаркованный в зарослях автомобиль – старую «копейку» с тонированными стеклами.

Ганс чертыхнулся и пошел дальше. С передней пассажирской двери «копейки» вылетел коротко стриженный сухопа-

рый человек в джинсах и сером пиджаке на футболку. Он полетел наперерез, махая руками, и быстро залопотал:

– Братишечки-братишечки! Куда это вы в такую рань?!

Ганс остановился и резко мотнул головой, выставив вперед челюсть:

– По делам! А че?

Человек в сером пиджаке виновато развел руками:

– Ну, по делам так по делам, только вот дядя Миша, боюсь, будет против.

– Какой-такой дядя Миша? – сквозь зубы процедил Ганс.

Стекло заднего окна «копейки» медленно опустилось, оттуда высунулся ствол «калаша», сухо щелкнул снимаемый предохранитель.

Ганс позеленел от злости, с силой воткнул арматуру в землю и стал посреди дороги, отвернувшись.

– С дядей Мишей не поспоришь – произнес он.

Шедшие рядом с Гансом, увидев эту сцену, остановились, как вкопанные. Те, кто двигался следом, просто налетели на них. Раздалась ругань.

Стекло «копейки» вновь поднялось.

Человек в сером пиджаке поднял обе руки ладонями вперед:

– Не огорчайтесь, уважаемый. Буквально... – он глянул на часы, – минуточек пятнадцать.

Бритоголовые разбрелись вдоль дороги и стали курить. Горыныч остался стоять на месте. Человек в сером пиджаке

подошел к нему.

– Что, братан, не куришь?

– Накурился уже. Аж блевать хочется. – Горыныч сплюнул под ноги.

Человек в сером пиджаке похлопал его по плечу и вдруг встрепенулся:

– О, Семенович едет...

Горыныч обернулся.

Бритоголовые раздались в стороны, пропуская упруго подпрыгивающий на ухабах, медленно едущий квадратный черный «Гелик». За ним, мигая фарами и сигнала, ехала Ауди.

Заднее стекло у «копейки» вновь опустилось.

– Что за... – произнес человек в сером пиджаке и резко поднял левую руку, пристально глядя на приближающиеся автомобили.

Ауди кое-как вырвался вперед, едва не въехав в кукурузу, и резко затормозил. Из Ауди выскочил человек в синем драповом костюме. Он кинулся наперерез внедорожнику. «Гелик» затормозил всеми четырьмя колесами, подняв столбы пыли.

Из него вышел абсолютно лысый спортивного телосложения человек в кожаной куртке и солнцезащитных очках. Он снял очки и мрачно посмотрел на подбежавшего.

Тот заголосил:

–Семенович! Семенович! Прошу! Успокойся! Ты даже не

представляешь, к чему это все приведет!

– Да отвали ты, Христенко... Мне, если честно, насрать...

Христенко бухнулся на колени:

– Я прошу...

– Да ну тебя, – отрезал Семенович и достал из кармана кожаной куртки рацию.

Он включил передачу и произнес хриплым голосом:

– Эй, там в эфире! Как шашлыки?

– Ждем вас, Борис Семенович... – заквакала рация.

– Без меня не начинать!!! – рявкнул Борис Семенович и спрятал рацию обратно.

Он подошел к «копейке», уселся на переднее пассажирское место, «копейка» тронулась и поехала дальше по грунтовке.

Человек в сером пиджаке посмотрел вслед, пожал плечами и полусшепотом произнес:

– Да, Семенович он и в Африке Семенович... И нечего тут мутить.

Горыныч озадаченно посмотрел вокруг.

Христенко стоял на коленях в пыли и тихонько рыдал.

Бритоголовые уже покурили и стали вновь собираться в кучу.

Ганс подошел к человеку в сером:

– Друг, пусти нас, а?

Тот обернулся:

– Эй! Вы тут стойте! Только эта – мы вас не видели, вы

нас тоже... Дядю Мишу не будем огорчать.

Через минут пятнадцать на горизонте появилась синяя «девятка». Человек в сером смотрел на приближающийся автомобиль, и заметно нервничал. Ганс смотрел на человека в сером. Бритоголовые смотрели на Ганса. Горыныч смотрел на всех по очереди. В голове медленно складывалась какая-то мозаика, но понять он пока ничего не мог...

Вскоре «девятка» остановилась, оттуда вышел Борис Семенович, все такой же немногословный и суровый, однако теперь с печатью какой-то возвышенной отчужденности на лице. Он направился к своему Гелендвагену и кивнул человеку в сером:

– Садись, Чукча, поехали...

Потом он снисходительно посмотрел на рыдающего Христенко и бросил через плечо:

– Вставай, Христенко, какашкам здесь не место...

Чукча заметно повеселел. Он помахал рукой всем, кого увидел, и, на секунду остановившись у дверей девятки, произнес:

– Не смею задерживать, сеньоры! Да не оставит вас удача...

Первым поехал Гелендваген, за ним синяя «девятка». Потом Христенко, стеная и охая, встал с колен, как-то нехотя отряхнулся, сел за руль своей Ауди и тоже поехал, держась от двух первых автомобилей на приличном расстоянии.

Ганс мрачно посмотрел вслед удаляющейся процессии,

затем сухо крикнул:

– Идем!

Процессия двинулась дальше по дороге, которая теперь уже выворачивала направо.

Вдруг послышался удивленный возглас Хохла:

– О, смотрите, дым...

Впереди, действительно, появился столб черного дыма.

Ганс обернулся и раздраженно повторил:

– Да плевать! Пошли, говорю!

Все молча двинулись за Гансом. Ганс шел впереди. Он был мрачен. Стержень арматуры вновь покоился на его плечах. За ним медленно шли все его товарищи.

Вдруг где-то сбоку раздался рев. Рядом, сминая кукурузу, проехала пожарная машина, а за ней вторая и третья.

Ганс уверенно шел вперед, не обращая внимания ни на что. Потом он повернул налево и застыл как вкопанный.

Мрачное выражение лица его сменилось удивленным. Брови поднялись вверх, а нижняя челюсть, наоборот, поехала вниз.

– Твою ж мать... – медленно произнес он.

Сначала к нему подошел Горыныч, затем Хохол, а затем и все остальные.

Ганс молча смотрел вдаль. Впереди, буквально в ста метрах, стоял шикарный трехэтажный коттедж, тот самый, который они видели, когда шли по полю. Вокруг него стояла стена черного дыма. Суетились пожарные. Рядом стояла об-

горевшая закопченная «копейка».

Один из пожарных выбежал из коттеджа и, приблизившись к автомобилю, стал кричать в рацию:

– Ау, диспетчерская! Третья бригада на вызове! Тут у нас явный криминал. Трупы странные. Звони ноль два.

Глава 31. Нагорный. От себя не убежать.

Вы не замечали – когда возвращаетесь домой после долгого путешествия, как-то голова кружится? Нет?

Это мир становится на место.

Доктор М.Хелмски.

Поворот ключа – и вот я дома. Как ни в чем не бывало... Сейчас-сейчас...

Я поставил свои чемоданы в коридоре и, не раздеваясь и не разуваясь, прошел и плюхнулся в свое любимое кресло, вытянул ноги, откинулся назад и посмотрел в потолок. О, наконец-то... Будто бы и не было этих трех лет.

Несколько секунд я нежился, словно кот на майском солнышке. Уже планы строить начал... А потом... Потом вдруг вскочил, словно меня неожиданно огрели по голове пустым ведром.

Пустота! Она никуда не исчезла.

Я всегда слыл человеком нелюдимым, и там, на Севере, тоже. Даже по меркам такого отъявленного мизантропа, как Игорь Чекомазов. Я все время витал в каких-то своих облаках, делал какие-то молчаливые суждения, скептически и иронично посматривал на всю эту суету – на них... Сначала на троих, потом на двоих, потом только на одного толь-

ко Игоря. Но это было до поры, до времени. До того самого времени, пока за Игорем не захлопнулась дверь, в тот августовский день, чуть меньше года назад.

Тогда-то я и почувствовал эту пустоту. Почувствовал, что один на белом свете, что никому не нужен ни со своей иронией, ни со своими суждениями. Всю жизнь я хотел, чтобы меня оставили в покое, и вот мое желание осуществилось – и от этого захотелось выть...

Поначалу мне казалось, что это все нервы... «Путч» разрешился довольно быстро, и через несколько дней демократы победоносно въехали на Красную площадь на танках, а «путчисты» – кто умер от инфаркта, кого-то арестовали и осудили, а кто-то пустил себе пулю в лоб – перестали иметь какое-либо значение. Все кругом радовались, как дети – только ходили и хвастались, кто чем занимался в эти тревожные дни. Но только не я... Я был чужим на этом празднике жизни...

Черная, гнетущая, холодная пустота разъедала меня изнутри.

Я пытался с этим бороться... По-своему... И начал метаться...

Читал книги (запоем, все подряд, все, что осталось от Игоря), делал в сорокаградусный мороз на балконе зарядку, ходил по соседям, посещал бассейн, участвовал в самодеятельности, заводил романы...

Но ничего не брало. Книги проскакивали, не оставляя в

памяти никакого следа. После зарядки я не чувствовал ничего, кроме тоски и мути. Соседи меня чурались. В бассейне я два раза чуть не утонул. Клуб по интересам, который я начал посещать, закрылся через неделю. А женщины...

Женщины бежали от меня, как от чумы!

Тогда я смирился. Я перестал метаться. Начал, как рекомендовали древние, познавать себя...

Но тут у меня началась ипохондрия. Я стал придавать большое значение своим субъективным ощущениям. Какая-то странная тяжесть в спине, и в боку покалывает, металлический привкус во рту по утрам, а руки? Руки-то, вот они уже немного трясутся... И вот... Знаете, какая вредная у меня работа? Сатурнизм, меркуриализм и литейная лихорадка... Я это все знаю, и не понаслышке... Между прочим, большая часть таблицы Менделеева у меня в почках, в костях и в мозге... В костном мозге...

Я стал ходить по врачам... Ничего не нашли. Прописали гидромассажные ванны. Начал туда ходить. Два раза чуть не утонул...

Потом у меня начались фобии. По ночам мне казалось, что по квартире кто-то ходит, и я всю ночь не гасил свет. А утром просыпался и вскакивал – мне казалось, что за моей спиной кто-то стоит. Потом я быстро завтракал и мчался на работу – меня страшила пустая квартира, мне казалось, что я вот-вот умру, и никто об этом не узнает – и я навсегда останусь запертым в этой квартире.

Я приходил на работу и меня начинали пугать люди, машины, слишком большие и слишком маленькие помещения, шум, тишина, кошки, собаки и много других вещей.

В марте я уже точно знал, что надо делать. Надо уезжать! Бежать... Драпать отсюда, туда, где зеленая травка, солнышко, где дом, где родные стены... Иначе крышка, капут! Разум мой отключится, и я стану ходячим мертвецом. И тогда меня ничто уже не спасет.

Я заранее взял билет на теплоход. Сложил чемоданы. Уволился... Получил расчет. Собрал все документы: трудовую книжку, справки о доходах, а также о том, что снялся с воинского учета и не работал с государственными секретами.

А потом в одно прекрасное утро я заказал такси до Дудинки, закрыл квартиру, сдал ключи и покинул этот город навсегда... По правде говоря, я не верил, что этот день когда-нибудь настанет.

В дороге мне стало полегче. Теплоход, поезд. Все что угодно... Лишь бы двигаться... Лишь бы не на месте...

Я успокоился, с каждым часом и с каждой минутой градус северной широты уменьшался, и ко мне возвращалась уверенность в себе и воля к жизни.

В дороге я принялся размышлять, вспоминать и анализировать все произошедшее со мной за последние годы, читал книги, которые сумел распихать по чемоданам. И это было уже совсем другое чтение.

Я наслаждался. Я парил.

Тревожила, правда, неизвестность. Я не знал, что меня ждет, не знал, что с моей квартирой, не знал даже, где я найду ключи от этой квартиры, которые я когда-то отдал прапорщику Карнаухову.

За все это время, что я провел в Норильске, я не удосужился ни разу никому ни позвонить, ни написать: ни прапорщику, ни жене, ни сыну. Самовлюбленный кретин! Я совершенно ничего не знал.

Но, тем не менее, как говаривали в древнем Китае, камыш уже был раздвинут, и мне оставалось только принять как должное все, что бы меня ни ждало по возвращении домой.

А ждал меня по возвращении – ни много, ни мало – наряд милиции на вокзале. Фамилия моя засветилась, когда я покупал билет на поезд. Поначалу я уже был готов выслушать обвинения в убийстве двух и более лиц, совершенном в состоянии аффекта или иного острого нарушения психики. Но – прапорщик сработал исключительно чисто – и в милиции ограничились лишь тем, что выписали мне с десятков штрафов за нарушение тех или иных статей жилищного и трудового законодательства. Затем мне пришлось прямо с чемоданами в руках бежать в жилищно-эксплуатационную службу подписывать какие-то бумаги касательно квартиры, и, о чудо! – после этого мне в милиции под роспись, в строгом соответствии с действующим законодательством, выдали ключи.

Прапорщик, на самом деле, сработал исключительно чисто – но отблагодарить его я не мог. Все внушающие доверие источники, в том числе и в милиции, в один голос утверждали, что уехал он в очень длительную и очень дальнюю командировку, и искать его следует никак не раньше, чем месяцев через десять, а если еще вернее, то, скорее всего, через год.

Параллельно с этим, в ЖЭСе выяснилась еще одна не очень приятная деталь – члены моей семьи, а именно: супруга, в количестве одна штука, и сын, один-единственный, выписались около года назад и уехали в неизвестном направлении.

И вот теперь, стоя посреди комнаты в зимних, еще видавших норильский снег, ботинках, и в плаще, в котором я спешно уезжал отсюда три года назад, я ощутил неприятный укол той серой, разъедающей душу пустоты.

Оказывается, я и здесь чужой? Точно так же, как и там... Да что таить, точно так же, как и везде. Зачем же себя обманывать?

Зачем я тогда сюда приехал?! Для чего?!

На журнальном столике черным пластиком спасительно блеснул телефон. Звонить! Срочно! Но кому? Да какая разница!

Я выхватил из стоявшей в коридоре тумбы записную книжку. Не может быть... Ведь кто-то же... Кому-то же я нужен... Здесь.

Я снял тяжелую телефонную трубку и поднес ее к уху.

Трубка ответила ледяным молчанием. Ах да... Телефон еще не подключили. Надо идти на телефонную станцию...

Но что теперь?

Я швырнул в сторону записную книжку, выбежал в подъезд и начал звонить, стучать, дергать за ручки дверей. Куда?! К кому?! Какая разница!! Кому-то же я здесь нужен...

Глава 32. Горыныч. Вот теперь уже действительно "Finita la commedia".

Когда жизнь бьет тебя под дых,
И ты лежишь в слезах и соплях,
И в чем-то еще, не в силах встать
И решить, что же тебе делать дальше.
Не отчаивайся. Просто скажи «спасибо».
Скажи «спасибо», потому что все это – подарок.
Подарок, ценность которого ты просто еще не осознал.
Игорь Чекомазов.

Горыныч вернулся в свою комнату почти вечером, грязный, уставший, в отвратительном настроении. Прошло уже около полутора суток с того момента, как он оттуда вышел последний раз. За столом сидел Егор. Он обернулся и при-свистнул:

– Ну и видок у тебя.

Горыныч подошел к своей кровати, ни слова не говоря, полез под нее и достал пакет с мячиками для настольного тенниса. Потом он сел. Глаза не хотели фокусироваться, тело не слушалось, руки тряслись.

Егор пристально посмотрел на него:

– Что с тобой, дружище? Ты выглядишь странно. Ты выглядишь, как будто... Аааа... – Егора будто осенило.

Его глаза округлились, и он перешел на шепот:

– Ты что, все-таки его убил?!

При этом он сделал сложный жест пальцами возле горла, общий смысл которого можно было выразить словом «кирдык».

Горыныч бросил на пол пакет с шариками и улегся на кровать, вытянув ноги и заложив руки за голову.

– Его убили раньше... до нас.

– Кто? Что значит нас? С кем ты был? Что, вообще, произошло?!

– Да, хрен там разберет! Какая-то непростая ситуация... Реакция дяди Бори, или что-то в этом роде...

Егор замолчал и тихо отошел к столу. Потом он снова обернулся и тихо сказал:

– Ты извини, друг, если что. Я понял, у тебя сегодня был тяжелый день.

– Не говори... У тебя есть курить? У меня цыгане последние деньги спиздили.

– Да, конечно, друг. Бери, кури.

Егор извлек из кармана пачку сигарет и протянул Горынычу. Тот скромно, как бы по-джентльменски, аккуратно достал одну сигарету и вернул пачку Егору. Потом зажал сигарету между пальцами левой руки и жестом попросил огня.

Он вышел с дымящейся сигаретой на коридор и поднялся по лестнице на технический этаж. Там из маленького, примерно сантиметров тридцать на сорок, окошка лился вечер-

ний свет. Горыныч открыл фрамугу.

Он затаился и выпустил клуб дыма на улицу. Закружи-
лась голова.

«Черт! Крепкие Егор курит...» – подумал он.

Голова шла кругом не только от сигарет. После того,
как бойцы пожарного расчета вытащили на брезенте из до-
ма обгоревшие изуродованные тела, сразу стало заметно,
что храбрости у Ганса и его товарищей поубавилось. После
небольшого обмена мнениями, как ни странно, в достаточно
сдержанных выражениях, было решено ретироваться.

Ретировались они сначала мелкими перебежками по
грунтовке, а затем, когда где-то рядом грянули сирены, врас-
сыпную кинулись, кто куда, через кукурузное поле. И Горы-
ныч тоже кинулся – не было никакого желания рассказывать
то, чему он был свидетелем последние пару часов, кому бы
то ни было – тем более в милиции.

Рванув в зеленую кукурузу, он споткнулся и уткнулся ли-
цом вниз в зарослях около дороги, и не было сил подняться,
смог только отползти на пару метров от дороги, да повер-
нуться на бок, чтобы увидеть пронесшуюся мимо милицей-
скую машину, где он заметил знакомый ему профиль майо-
ра Стромина, выехавшего на еще один стопроцентный «глу-
харь».

Когда он, обессиленный и морально уничтоженный, нако-
нец добрался до своей комнаты, никакого облегчения он не
почувствовал. Внутри его раздирали смутные противоречи-

вые чувства. Теперь он, на самом деле, хотел все забыть. И жить, как раньше... Просто жить...

Потом, когда Горыныч докурил и аккуратно загасил окурок, дрожь в руках уже почти утихла. Но осталась одна маленькая неприятная вещь. Ему показалось, что он уже никогда не будет прежним. Как и тогда, несколько лет назад, когда он рыдал у себя дома, думая, что убил человека, а потом пришел Папа и двумя оплеухами вернул его на землю. Или, когда ехал в поезде и думал, что предал друга...

Как ни крути, но человек – это такая животина, которая ко всему привыкает...

Горыныч посмотрел через фрамугу на улицу. Где-то там внизу парни играли в футбол. Он пощупал рукой свой порванный карман. Ведь можно же просто жить...

Снизу послышались шаги – по лестнице кто-то поднимался. Горыныч посмотрел вниз через лестничный пролет и увидел Митрохина, соседа по этажу. Он держал в руках стопку писем – сегодня он дежурил и разносил почту.

– О, Горыныч?! Танцуй! Тебе письмо. – нарочито радостно пробасил Митрохин.

«Папа что ли денег прислал?» – подумал Горыныч. Это было бы вовремя.

Митрохин протянул конверт.

– Письмо? А извещения что, нет? – удивленно спросил Горыныч

– Нет. Только это.

– Давай сюда!

Горыныч резко выхватил конверт, подождал, пока Митрохин уйдет, а потом снова поднялся на технический этаж и стал рассматривать письмо.

Конверт был с красными и зелеными печатями, лишь только одна печать черная, на которой было написано ОПС-43.

И все надписи по-иностранному. Горыныч попытался прочесть обратный адрес;

Flughafen Wien-Schwechat, Wien, Osterreich.

Что за черт?

А фамилия-то знакомая, его фамилия. Да и Папина, кстати, тоже. Горыныч надорвал конверт, достал письмо и стал читать. Письмо было не длинным – уместилось на половине тетрадного листа.

Здравствуй, сын!

В силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств вынужден на длительный срок покинуть страну.

Квартиру оставляю тебе.

Ключи заберешь у Петраковых с третьего этажа.

К сожалению, денег тебе высылать больше не смогу.

Твой папа.

P.S. Найди хорошую работу.

Часть 3. Еще один путь в никуда.

Глава 33. Нагорный. Мой хлеб с маслом.

Деньги-товар-деньги

Товар-деньги-товар

К.Маркс

Я доехал на маршрутке до северной промзоны. Общественный транспорт здесь ходит, но идти пешком все же еще предстояло много.

Я какое-то время шел вдоль шоссе, а затем свернув, пошел вдоль березовой рощицы. Впереди видна была большая стоянка. Здесь стояли большегрузы, отдыхали дальнобойщики, отстаивали положенное им время или ждали погрузку.

Мне нужен был белый Вольво. На стоянке было порядка пятидесяти единиц грузовой техники. Почти половина из них – белые, вторая половина – разноцветные, МАЗы и Камазы. А вот иномарки так называемые – они почти все белые. У них там на Западе – белая краска самой простой считается. Хочешь что-нибудь повеселее, плати больше, а они-то и так недешевые, эти иномарки. А по нашим дорогам ез-

дить – сами знаете... Вот и стоят они – белые, грязные, рябые от следов гравия и налипшей мошкары, в рядок... В основном Мерседесы и Маны, реже Скании и Вольво, ну или совсем редко, как экзотика из научно-фантастической повести – ДАФы и Ивеко.

Я посмотрел по сторонам, но белой Вольво не увидел. Решив не терять времени, я прибегнул к проверенному способу: достал из кармана листок бумаги, на котором был записан требуемый мне номер и пошел по рядам, проверяя каждую машину, вне зависимости от ее цвета и марки.

Требуемая мне машина на стоянке отсутствовала.

Я обошел стоянку еще раз, результат оказался тем же самым, и это меня озадачило.

Вдалеке я увидел группу из четырех мужчин, они шли со стороны небольшого кафе, располагавшегося неподалеку, держа в руках пластиковые стаканчики с дымящейся черной бурдой, по внешнему виду напоминавшей плохо заваренный кофе. Я подошел к ним поближе.

– Прошу прощения, уважаемые. – обратился к ним я – Мне нужен белый Вольво, номер ... – я глянул мельком на листок бумаги, находившийся у меня в руке – Номер семьдесят шесть пятнадцать.

Мужчины переглянулись. Один из них, худошавый мужчина средних лет с седеющими висками произнес:

– Семьдесят шесть пятнадцать? Это кто ж это?

– Серега Потапов – ответил ему брюнет лет тридцати, от-

пив кофе со своего стаканчика.

– Я помню, мы с ним должны были вместе вернуться – сказал третий, высокий русоволосый мужчина.

– Может, разгружаться поехал – добавил первый.

Тут из-под соседней машины вынырнул коренастый кудрявый мужчина лет сорока на вид с огромным гаечным ключом в руках.

– О, Михайлович нам сейчас скажет – обратил на него внимание брюнет – Михайлович! Вы Потапова не видели, случайно?

– Потапова?! Как же, видел я этого Потапова... На заправке в Пензе я его видел. Ох и дурила! Я ему говорю – поехали через Москву, как все нормальные люди ездят. Нет, же – решил срезать! Поехал через Воронеж. Что он там забыл?! Там же ни дорог, ни блядей... – он хохотнул и скрылся в кабине.

– Вы все-таки лучше в контору сходите, узнайте – посоветовал мне седовласый, – там диспетчера должны быть в курсе. Может поломался где в дороге...

И я пошел по направлению к конторе. Контора представляла собой старое двухэтажное здание, находившееся километрах в полутора от стоянки.

Это все мне не понравилось... Поломался Потапов или не поломался, мне разницы не было... Мой скромный заработок, разве что на хлеб с маслом, но никак не более, начинал давать сбои.

Все это началось через какое-то время после моего приез-

да с Севера. Никаких старых связей я так и не нашел, на работу устроиться так и не смог. Вернее, не смог устроиться на ту работу, на которую хотел, а на ту работу, на которую мог бы устроиться – устраиваться я не хотел, и поэтому не стал.

Дни шли чередой, Деньги таяли, надо было что-то думать.

Вскоре объявились мои жена и сын. Вернее, это я их нашел. Отправил официальные запросы в ОВИР, и вскоре получил ответ. Оказались они в солнечном Узбекистане. Стал я с ними переписываться, и выяснилось, что сынок мой снова влез в какую-то темную историю, и жена, еще не вполне отошедшая от предыдущей, собрала чемоданы, и уехала вместе с сыном к каким-то своим дальним родственникам.

А потом у меня родилась мысль, и стал я потихоньку возить от них одежду – в основном трикотаж. Эту одежду я затем перепродавал торгашам на рынке. Перепродавал не дорого. Один раз ездил сам, потом стал искать попутные поезда и машины, пытался даже через почту. По-разному пытался.

В итоге, нашел я нескольких дальнобойщиков, которые время от времени ездили по маршрутам в Узбекистан или мимо – больше вариантов не было, и стал с ними работать. Партии были небольшие, заработки были тоже небольшие, поэтому работал я тихо, осторожно, надеясь, что так оно будет и дальше.

Раскручиваться сильно я не хотел. Серьезный заработок означал неминуемое столкновение с криминалом, а это в

мои планы никак не входило. И вот так – год за годом – я поддерживал небольшую свою нишу.

Не так давно дальнбойщики подняли таксу – ездить стало опасно. Часто приходилось нанимать конвой, конвой осматривал груз, проверял все по документам, приходилось выкручиваться. В общем, все осложнялось.

А сегодня, похоже, произошло то, чего я боялся, и что когда-нибудь должно было произойти – груз пропал. Может быть и не навсегда, найдется когда-нибудь. Но это меня мало утешало. А это значит, что за следующие две, или даже три партии я ничего не заработаю, а буду лишь восполнять убытки.

Если это будет повторяться с некоторой периодичностью, всем этим делом вообще не будет смысла заниматься, и вот тогда надо будет уже всерьез подумать – как жить дальше.

Дойдя до здания конторы, я открыл старую скрипучую дверь и оказался в коридоре без каких-либо намеков на евроремонт, затем я прошел мимо стен с облупившейся краской и оказался на лестнице.

Я поднялся на второй этаж и заглянул в первый попавшийся кабинет.

– Здравствуйте! – произнес я

– Здравствуйте – ответили мне. В кабинете меня встретила немолодая уже женщина, крашенная под блондинку.

– Где я могу диспетчера найти? – спросил я.

– Диспетчера? А вы из милиции? – переспросила она

– Нет. Почему сразу – из милиции? – возмутился я.

– А зачем вам диспетчер? – снова переспросила она.

– Я бы хотел узнать, что с рейсом Сергея Потапова. – ответил я.

– Сергея Потапова? А вы что, его родственник? – прозвучал очередной вопрос.

– Да как вам сказать... Нужен он мне, вот и все...

Женщина, пробурчав что-то типа «одну секундочку», выметнулась в коридор, оставив меня в кабинете с полуоткрытой дверью. Она пошла в другой кабинет и слышно было, что она кого-то о чем-то спрашивала. Ей отвечал какой-то приглушенный нервный мужской голос, который в конце концов сорвался на крик:

– ДА ПЛЕВАТЬ МНЕ НА ПОТАПОВА!

А потом дверь в кабинет приоткрылась, и оттуда донеслись обрывки фраз о том, что «там шестизначные цифры», и конечно «не в рублях», и «страховка не покроет», и, что «все мы по миру пойдём», да и «идите вы все, не дурите голову».

Женщина, вся взволнованная и покрасневшая, вышла в коридор, столкнулась там с двумя милиционерами, которые минутой раньше вошли в здание, и они втроем зашли в тот же кабинет. Теперь уже голосов стало больше, началась неразбериха, и мне, собственно говоря, ловить здесь уже было нечего. Из обрывков фраз я понял, что фура где-то пропала, по всей видимости, ее разграбили, а водитель либо убит, либо скитается где-нибудь по Воронежской области, пытаюсь

выйти на связь.

Даже если фуру найдут – идти и доказывать, что это вот мое, было бы глупо – возникнет только больше вопросов.

Захотелось курить – а я бросил.

Надо было срочно ехать домой, звонить родне, потом срочно переводить им деньги, договариваться, чтобы как-то передали еще одну партию. Как же все это решить? Нужно было найти еще одного дальнобойщика – а это время нужно. Так пройдет неделя – другая, и потом окажется, что никому эта партия уже не нужна... Кончится сезон, и надо будет переходить на другой ассортимент. И за это время я успею проесть все, что у меня осталось.

К горлу подкатил ком, и я вдруг понял, что мне страшно надоело всем этим заниматься. Но ведь надо как-то жить. Живут же как-то люди...

Или опять в школу пойти работать? Да нет, тьфу ты... Блажь какая!

Я пошел ловить маршрутку, прокручивая в голове разные варианты.

Самое противное, что, если фуру разграбили, от моих чемоданов там никто особо не обогатится. Их, скорее всего, сожгут или оставят гнить где-нибудь в поле. А это мой заработок. Хлеб...

Где-то минут через сорок я уже был в своей квартире и набирал на телефоне номер своей жены. Я совершенно не знал, что предпринять. А когда на другом конце провода от-

ветили, я понял, что произошло чудо.

И знаете, что?

Я узнал, что мой сын ко мне едет.

Я был счастлив.

И дело было даже не в том, что он привезет мне эту партию.

МОЙ СЫН КО МНЕ ЕДЕТ!

Впервые за долгие годы я почувствовал, что живу не зря.

Глава 34. Шон. Совершенно иной уровень дерьма.

Дай ему жвачку и кубик Рубика, чтоб молчал и руки свои никуда не совал.

Совет опытного руководителя менее опытному

Утром Шона разбудил телефон. Подойдя на непослушных ногах к тумбочке, на которой стоял аппарат, он снял трубку.

– АЛЕ! – недовольно и резко ответил он.

– Здорова, придурок! – послышалось в ответ.

– А, кто это? – неуверенно спросил Шон.

– Ты что там, берега попутал?! А ну срочно ко мне!!! Фокусник, бля... – прозвучало в ответ, а затем раздались короткие гудки.

Звонил это, конечно, Красавчик. Больше и звонить-то было некому... И, если он так настойчиво приглашал зайти к себе, ей-богу, стоило к этому прислушаться. Шон побежал в ванную, быстро помыл лицо, и посмотрел на себя в зеркало.

Красавчик – он, конечно, в переносном смысле Красавчик. Ничего красивого в нем не было... Тот, кто его видел впервые, обычно испытывал огромное желание сказать: «О, Господи». Вот только говорить так ни в коем случае не следовало, чтобы самому не пострадать в плане внешности – за такие слова Красавчик мог запросто обеспечить внеурочный

визит к стоматологу или челюстно-лицевому хирургу.

Внешность же у Красавчика была достаточно одиозная. Шишка с левой стороны лба, вмятина на правой, там же справа жуткий шрам на виске, и неподвижная, сползающая на глаз бровь. И при этом абсолютно голый череп. И соответствующая комплекция. И огромная ручища, в которых тонет любая, даже самая спортивная ладонь.

Когда знаешь Красавчика достаточно давно, кажется, что он просто хитро прищурился. Хотя за этим прищуром может стоять все, что угодно.

Никогда не следует называть Красавчика Красавчиком. Это аксиома. То, что абсолютно не требует доказательств. Сам он больше любит, чтобы его называли Петрович – попростому, без всяких там подоплек...

Шон посмотрел на себя в зеркало. Трехдневная щетина уже вот-вот готова была превратиться в бороду. Но трехдневная щетина – это еще допустимо. А вот борода – уже нет... Где-то здесь проходит тонкая грань.

Если Красавчик посчитает, что эта грань пройдена, может побрить скотчем. Говорят, в армии, тех, кто плохо бреется, бреют полотенцем. Но полотенце у Красавчика далеко не всегда было под руками, зато толстая катушка серого скотча, который очень крепко и противно прилипает к коже, всегда была в бардачке его автомобиля.

В конце концов, Шон решил не бриться. Может быть, и пронесет. Во всяком случае, лучше будет не опаздывать.

Шон быстро оделся, обулся и выбежал во двор. Там у кустов стояла его боевая машина. Ауди-100. Это вам не какой-то Пассат. Он открыл дверь, сел за руль, завелся, выехал задом из кустов и, вывернув руль, с визгом шин вылетел со двора.

Через пятнадцать минут он уже подъезжал к дому Красавчика. Красавчик, как ни в чем не бывало, стоял перед воротами в черной футболке, бермудах в цветочек и черных шлепанцах типа «сланцы», спокойный, как стеклышко.

Шон напрягся. Если Красавчик спокоен – это значит одно из двух...

Раз, два, три...

– Заходи давай. Машину здесь оставь.

Четыре... Пять... Шесть...

Значило одно из двух – либо он на самом деле успокоился, либо...

Семь... Восемь... Девять...

– Кофе будешь? Ренатка!! Сделай нам кофе...

Десять... Одиннадцать... Двенадцать...

Либо...

Хотя...

Уже прошло пятнадцать секунд – и ничего не происходит... Значит, на самом деле, успокоился.

Длинноногая Ренатка в коротеньком халате принесла поднос с двумя чашечками дымящегося эспрессо и поставила его на столик в беседке.

Красавчик взял свою чашку и поднес к губам, свободной рукой сделал приглашающий жест и указал на вторую чашку. Шон взял чашку и чуть-чуть пригубил.

– Значит, что мы имеем? – по-простому начал Красавчик.

– Что мы имеем? – эхом отозвался Шон.

– Быба в больнице... – отхлебнув кофе, продолжил Красавчик

– В больнице... – ответил Шон. С этим нельзя было не согласиться.

– Значит, что из этого следует? – Красавчик пристально посмотрел на Шона.

– Что? – переспросил Шон.

Лицо Красавчика расплылось в улыбке, он важно поднял указательный палец и нарочито серьезно, подражая голосу Брежнева, произнес:

– С траумой интимного характеру.

После этого, еле сдерживая смех, он поставил на стол чашечку с кофе, и откинувшись на шезлонге, стал откровенно ржать.

Шон, стыдливо ухмыляясь, посмотрел в сторону. Все это произошло в бане. Шон, Быба, девочки... Вернее, одна девочка, вторая где-то задерживалась. В-общем, отдых не давался, Шон заскучал. Он прошел мимо почти уже готового взорваться Быбы и работавшей над ним девочки, чтобы подкинуть пару, потянул с верхней полки распаренный березовый веник, но сделал это неудачно и уронил ковш с ки-

пятком на эту парочку...

А потом он зашвырнул на заднее сиденье своей машины их обоих прямо в чем мать родила: и визжащую девочку с ошпаренной спиной, и ревившего, как раненый носорог, Быбу, державшегося обеими руками за свой половой орган, а сам, накинув на голое тело халат да сунув ноги в первые попавшиеся на глаза тапки, сел за руль и поехал в сторону ближайшей, не то первой, не то второй, городской клинической больницы.

Шон поставил свою чашку на стол. Красавчик успокоился, и коротко произнес:

– Короче! Значит это одно – с сегодняшнего дня ты работаешь за двоих. Как-то так... Быба, между прочим, тоже без дела не сидел.

Он протянул Шону клочок бумаги:

– Вот адрес. Это Прапор. Он дома после пяти, – Красавчик небрежно глянул на часы, – Быба денег ему давал. А ты у него забери, что он там принес.

Красавчик полез в карман мастерки, достал оттуда пачку «зеленых», отсчитал несколько купюр:

– Если «калаша» принес с патронами, дашь ему еще, по полсотни за рожок. Если не будет патронов, тогда у чеченов купишь. Если какую-нибудь чухню даст, как в прошлый раз, из музея Великой отечественной, можешь дать ему по шее. Разрешаю.

– А если ничего не даст?

– Как это ничего не даст?!

– Ну я не знаю, как там с ним Быба договаривался... Может этого Прапора замели уже...

– Да иди ты в жопу! Накарай мне еще. Нострадамус херов... Действуй давай.

Шон нехотя сгреб купюры и побрел по направлению к своей машине, которая стояла за воротами. Когда он уже почти дошел до ворот, услышал за спиной резкий свист. Обернувшись, он увидел Красавчика, который сидел за столиком с чашкой кофе в той же невозмутимо позе.

– Слышишь, ты, веселый и находчивый! К Татарину-то зайди... Мандаринов хоть передай.

А вот и самое неприятное во всей этой истории...

Шон брезгливо поморщился.

Татарин-то вчера своих девочек (вернее, одну девочку, вторая не успела доехать) дал совершенно бесплатно, по «отработке». И вот теперь он имел полное моральное право выставить неустойку за предполагаемую неделю (или две) простоя на больничном. Если этот вопрос всплывет где-нибудь на серьезном уровне, Татарин получит полную и безоговорочную сатисфакцию.

Шон задумчиво покрутил в руках ключи от машины, пытаясь в уме прикинуть сумму.

Одно дело, если бы это была простая вокзальная или плечевая... Вряд ли, конечно, судя по тому, как вчера стонал и извивался Быба. Какие тут, к черту, мандарины...

Шон махнул рукой и сел в машину.

Он не был склонен планировать свою жизнь на срок более продолжительный, чем несколько часов.

Как раз с того времени, когда его выселили из общаги, и он автостопом, без денег, добирался домой.

Добирался домой, в пустую квартиру, в которой, как потом выяснилось, не было ни гроша.

А потом он пытался кому-нибудь сдать эту хату. И на него вышли «черные» риэлторы. Едва оклемавшись от ударной дозы клофелина, Шон надолго оставил затею что-то заработать на квартире.

Он перепробовал много различных вариантов. Но ничего не выходило. Зарабатывать руками он не умел. Как зарабатывать умом, он не знал. Красть у него не получалось, милостыню просить было стыдно. И он начал грабить поздних прохожих.

Продолжалось это несколько месяцев, пока Шон не нарвался на местных бандюков. Тогда его хорошо отметелили.

А потом Шон прибился к Красавчику. Вот тогда и началась более-менее сносная жизнь...

А Красавчик что? Красавчик – молодец, он и на самом деле, красавчик. Вытащил его из того беспросветного дерьма в дерьмо уже совершенно иного уровня, яркое, обворожительное, полное какой-то неведомой власти над простыми смертными.

Ну а теперь... Шон вставил ключ в замок зажигания и

медленно его повернул...

Сейчас он поедет к Прапору. Хотя нет... К Прапору еще рано. Значит, сначала к Татарину.

Хотя нет...

Шон вдруг почувствовал в желудке неприятную судорогу. Нет... Сначала он хорошо поест, а уж потом он поедет к Татарину, потом – к Прапору, а потом – куда-нибудь еще, куда приведет его чудная, полная сюрпризов и неожиданностей бандитская жизнь.

Шон медленно нажал педаль газа, и автомобиль послушно поехал по грунтовке, плавно покачиваясь на ухабах.

Глава 35. Нагорный. Дядя Ибрагим.

Много раз я срывался с места, собираясь уехать за тысячи верст,

Но всякий раз возвращался, как только у меня заканчивались деньги.

Герой не нашего времени.

Я не считаю себя нормальным человеком. Дело даже не в том, что где-то у меня в мозгу прячется некий выпущенный из бутылки джинн.

Дело даже совсем в другом.

Когда-то в годы моей юности, путешествуя по побережьям южных морей, я встретил в одном из заведений умудренного опытом врача-психиатра. На момент нашей встречи он был уже в основательном подпитии, и, узнав, что я как-никак педагог, развил для меня весьма интересную тему.

По его мнению, абсолютно все психически здоровые граждане с точки зрения истории, а уж, тем более, с точки зрения мироздания, вовсе никакого интереса не представляют. А вот основной движущей силой истории, как раз, являются те самые психи, шизофреники и параноики, в основной своей массе латентные и тихие, но, иногда слетающие с катушек, и вследствие этого, попадающие в поле зрения современной психиатрии.

– Абсолютно психически нормальный человек – есть что? – вопрошал он, подняв дугой правую бровь – Абсолютно психически нормальный человек – есть вошь! Баран! Инфузория-туфелька! Ему-то кроме еды, житейского комфорта, секса два-три раза в неделю, да развлечений различного уровня интеллектуальной деградации, ничего и не надо!

Потом он добавил, что абсолютно психически нормальный человек никогда не станет развязывать войну, или, скажем, убивать ближнего своего, но, с другой стороны, открывать ничего нового он тоже не станет: ни Америки, ни периодической системы химических элементов, ни теории относительности. Да писать он ничего не будет: ни тебе «Войны и мира», ни «Евгения Онегина», а даже если что-то и напишет, то сущую ерунду – какую-нибудь скучную статейку или дурацкий фельетон, да и то только потому, что сия писанина является для него способом финансового обеспечения его еды, житейского комфорта, регулярного секса и прочих развлечений различного уровня интеллектуальной деградации.

То ли дело так называемые психи... Это воистину движущая сила прогресса. Взять хотя бы тех же классиков русской литературы, психическое состояние которых, мягко говоря, оставляло желать лучшего.

Вот хотя бы тот же Пушкин. Будучи просто глыбой в плане творческом и интеллектуальном, являясь величайшим поэтом своей эпохи, а также праотцом современного литературного русского языка, он самым пренеприятнейшим обра-

зом страдал от комплекса неполноценности, вызванного его невысоким ростом, а также его своеобразной внешностью. И это заставляло его время от времени кидаться в крайности и совершать неразумные поступки, то предаваясь унынию, и выискивая поводы для ревности там, где их не могло и быть, то позволяя себе непозволительные колкости и выпады, что и в первом, и во втором случае обычно заканчивалось дуэлью. И тогда Александр Сергеевич, как правило, палил в воздух и ел черешни, и в конце концов, доигрался он в эти игры и получил смертельную пулю себе в кишки на Черной речке.

А взять Гоголя – он всю жизнь страдал от раздвоения личности и множества фобий, в том числе от страха умереть в одиночестве, из-за чего постоянно жил у различных своих друзей, чем вызвал слухи о своих «содомических» наклонностях. Николай Васильевич, в конце концов, решил изгнать своего «беса» – это была его последняя битва, и он довел себя до нервного истощения постом и ночными бдениями, и вот, случилось то, чего он боялся больше всего на свете – он впал в летаргию, и был похоронен заживо.

А Достоевский? Что творил Достоевский?! После жуткого лицедейства на Семеновском плацу он не сошел с ума, как бедный Григорьев. Он сошел с ума совершенно по-иному. Почитайте, почитайте его книги! Есть ли там хоть один нормальный, здравомыслящий персонаж? Так-то вот...

А еще был робкий до невозможности Тургенев.

И невыносимейший в общении Толстой. Помните его

портрет? Ну как же, как же... Смотришь на него, и так и кажется, что сойдет сейчас он с этого портрета, как даст кулаком по столу и рявкнет:

– Чего это ты тут расселся, гнида!

Горький настолько безнадежно витал в облаках, что даже смерть родного сына его не тронула...

Да и двадцатый век добавил своих героев: были там и морфинисты, и жизнерадостные самоубийцы, и даже абсолютно неадекватный экземпляр, который пытался шантажировать целую страну.

Но, гении ж ведь, тут и не поспоришь...

Что касается меня, то гением, я себя, конечно, не считал, но и удовлетворения от жизни, характерного для всякого нормального среднего человека, я не получал. Я всегда плохо сходился с людьми, и призрак простого человеческого счастья, как таковой, мне был неведом.

Тогда, интересно, зачем же я живу? Что мне делать?

Я, конечно, мог бы написать книгу. Вот только о чем? Может быть о том, как я иду с сумкой полуподпольных узбекских шмоток по вещевому рынку, а вокруг снуют плохо одетые люди с неявными признаками оупения на лице?

Или что-то еще? Я, может быть, должен возлюбить ближнего? Интересно, кого это? Так, посмотрим, кто там у нас? Может быть этот слегка полный юноша? Юноша с бритой головой, одетый в кожаную куртку и спортивные штаны. Да-да, этот самый, который сейчас наклонился и примеряет к сво-

им спортивным штанам лакированные черные туфли. И у которого задралась куртка, и из-под штанов видны синие солдатские трусы и бледная прыщавая жопа. Да, именно этот, который в других обстоятельствах, буде ему придется столкнуться со мной, несомненно будет тыкать в меня паяльником, бить по ногам тонким изящным прутиком под названием лом и щемить мне пальцы дверью своего подержанного импортного автохлама. Нелегкая задачка, скажу я вам...

А может, я должен заботиться о сыне? Который вчера ко мне приехал? Да-да, и которого я до этого лет восемь не видел. И который уже выше меня, сильнее меня и опытнее меня. И который уже успел начать и благоприятно завалить два бизнеса, а сейчас планирует начать третий. К становлению и воспитанию которого я практически не приложил ни руки, ни мозгов, ни чего-то там еще, что следовало бы прикладывать. Как там эта штука называется-то? Ах да, душа...

И теперь, держа в обеих руках по баулу, я иду через веще-вой рынок, чтобы попытаться какими-то суррогатными методами вернуть к жизни этот самый призрак простого человеческого счастья. Вы даже не представляете, насколько нужен современному человеку для этого тот самый бранный металл. В смысле, деньги.

Я подошел к павильону дяди Ибрагима. Насколько я помню, павильон этот появился на рынке одним из первых, и, даже теперь, когда он уже оброс другими такими же павильонами, все равно выделялся среди них тем, что был одним

из самых больших и красивых. А его хозяин – дядя Ибрагим, сухопарый, с седеющими усами, в неизменной феске – был самым уважаемым из моих покупателей. Поговаривали, был он из какой-то исчезающей народности, объехал пол-Азии и едва не погиб в одной из постоянно бушующих там войн.

Обычно он сидел на скамеечке перед павильоном, где мог спокойно дымить кальяном, пить кофе или с грустной улыбкой что-то рассказывать кому-нибудь из своих покупателей на характерной для него термоядерной смеси русского, турецкого и фарси.

Вот и сейчас он встретил меня перед дверями своего павильона с двумя дымящимися чашками кофе на подносе.

– Здравствуй, Искандер-ага – пропел дядя Ибрагим.

Так он меня обычно называл при встрече – Искандер-ага.

– Здравствуй, дядя Ибрагим – ответил я ему и остановился рядом с ним.

Дядя Ибрагим засиял от удовольствия и протянул мне чашечку кофе. Я опустил баулы на землю, взял из рук чашку кофе, а сам присел на скамейку, следуя гостеприимному жесту дяди Ибрагима.

– Как поживаешь, Искандер-ага? – спросил он.

– Все хорошо, дядя Ибрагим – ответил я – вот принес тебе еще товар.

– Товар – это хорошо – сказал дядя Ибрагим, – людям нравится то, что я беру у тебя. Вот только...

Он замолчал. Только тихонько отхлебывал кофе из своей

чашки.

Я повернулся к нему и спросил:

– Что случилось, дядя Ибрагим?

– Все хо-ро-шо... – по слогам ответил он – пока... А я вот решил продать этот... дукхан.

– Почему, дядя Ибрагим? Твой дукхан самый лучший на этом рынке.

Я был очень удивлен. Дела у дяди Ибрагима всегда шли очень хорошо.

– Знаешь, Искандер-ага, сейчас у меня все хорошо. Но, понимаешь... Не может все время быть хорошо. Когда-то будет плохо. – и он многозначительно посмотрел на меня – А я не хочу уходить тогда, когда плохо. Тогда получится, что я как будто сбежал. Я ведь здесь ябанджи. Это как это по-русски? Чужак...

Я промолчал. Честно говоря, я даже не знал, что ему на это ответить.

– Проблема в том, что я везде буду ябанджи... Куда бы я ни поехал. Как гипси... Слушай, покупай у меня этот дукхан – оживился он – я бы за пять тысяч зеленых долларов продал...

– И что же ты тогда делать будешь, дядя Ибрагим? – спросил я.

– Уеду. Буду путешествовать. – невозмутимо ответил мне дядя Ибрагим

– Где, дядя Ибрагим?

– Там, где люди улыбаются... Я хочу видеть счастливых людей.

– Тогда тебе придется заехать очень далеко. – сказал я.

– Я знаю... – ответил дядя Ибрагим

Глава 36. Шон. Придурки, бля.

У всякой причины – свое следствие
Шестой закон Гермеса Трисмегиста

С визгом шин Шон затормозил у известного заведения. Заведение называлось «Парнас». Насколько Шон знал, здесь можно было неплохо пообедать.

Что ж, Парнас – так Парнас. Как-то популярно стало нынче в городе обзывать античными именами различные заведения: Парнас, Олимп, Колизей, Рубикон, Помпеи. Причем, публика обычно в этих местах собиралась вовсе не соответствующая таким возвышенным названиям. Раньше это были рюмочные, закусочные и пельменные. Теперь у них поменялось название, слегка приукрасился интерьер, меню стало более разнообразным, и соответственно, выросли цены. По вечерам там случались потасовки, достойные салунов Дикого Запада, с битьем стекол, стрельбой и разбиванием мебели о чьи-нибудь головы. В то же время днем в такое место можно было прийти совершенно спокойно и посидеть, мимоходом отмечая вновь разбитые зеркала, ломанные стулья и свежие пулевые отверстия в потолке.

Заведением такого рода был и Парнас. Для Шона это было не принципиально. Парнас – так Парнас. Главное, что там можно было поесть, а декорации к этому процессу не

имели значения. Он небрежно припарковал рядом с Парнасом свой автомобиль, слегка наехав на бордюр, небрежно захлопнул дверцу, не потрудившись закрыть как следует замок, небрежно поднялся по ступенькам, разминая на ходу шею, небрежно зашел внутрь, поправляя что-то за поясом, небрежно сел за столик. Сидеть и ждать официанта – это было явным признаком дурных манер, и Шон отрывисто свистнул.

Как только рядом появился зевающий дылда в пиджаке на два размера меньше, Шон произнес:

– Первое, второе, и... Компот... Хотя нет! Не надо компот. Вместо компота – пиво.

Официант понимающе кивнул и скрылся на кухне.

Шон откинулся на спинку стула и осмотрел заведение. Давненько он тут не был. Шон сидел за ближайшим к выходу столиком. Рядом находился бар. Над баром одиноко светила лампочка. Дальше был зал, тонувший в полумраке. В зале никого не было. Ряд маленьких столиков с массивными стульями уходил во мрак, и там, во мраке, из проема, имевшего форму арки, лился сумрачный свет. Насколько Шон помнил это место, там еще должен быть банкетный зал. Видно отсюда ничего не было, но доносились приглушенные голоса. Голоса неприятные, пьяные, несмотря на раннее время. Кто-то явно продолжал увеселения, начатые еще вчера.

Через некоторое время вернулся официант с подносом. Медленными движениями он поставил на стол тарелки, сто-

ловые приборы, бокал пива. Шон неподвижно смотрел на эту процедуру, отметив про себя, что дылда, скорее всего, вчера где-то неплохо гульнул.

Когда официант, наконец справился, Шон буркнул что-то типа «Спс-бо» и принялся мешать суп ложкой. Суп оказался очень горячим. Шон отхлебнул холодного пива.

Стоило подождать. Подождать и поесть, как следует. Основательно, не торопясь, не обжигаясь. Потом допить пиво, смачно рыгнуть и достать сигарету. Потом покурить. Потом встать и лениво, вразвалочку выйти отсюда, сесть в машину и минут пятнадцать подремать под какое-нибудь Радио Шансон. И уже после этого он поедет куда угодно и сделает все что угодно. И будет он собран и организован, будет действовать по обстановке, быстро, четко и решительно. День сегодня сложный, много дел. Поэтому надо действовать быстро, четко и решительно.

Ложка за ложкой содержимое тарелки отправлялось в желудок. Пустел бокал пива и Шон почувствовал себя намного лучше и спокойнее.

Из банкетного зала неожиданно высунулось какое-то тело и, пошатываясь, направилось к выходу. В уголке рта, грустно поникнув, находилась сигарета. Со скрипом открылась массивная деревянная дверь, и тело, впустив внутрь немного свежего воздуха, вышло на крыльцо покурить.

Через несколько минут дверь снова отворилась и на пороге появилась молодая девушка. Она остановилась у дверей,

закинула назад промокшие под дождем волосы, и решительно двинулась в сторону бара, произнеся на ходу:

– Хам какой...

Шон тем временем уже управился с супом и придвинул к себе тарелку со вторым, предвкушая дальнейшее маленькое чревоугодие. Девушка о чем-то отвлеченно беседовала с барменом. Бармен возился с кофе-машиной. До Шона донесся аромат свежемолотого кофе.

Пожалуй, после сна под шансон стоило бы сюда вернуться и закинуть в себя маленькую чашечку эспрессо. Судя по запаху, кофе здесь был неплохой – по крайней мере, ненамного хуже, чем у Красавчика.

Вновь скрипнула массивная входная дверь, запахло дешевым табаком и дешевым одеколоном. Вновь появилось уже знакомое тело. Теперь уже степень опьянения не казалась беспредельной – неожиданный летний дождь и доза табака сделали свое дело. Походка стала более уверенной, а взгляд – более осмысленным. Раздался приглушенный шлепок – это рука прошлась по ягодицам девушки. Девушка взвизгнула, и раздался уже более явственный звук – звук звонкой пощечины. Жилистая рука ухватила за ее локоть.

– А ну, давай, пойдём к нам...

– Не хочу! – девушка выдернула руку из цепкой хватки и демонстративно отвернулась.

– Брезгуешь, что ли?

Хулиган отвернулся на мгновение в поисках более убедитель-

тельного аргумента, и нос его уперся в грудь Шона.

– Ты кто такой? – просипел хулиган.

– Зови меня Шон – откуда-то сверху раздался голос. Хулиган робко поднял голову и увидел там широко посаженные, серые, не выражающие никаких эмоций глаза.

Преимущество в росте было убедительным, и он, что-то пробурчав, удалился в банкетный зал.

– Спасибо. – тихо произнесла девушка – Побольше бы таких мужчин.

– Ноу проблем – ответил Шон – если что, я здесь.

Он присел за свой столик, чтобы расправится наконец с остатками обеда. Но это ему сегодня не суждено было сделать. К нему со стороны банкетного зала уже направлялся какой-то гориллоподобный тип, размахивающий руками, с туповатым выражением лица и походкой начинающего всадника.

– Тебе что, башку прямо здесь отбить? – начал тип.

Точный удар в подбородок не дал ему развить тему. Тип пошатнулся и завалился навзничь на пол, раскидывая стулья и опрокидывая столы, увлекая на пол остатки обеда Шона. Раздался звон бьющейся посуды и грохот падающей мебели.

Ну а дальше события начали развиваться очень стремительно. На шум из банкетного зала выбежали человек пятнадцать. Разгоряченные алкоголем, они увидели итог баталии и своего товарища лежащим на полу. Раздались несколько восклицательных междометий, и на этом разговоры закон-

чилились. Никто из них не был настроен на разговоры. Вся эта разношерстная банда очень быстро приближалась к Шону.

Шон не медлил. Зная, что лучшая защита – это нападение, он выхватил из-за пояса пистолет и, почти не целясь, выстрелил в ногу одному из тех ненормальных, что выбежал вперед и уже размахнулся для удара. Тот упал, рыча и держась за раненую конечность. Остальные застыли, пока эхо выстрела еще разносилось под высокими потолками. Наступила гробовая тишина.

– Не бойтесь, пацаны, у него травмат – прохрипел тот, что лежал на полу, обнимая свою ногу, и остальные с воем и криками снова ринулись на Шона.

Тот в ярости расстрелял в толпу всю обойму и бросил в сторону ставший бесполезным ствол.

Несколько человек упало, кто-то закрыл руками лицо, началась свалка.

Шон схватил двумя руками за ножки тяжелый стул и наотмашь прошелся по тем, кто еще был на ногах. Раздался хруст, стул развалился прямо в руках, в воздух полетели чьи-то зубы...

Из банкетного зала выбежал какой-то недоумок и выстрелил из самодельного пугача. Где-то рядом раздался звон срикошетившей от стены пули

Шон не стал дожидаться второго выстрела. Он поднял стол, за которым минуту назад он сидел и что есть силы запустил его в толпу, а затем ринулся к выходу.

Почти добежав до двери, он заметил, что у стойки, согнувшись и закрыв голову руками, стоит девушка. Шон схватил ее за руку, и увлек за собой к дверям. Когда они уже выбежали на улицу, он краем глаза заметил, как из подсобки высунился бармен и швырнул в толпу извергающую дым, шипящую шашку, а затем снова исчез, плотно прикрыв за собой дверь. Шон с девушкой уже через минуту бежали по лужам к стоявшей неподалеку Ауди 100. Девушка была в ступоре, и Шон зашвырнул ее на заднее сиденье. Сам он вскочил за руль, машина быстро завелась.

Проезжая мимо Парнаса, Шон притормозил.

Двери заведения были настежь открыты, оттуда валил белесый дым. Участники недавней потасовки выбегали в полусогнутом состоянии. Они терли глаза и откашливались.

– Придурки, бя... – сказал Шон, глядя на них. Через секунду он дал газу, и машина, взвизгнув, поехала дальше.

Глава 37. Нагорный. Не очень точная моя копия.

В один прекрасный день ваши дети напомнят вам про ваши мечты,

которые вы в свое время обменяли на бочку варенья.

И это уже давно никакая не тайна.

Когда я вернулся домой, сын уже хозяйничал на кухне. Там уже что-то скворчало на сковороде, а по квартире разносился запах жареного бекона. Выглянув из прихожей, я крикнул:

– Миша, привет! Как спал?

Из кухни донеслось недовольное:

– Отец, ну я же просил. Называй меня Майк. Я так привык.

– О, извини. Хэлоу, Майк – пошутил я и прошел на кухню.

Майк тем временем уже снял с огня сковороду и аккуратно раскладывал по тарелкам только что приготовленную яичницу.

– Извини, но понимаешь... Когда я слышу все эти «Миша», «Миха», «Михаил»... Вспоминаю те годы, когда я жил здесь. А я бы не хотел.

– Трудно было? – сочувственно произнес я.

– Не в том дело... – ответил он – Трудности – они закалять

должны. Просто я другой был. Раскис... Наверное, мне не хватало тебя, отец...

Да, я понял. Ему тогда пришлось не легко. Все отвернулись, и он чуть не сдался. А потом они с матерью, собрав пожитки, отправились в солнечный Джизак.

– Ну а когда приехали, – продолжал он – началась другая жизнь. Там все по-другому, папа... Все настоящее. Если дружба, то до гроба, а если вражда – то насмерть... Там я, можно сказать, поверил в себя. Как заново родился. Если честно, то Джизак для меня больше родной город, чем Безымянск.

Там он и стал Майком. Теперь – крепкий, уверенный в себе мужчина. Бородку отпустил... Если бы я его случайно встретил, никогда бы не узнал.

– Да, жаль, что мне тогда пришлось уехать... Я тебе расскажу как-нибудь, почему. Да, и вообще, много еще чего расскажу.

– А я тебе тоже много чего еще расскажу... Все-таки столько лет не виделись.

То ли тень обиды, то ли какая-то неловкость. Действительно, столько лет не виделись. И так мало общего... Вот что действительно обидно.

– Слушай, Майк? А как там мама? Ну, расскажи... Что с ней? – сменил я тему

– Да все нормально, папа. Жива-здорова... В поликлинике работает. Ее там очень ценят.

– Ну а... личная жизнь? – немного замямвшись, спросил я.

– Ты хочешь спросить, водит ли она домой мужиков? – он внимательно посмотрел на меня, а потом сказал – Одно точно тебе скажу – отчима у меня там нет. А в остальном... Личная жизнь, она на то и личная, что о ней часто даже собственные дети не знают...

Майк опустошил тарелку и затем вопросительно посмотрел на меня:

– Ну а ты тут чем живешь, папа?

Я уже успел поставить чайник.

– Ну, а ты как будто не знаешь? – ответил я как бы мимоходом. – Сам же мне шмотки привез. Вот ими родимыми и торгую.

– Ну шмотки шмотками, но это же не вся твоя жизнь. Я так понимаю? – произнес Майк.

Да, что ты в жизни понимаешь... Родной сын, а все туда же... Сейчас, гляди, еще и поучать начнет. Хорошо, что я додумался вчера пустые бутылки убрать.

– Ну кто-то рыбалку любит, кто-то в городки играет, кто-то что-то коллекционирует. У тебя же какие-то интересы должны быть? Чем ты живешь?! – продолжал он.

– Знаешь, Майк, я в жизни оч-чень много чего повидал. И мне все эти интересы – вот где сидят! – я провел рукой у горла. – Если тебе так уж интересно знать, философ твой папа. Совершенно конченный человек. Официальная психиатрия таких уже давно не лечит.

– Понятно – как-то разочарованно произнес он – А я вот культурой Востока увлекся – Китай, Япония. Потихоньку учу язык, книжки читаю. Вот поживу у тебя немного, поеду в Ташкент поступать, в институт востоковедения. Очень мне все это интересно.

Я тайком посмотрел в сторону чулана. Где-то там пылились книги, привезенные мною из Норильска. Надо будет хоть что-то сыну подарить за столько лет. Я помню были там труды и по культуре Востока.

– Но ты не переживай – спохватился он – Я все органирую. Будешь, как и раньше, шмотки получать. Я кого-нибудь найду, кто этим займется.

– Ладно – махнул рукой я – Это ты не переживай. Пора уже какой-то другой заработок искать. А то все это на волоске висит, если честно. Вон, дядя Ибрагим, все время у меня вещи брал, так он распродаться решил. Хороший у него павильон... Пять тысяч хочет. Как с новым хозяином сойдуся, не знаю.

– Ты серьезно? – Майк замер на несколько секунд, а потом пошел к себе в комнату – Подожди минутку, я сейчас.

Через некоторое время Майк пришел с увесистой сумкой. Он наскоро убрал посуду со стола, смахнул крошки, а затем стал выкладывать на стол разные интересные вещицы. Чего там только не было: пузатые божки и болванчики с качающимися головами, маленькие зеркала, медные, фарфоровые и стальные колокольчики, какие-то сложные системы

из веревок и бамбука, ароматизированные палочки-благовония и палочки-стебли для гадания, пиалки, ложки, циновки для сервировки стола, шарики, которые можно крутить в руке, цепочки, четки, кадилъницы, курильницы, веера, палочки для еды, гребешки, браслеты, какие-то обереги с выгравированными на них иероглифами, круглые монетки с квадратными дырочками, перевязанные тоненькими веревочками, сделанные из костей, камней и металла и вышитые на ткани многочисленные черепахи и драконы.

Я удивленно посмотрел на все это многообразие и спросил:

– Что это? Ты такие штуки коллекционируешь?

– Знаешь – ответил Майк – у нас такого добра хватает. А вот у вас- не видел.

– Аааа... – прошептал я – это ты мне столько сувениров привез, что ли?

– Да нет же, ты все не так понял – Майк уже начал терять терпение – Этим всем можно торговать. Вот тебе и заработок.

Я посмотрел на него, потом почесал затылок, посмотрел в окно, потом опять на него. Меня временами достаточно тяжело соблазнить на какое-нибудь новое начинание.

– Знаешь, я может вообще опять уеду куда-нибудь. Как-то мне здесь приелось уже. Ничего интересного не происходит. Болото какое-то...

– Давай попробуем. Попытка не пытка – придвинувшись

ко мне поближе, тихо сказал Майк – Не получится – ну и ладно. Павильон всегда можно продать. И тогда езжай себе, куда хочешь. Да, хотя бы и к нам в Джизак. У нас там интересно.

– Ты серьезно? – переспросил я.

– Абсолютно. – ответил он – Так сколько, ты говоришь, хотят за павильон?

Глава 38. Шон. Маленькая дружеская просьба.

Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.

В.Маяковский.

Шон смотрел на дорогу, время от времени поворачивая рулевое колесо: направо, налево, потом опять налево. Потом опять направо.

На заднем сиденье, вжавшись в угол, сидела девушка из «Парнаса». Она с ногами забралась на велюровое сиденье и всхлипывала, время от времени вздрагивая, и смахивая фалангой указательного пальца потекшую тушь. Под левой пяткой беспомощно болтался обломанный каблук.

– Не бойся – сказал Шон – Это не похищение. Сейчас успокоишься, и я отвезу тебя туда, куда скажешь.

Шон ездил кругами по центру города. Он надеялся, что его невольная спутница уже, наконец, придет в себя, и он отправит ее домой или на работу, или куда там ей еще может быть надо. Не ехать же с ней к Татарину – как-то это неловко может выйти.

Спутница все еще находилась в состоянии, которое представляло собой нечто среднее между истерикой и ступором, и никак не хотела успокаиваться. Когда уже надоело ездить по кругу, Шон притормозил у бордюра, обернулся и посмотрел на нее.

– Я сейчас отойду на пару минут. А ты подожди здесь. – сказал он.

Девушка закивала головой и заплакала в голос. Видимо, ощущать себя трофеем, доставшимся на милость победителю – не приводило ее в восторг.

Шон заглушил мотор и вытащил ключи из гнезда зажигания.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Т-татьяна... – слегка успокоившись, ответила девушка.

– Послушай, Татьяна – проникновенно продолжил Шон – я, эээ..., Зови, кстати, меня, Шон. Понимаешь, я вмешался в эту ситуацию чисто по личным соображениям. Ну, то есть, не для того, чтобы с тобой, ну это... что там такое сделать, ну в смысле, овладеть.

Девушка перестала всхлипывать и непонимающим взглядом посмотрела на Шона.

– Ну, то есть, ты, конечно, красивая, но я не для этого... Не для того я, в смысле... Хотя при других обстоятельствах я, может быть, даже очень... – Шон запутался в объяснениях.

Кажется, Шон ее не сильно успокоил. Когда пристают хулиганы, это, конечно, неприятно, но это, по крайней мере,

понятно.

– Так, давай сначала – продолжал Шон – я, в общем, всю эту хрень замутил не для того, чтобы замутить с тобой. То есть, я бы, конечно, с тобой замутил, если бы все это было по-другому... Просто, я, как бы, обязан был это сделать... По –другому не мог.

– Да? – наконец подала голос Татьяна.

– Когда-то жила одна девушка. Она умерла... Попала в беду – Шон говорил это, стараясь не смотреть на Татьяну – Ей нужна была моя помощь. А я не помог... Так получилось. И она умерла... Мне после этого было очень хреново. Если бы все было немножко по-другому, не так... И вот теперь, если бы тоже самое произошло с тобой, я бы себе этого не простил.

Татьяна удивленно посмотрела на Шона.

– Но... Ты же меня не знаешь... Совсем...

– Да все равно. Ту девушку я тоже не знал. Так что ты не переживай. Такая вот, в общем, история... Короче, я быстро – и Шон, не глядя на девушку, вышел из машины и пошел к высотному зданию гостиницы, которое располагалось неподалеку.

На первом этаже гостиницы был ресторан – там были огромные витринные окна. Над окнами можно было увидеть вывеску

GRAND HOTEL

Как гласила городская легенда, именно в этом рестора-

не обычно и находился Татарин, с которым у Шона предстоял не очень приятный разговор. Даже если самого Татарина здесь могло и не быть, на месте всегда были различные его помощники и порученцы, через которых с ним почти всегда можно было связаться.

Шон никогда не видел Татарина в лицо, но несмотря на это, когда он вошел в вестибюль, то сразу его заметил. Татарин стоял и беседовал о чем-то с портье. Такого уверенного в себе человека в нынешнее смутное время не часто встретишь. Стройный, в сером костюме, коротко подстриженный, с аккуратной плешью на голове, окаймленной светло-русым ежиком волос, с аккуратной каштановой эспаньолкой, он выглядел совершенно по-европейски, нисколько не соответствуя своему прозвищу. Лишь хитроватый прищур и широкие скулы выдавали в нем наличие тюркской генетики. Лаконичные жесты и своеобразная манера держаться выдавали в нем хозяина положения.

Шон знал, что авторитет Татарина в этом городе был необычайно высок. Он контролировал здесь проституцию, игорный бизнес и еще что-то, о чем можно было только догадываться. Непонятно даже, зачем Татарин обращался иногда с различными деликатными поручениями к бригаде Красавчика, не гнушаясь исправно платить им все виды поборов, которые только они затребуют. Ведь у него была собственная, хорошо вооруженная армия громил, которой под силу было не только поставить Красавчика на место, но и

очистить город от всех подобных деятелей вместе с их бригадами.

Шон неожиданно вырос прямо перед Татаринцом.

– Здравсьте – сказал он.

– Ты – кто?! – резко отреагировал Татарин.

– Я – Шон от Красавчика. У нас там это... Надо дело раз-рулить. Девочку ранили.

– Аа! – всплеснул руками Татарин – Совсем забыл. Ну что ж ты сразу не сказал?! Пойдем со мной.

И он взял под руку Шона, помахал на прощание другой рукой портье, и они вышли на улицу.

– Да с девочкой все в порядке. Не стоит беспокоиться... – продолжил Татарин на улице – Все там хорошо. Они у меня все застрахованы. В хороших клиниках лечатся. Но это хорошо, что ты зашел... – и он придвинулся к Шону ближе, переходя на шепот.

Шон напряг слух, чтобы не пропустить ничего важного.

– Маленькая дружеская просьба. Есть тут у нас одна морда депутатская, по фамилии Чернышов. Он меня сильно напрягает.

Татарин немного отстранился от Шона, слегка повысив голос.

– Я бы с ним и сам поговорил, но он меня может не послушать. А я бы не хотел крови... Вы бандюки – вас он послушает. Поговори с ним, спроси, сколько он хочет. По-хорошему... А если не выйдет по-хорошему, дави его гада, как вы

умеете. А я уже в долгу не останусь... И, пожалуйста, держи меня в курсе дела.

Шон молча кивнул.

– Заранее спасибо. Будь здоров.

Татарин уже собирался идти обратно в здание, но вдруг замер, посмотрел вдаль и удивленно произнес:

– Ах, какая девочка...

Шон обернулся.

– А? Это моя знакомая с другого города. Просила подвезти.

У машины Шона стояла Татьяна. Она стояла на одной ноге, балансируя на шпильке. Вторая ее нога, босая, опиралась на капот машины Шона. Даже отсюда был виден ее ярко-розовый педикюр. Ветер задирает ее короткое легкое платье. Наклонившись вперед, она пыталась поставить на место свой злосчастный обломавшийся каблук.

Глава 39. Нагорный. Тени прошлого.

Ты должен побеждать всех, ты в состоянии сделать это, но что произойдет, когда побьют тебя, сможешь ли ты справиться с этим?

Константино Д'Амато

Когда, я вышел из автобуса с заледенелыми стеклами, мощный порыв ветра чуть не сбил меня с ног. Я пошел вперед, прикрывая лицо рукавом. Со всех сторон: сверху, сбоку, спереди и сзади на меня сыпалась снежная крупа. Я продирался по сугробам, лицо медленно превращалось в мертвую безжизненную маску.

Может быть, сейчас было раннее утро, а может и вечер, на моих часах было ровно шесть, но круглые сутки стояла ночь, и я не мог ничего сказать об этом.

В торце дома стояли люди, державшиеся за стену. Я заметил их только тогда, когда подошел вплотную. У угла дома стоял фонарь, но его свет еле пробивался сквозь плотную снежную завесу. Я не слышал, как хрустит снег под ногами, я вообще ничего не слышал. Если кто-то бы крикнул мне прямо в ухо – я и этого бы не услышал, такой сильный был ветер. Какая-то женщина рядом со мной прижимала к себе ребенка.

Я подошел к своему дому. Дверь в подъезд беспомощно

болталась на одной петле. Я вошел внутрь и поднялся по лестнице. На площадке второго этажа намело сугроб, а перила все заледенели. Едва не зацепившись головой за огромную сосульку, свисающую с потолка, я вошел в квартиру.

После того, что творилось на улице, это казалось раем. По крайней мере снега тут не было. Здесь стояла абсолютная – до звона в ушах тишина. Я посмотрел по сторонам.

Изя сидел в кресле, укрытый множеством одеял. Степан негнушшимися пальцами со слезающей кожей обламывал спички, пытаясь разжечь в треноге таблетку сухого спирта. Игорь сидел на полу с закрытыми глазами, опершись спиной о стену, и как будто бы спал.

Тишина словно разорвалась изнутри и раздался голос Изи, тихий, с трагичным надрывом, словно оплакивавший кого-то:

– Мы тут умрем, Саша! Они не успеют спасти всех...

Я вдруг почувствовал, что мне не хватает воздуха и прямо в унтах и шубе, снимая на ходу рукавицы, подошел к окну и стал срывать с рам полоски бумаги, которыми они были проклеены, дергал за ручки, желая впустить внутрь всю эту непогоду.

– Ты это что задумал, смертный?! – раздался сбоку голос Игоря.

Я вскочил с кровати. В висках стучала кровь. В глазах расходились кругами темные пятна.

Так, спокойно. Я – дома. За окном – лето. Никто не умер.

Все живы.

В квартире было тихо. Я встал и прошел на кухню, чтобы сделать себе чай и увидел на столе записку:

ОТЕЦ! Я в павильоне. Приходи, как сможешь.

МАЙК.

Я поставил на плиту чайник.

Странно все это складывается. Странно... Майк тогда настоял – и мы сложились деньгами, выкупили павильон дяди Ибрагима. Сейчас он там и пропадает целыми днями: делает ремонт, расставляет мебель, возится с вывесками. Звонил вчера, договаривался, чтобы привезли ему еще этих побрякушек.

А я... Я, если честно, не верю во все это. Хотя... Хотя, конечно...

Закипел чайник. Я долго стоял и смотрел, как набирает силу струя вырывающегося из него пара.

Хотя, конечно, все может быть... Я всего лишь старый дурак, а он... Он молод и полон сил. Вот пускай и кует свое счастье. Я выключил газ, наскоро оделся и пошел на рынок. Решил, что напьюсь чая где-нибудь там, в чайной.

Зайдя в павильон, я увидел, что Майк очень энергично занимается креплением полок. Мои слабые попытки помочь не были приняты в расчет. Майк носился с обнаженным торсом туда-сюда по павильону, который уже успел пропитаться его молодым крепким духом. Я потерялся там, как неприкаянный, покрутил в руках полки, которые он собирался крепить,

а потом тихой сапой улизнул в чайную добирать утреннюю дозу танина, кофеина и чего-то еще, что требовалось моему бренному телу.

Заказав себе два стакана крепкого черного чая, я сел за столик подальше от остальных и, по своему обыкновению, пустился в пространные умственные рассуждения о жизни.

Я завидовал Майку. Он знает, что делает. А делает то, что он знает. Про себя я этого сказать не мог. Разменивая пятый десяток, я понял одну простую вещь – ни один путь никуда не ведет. Результат все равно один. И сводится он к ящику определенных размеров. И не важно, напишут о тебе некролог в газете или нет. Не важно, насколько красив будет ящик. Может быть, это и не ящик будет вовсе, а урна. Не имеет значения.

Как говаривал когда-то Игорь Чекомазов, тот, кто хоть немного разбирается в жизни, счастливым быть не имеет права.

Я, конечно, был бы не против жить ради какого-нибудь достойного дела. Если только есть такое дело, которому нужна эта жалкая жизнь...

Я мог бы пуститься в странствия, как дядя Ибрагим, но я понимал, что рано или поздно мне придется сойти с поезда, автобуса или самолета и взять в руки суму и посох. И это меня страшило и останавливало. Сума и посох. Или тогда мне надо будет вернуться, приползти на коленях куда угодно – на завод, на рынок или в колхоз, и просить, умолять, что-

бы тебя взяли обратно, делать какую-нибудь бессмысленную грязную работу за чашку похлебки. За чашку похлебки или за возможность. Возможность когда-нибудь начать это путешествие еще раз.

Неожиданно мои рассуждения прервала чья-то тяжелая рука, которая легла мне на плечо.

Из-за спины появился человек, который плавным движением обошел мой столик и сел с противоположной стороны. В руках у него был знакомый портфель. Я поднял глаза и узнал прапорщика Карнаухова.

– Физкульт-привет! – доброжелательно сказал он, как будто мы расстались с ним только вчера.

– И вам не хворать – растерянно ответил я.

– А ты все бездельничаешь? – как бы между прочим спросил он, – а я вот, как ты помнишь, все, что обещал, выполнил. Ты вернулся, можешь спокойно жить и работать.

– Да, спасибо...

– Да, Саша. С двумя трупаками тогда пришлось повозиться.

– С тремя – поправил я его.

– Нет, Саша, это ты, наверное, уже все позабыл. Их там был только двое... Но не в этом суть. – голос его стал какой-то холодный – за тобой должок, Саша. А должок, как известно, платежом красен. Теперь уже мне нужна будет твоя помощь.

И прапорщик вкратце рассказал о том, что это за помощь

и как это все будет происходить.

Говорил он тихо, но четко и с расстановкой. Все было предельно кратко и абсолютно понятно. То, что он сказал, мне почему-то не понравилось.

Я вдруг почувствовал, что мне не хватает воздуха, отодвинул легкий пластмассовый столик и двинулся к выходу. На улице я почувствовал свежий ветерок. Было лето. Светило солнце. Вокруг все спокойно. Никто не умер.

Напротив чайной, метров за сто стоял павильон. Наш с Майком павильон... На крыльце стоял Майк, с голым торсом и, активно жестикулируя, разговаривал с каким-то коренастым человеком. Человек стоял ко мне спиной, между мною и ним стоял припаркованный рядом с павильоном автомобиль.

Майк махнул рукой и скрылся в павильоне.

Коренастый обошел припаркованный автомобиль, медленно поворачивая голову в мою сторону, и застыл, уставившись на меня.

Хитро прищурившись и сверкая на солнце голым уродливым черепом, в мою сторону смотрел Лысый.

Глава 40. Шон. Бабы и дурь.

Не те бляди...

В. Маяковский

Шон смотрел на дорогу. Количество задач на сегодняшний день все увеличивалось. Как ни претило Шону иметь дело с чиновниками и иными представителями власти всех мастей, но просьбу Татарина следовало выполнить как можно скорей. Ведь авторитет его был неизмеримо высок. Поэтому машина Шона пробиралась сквозь редкий поток машин в сторону здания горсовета.

Невольная его спутница Татьяна уже немного свыклась с обстановкой и пришла в себя. Она перебралась на переднее сиденье, где вполне уверенно, как будто на своем месте, орудовала пилочкой для ногтей. Она начала болтать всякую ерунду, которую Шон пропускал мимо ушей, время от времени кивая головой, хмыкая, пожимая плечами или делая еще какие-то бессмысленные действия на грани автоматизма. Голова его сейчас была забита другим – как построить разговор с Чернышовым. Депутаты, они ж ведь дерганые. Инстинкт самосохранения напрочь отсутствует. Того и гляди орать начнет или из пушки палить.

– А мне вот очень ярко-красные нравятся... – продолжала щебетать Татьяна – Я как-то видела на рынке – такая пре-

лесть. Вот только стоили дорого. Полторы моих зарплаты. Мне такие в жизни не купить.

– Ярко-красные? – переспросил Шон.

– Ярко-ярко красные – вздохнула Татьяна – очень красивые...

Тем временем, Шон уже парковался. Заглушив мотор, он посмотрел на Татьяну.

– Ну что, успокоилась? Тебя куда отвезти? – спросил он.

В бардачке лежал «Макаров» с полной обоймой, но светить его Шон не хотел.

– А можно я еще с тобой покатаюсь? Ну пожалуйста... – послышалась просьба Татьяны – с тобой так интересно...

– Ладно, валяй – холодно ответил Шон. – Сиди тогда здесь, я быстро. И ничего не трогай.

Что ж, придется идти без «Макарова». На свой страх и риск.

– Можно я с тобой? – Татьяна вцепилась ему в рукав – Пожалуйста.

– Нет – Шон отдернул руку – У меня встреча. Важная.

Он быстро выскочил из машины и, пролетев по ступенькам крыльца, вбежал в вестибюль. Дорогу ему сразу же преградил бодрый лысоватый мужичок в бронежилете.

– Вы к кому? – настойчиво осведомился мужичок.

– Депутат Чернышов мне нужен – ответил Шон.

– Кабинет сорок два. А вы кто?

– А я по личному... вопросу.

Мужичок подозрительно посмотрел на Шона. Не часто в горсовет по личным вопросам заходят такие граждане.

– Вы мне паспорт предъявите, пожалуйста – сказал мужичок. В руках у него появилась автономная тревожная кнопка.

Шон растерялся. Он начал демонстративно шарить по карманам.

– В машине забыл – наконец произнес Шон и направился к выходу.

В дверях Шон столкнулся с женщиной, которая вела на поводке таксу. Тут же перед ней, будто из ниоткуда, вырос мужичок в бронежилете.

– Так, гражданочка, а с животными сюда нельзя. – важно произнес он.

– А где ж я вам его оставляю?! – ехидно спросила женщина – Не бойтесь, оно не кусается.

И она двинулась вперед, ни на кого не обращая внимания.

Мужичок в бронежилете догнал ее и, ухватив за талию, стал тянуть к выходу.

– Руки убрал! Архаровец! Опричник! – закричала женщина – Люди, помогите!! Я на вас мэру буду жаловаться!

Мужичок кряхтел, женщина орала, собачка, повиснув на поводке, жалко поскуливала. Шон не стал наблюдать за развитием событий. Улучив момент, он ринулся в коридор, добежал до лестницы, а затем понесся наверх, на четвертый этаж. Задача есть задача, и ее необходимо было выполнить.

Ворвавшись в коридор четвертого этажа, Шон подождал секунду, чтобы успокоить дыхание, а затем спокойным шагом пошел к нужному кабинету.

Двери сорок второго кабинета были открыты нараспашку. Оттуда, пошатываясь, вышел мужчина лет тридцати. Выглядел он неважно: галстук съехал набок, внизу, из-под пиджака вылезла рубашка, светлые волосы были всклокочены, на брюках отчетливо виднелось пятно неопределенного цвета. Мужчина вышел в коридор и, остановившись, начал копаться в портфеле.

Шон, поравнявшись с ним, тихо, но уверенно спросил:
– Вы Чернышов?

Мужчина поднял на него ничего не выражающие голубые глаза.

– Ну я! А что? – произнес заплетающимся языком

– Я от Татарина – коротко сказал Шон.

– Ааааа! – на лице Чернышова появилась какая-то искра понимания. – Ты баб привел?!

Чернышов вновь погрузился в изучение содержимого портфеля.

– Где бабы?! Как так?! – прохрипел Чернышов – Ты пришел от Татарина, и без баб?! Иди, иди давай...

Тут лицо его озарила радость, он достал из портфеля зажигалку.

– Зажигалочка моя, ммм! – он поцеловал свою находку, а потом снова сфокусировал свой взгляд на Шоне и добавил:

– Иди давай, приводи баб, тогда будет разговор – сказал Чернышов.

– И дурь – добавил невысокий коренастый человек, который только что вышел из кабинета – И быстро давай!

– Слышал, что тебе человек сказал?! Быстро давай! – выдохнул Чернышов и фамильярно похлопал Шона ладонью по шее – Сынок...

Шон рассвирепел. Он схватил Чернышова за галстук и уже собирался ударить его лбом в переносицу, но остановился, услышав сбоку от себя щелчок. Этот звук он не спутает ни с чем, когда бы он его ни услышал. Это был звук снимаемого предохранителя.

Шон повернул голову направо и увидел направленный на него ствол. Немного дальше, за стволом, находился державший его мордovorот, стоявший в проеме двери сорок второго кабинета.

– А ну-ка рученьки убрал – хмуро произнес он – и топай ноженьками. Не мешай власти работать.

Шон отпустил Чернышова и показал мордovorоту пустые руки.

– Ладно, ладно – произнес Шон, пятясь назад – Приду потом, в приемный день.

Он рванулся на лестницу и побежал вниз. Сзади была слышна возня и ругань.

Задача осложнялась. Можно было, конечно, отчитаться Татарину. Бабы – это его профиль. Может быть он, даже со-

гласится и на дурь. Смотря какой важности вопрос ему нужно решить. Хотя, с другой стороны, после дури – какой разговор? Разговора может и не получиться. Нужно было доложить Красавчику. А тот пусть решает.

Шон вышел на первый этаж. Скандал, происходивший там, уже набирал обороты. В фойе уже была милиция. Женщина причитала, сидя на стуле, мужичок в бронежилете виновато стоял рядом. Собака, сорвавшись с поводка, забилась в угол.

Шон, не привлекая к себе внимания, повернул в левое крыло. Дойдя до дверей с надписью WC, он, без лишней скромности, открыл ее и, пройдя мимо кабинок, дошел до окна. Резким движением открыв окно, Шон перемахнул через подоконник и скрылся в прилегающих кустах сирени.

Через несколько минут он, на ходу отряхиваясь от паутины, вышел к тому месту, где был припаркован его автомобиль. Татьяна вышла ему навстречу.

– Ну наконец-то – сказала она – отвези меня куда-нибудь, я есть хочу.

– О! А говорил, что без баб! – раздался за спиной хриплый голос – Так это уже другой разговор...

Шон обернулся. В двух метрах от них стоял Чернышов. Мордovorот с коренастым шли где-то вдали. С вождением Чернышов смотрел на Татьяну.

– Это уже другое дело – продолжил он – ну пойдем в мою машину, пососешь.

Чернышов не успел закончить мысль. Шон подскочил к нему и так, как и хотел пятью минутами ранее, изо всех сил ударил его лбом в нос. Чернышов крикнул, опустил на колени, закрыв лицо руками. Между его пальцев на землю потекла кровь.

– Аааа! СУКА! – сипел он – Мочите его! Где вы?!

Мордоворот ринулся в их сторону, на ходу доставая из наплечной кобуры ствол. За ним невядалеке семенил коренастый.

Шон рванул к машине, достал из бардачка свой «Макаров» и саданул, не целясь, два выстрела в сторону бегущего мордоворота. Мордоворот прижался к земле, одной рукой прикрывая голову, а другой увлекая за собой коренастого.

Шон втащил в машину застывшую в ступоре Татьяну и сел за руль. Машина завелась с полоборота.

– А с тобой, говно, я еще поговорю – кинул он через окно, проезжая мимо Чернышова.

Глава 41. Нагорный. Разница менталитетов.

Спартак, Разин, Пугачев – все они проиграли не из-за слабости или предательства,

А исключительно лишь из-за осознания того факта, что бывшие рабы, придя к власти, обязательно

Превзойдут своих хозяев по жадности, жестокости и самодурству.

Записки историка.

Утром я проснулся совершенно разбитым. Вчера я долго не мог уснуть – все лез в голову разговор с Карнауховым. Мало сказать, что он меня озадачил. Он меня, скорее всего, шокировал.

«– Но ведь я уже не молод. А для всего этого, тем более. – говорил я ему.

– Не молод, говоришь? – отвечал прапорщик – Что же ты, может на здоровье жалуешься?

– Не жалуюсь. Но физическая подготовка, конечно уже не та.

– Ну так тебе жечь из мухобойки здоровья много и не надо... Там всего то дела – вовремя не обоссаться. Поэтому там все ветераны... От тридцати и выше. Мне юноши ни к чему. Представляешь, как они будут справляться с нашей за-

дачей? Да при первой же опасности в штаны наложат, будут бежать по полю с полными штанами и орать «Мама!». Мне такие не нужны... Мне нужны такие, как ты. Матерые, повидавшие жизнь. Пусть с травмами, зато знающие, что такое поставленная задача. Пусть стометровку не пробежишь на отлично, зато сделаешь то, что надо без колебаний и гуманистических соплей.»

Я потряс головой и сел, спустив ноги с кровати. Не имею ничего против самой постановки вопроса. Но почему именно я? Такой ли уж я матерый? И сделаю ли я все без колебаний и гуманистических соплей? Неужели совесть мою пора выбросить на помойку?

Проект, в котором мне предлагал поучаствовать прапорщик, носил название «Немезида».

Если быть совершенно точным – спецподразделение «Немезида». При соответствующих данной компетенции органах.

А Немезида – это богиня возмездия.

«– Нельзя все время быть белыми и пушистыми, честными, добродушными. – говорил мне вчера прапорщик – Нельзя быть ко всему терпимыми, нельзя всех подряд уважать. Ты скажешь мне, что это плохо? Скажешь, а как же закон, где же суд и следствие? А я тебе отвечу – так было всегда! И так должно быть. Это война совсем другого уровня. Иначе такие, как Митин и Короленок, до сих пор бегали бы с обрезам.»

Основной задачей спецподразделения «Немезида» являлась ликвидация бандитизма. Полная и безоговорочная. В самом буквальном смысле этого слова. Это означало стрельбу на поражение... И никаких арестов.

«— Заставить я тебя не могу. Но, ты пойми, я на тебя рассчитываю. — сказал он напоследок — Я же вижу, знаю, чувствую, как ты их ненавидишь! Этих ублюдков... Они же нелюди! Они тебя тогда еще чуть не порешили... А сколько было убито? Они ж, как фашисты, им ребенка убить — что в занавеску высморкаться... Думай, Саша, думай... Хорошо думай. А я со своей стороны могу тебе пообещать: как только мы избавимся от этой заразы, ты уходишь на заслуженный отдых... Будем считать, что все это время, начиная с твоей срочной службы, ты проработал в органах госбезопасности... Будешь офицерскую пенсию получать, ну и все льготы соответствующие... Все будет засекречено, ни одна шваль никогда ничего не узнает. Так что, решайся...»

На размышления он оставил мне три дня. Или... или... Нет, конечно, если я откажусь, ничего особенного не произойдет. Так, разве что негласный надзор... Какое-то время. Просто неприятно. Он, выходит, мне доверился, а я...

А что я?

Прапорщик-то на сто процентов был уверен, что я соглашусь. А что остается делать? Идти и уничтожать, ради себя, ради своей страны, ради Майка... Но не стану я тогда таким же, как они? Даже хуже... Возмнившим о себе карателем...

Или оставить все как есть?

Пускай себе борцы с преступностью этим занимаются. Ищут зацепки, свидетелей, выписывают ордера на арест... А в ответ что? Снайперские пули, автоматные очереди в живот и взрывчатка в багажнике...

Бр-р-р-р... Это уже почти Сицилия. Невесело. Совершенно не весело.

Как-то раньше я об этом не задумывался.

Отогнав навязчивые мысли, я, наконец, скинул одеяло, и пошел босиком по прохладному, еще не успевшему накалиться от летнего зноя полу. Надо мыться, бриться, как-то жить дальше. И не думать, не думать ни о чем... Три дня у меня еще есть? Ну что ж, на третий день и решу...

Проходя мимо кухни, я увидел, как Майк хозяйничал на кухне. Он тонким слоем раскатывал тесто. Кажется, решил взяться за чебуреки. Я хотел незаметно проскочить в ванную, но не тут-то было...

– Доброе утро, отец. Как спал? – донеслось с кухни.

Я, как был, в трусах и майке уселся на табуретке.

– Доброе утро... Да, знаешь, с переменным успехом...

Только вот живот торчит совершенно не спортивно. Совершенно не подходяще для бойца спецподразделения. Видел бы меня прапорщик в таком виде, в жизни бы ему в голову мысль не пришла мне такое предлагать...

– А ты? Как дела с павильоном? – спросил я в ответ.

– Отлично! Все просто замечательно! Я уже почти расста-

вил всю мебель, прибил полки. Товара, жалко, очень мало. Поэтому мне надо будет на пару дней уехать в Джизак. Вернусь, привезу еще – и можно будет начинать.

– Да... Можно будет начинать... Послушай, забыл тебя спросить – а ты вчера с кем это разговаривал?

– Я? Вчера?

– Ну такой человек неприятный. Инвалид какой-то или что? На машине черной приезжал...

– Аааа... Не обращай внимания, папа. У нас в Джизаке тоже были такие люди. Ходили по рынку, требовали деньги. Но это было давно. И этот такой же... Я его просто послал...

Мои опасения подтвердились, и я встревоженно посмотрел на Майка:

– Ты, Майк, будь с ним осторожен – он очень опасен!

Майк, хитро улыбнувшись, посмотрел на меня:

– Знаешь, отец, давай я тебе все же расскажу кое-что. Как обещал... Историю о том, как это было у нас. – Майк вытер руки фартуком и присел на стул – Они у нас появились так же, как, наверное, и везде. Предлагали за деньги так называемую крышу. Порядок, охрана, все дела... Сперва все это действительно было по-честному: они делали свое дело и мзда, которую они брали, была не велика.

– Ну а потом выиграла жадность – продолжал Майк – Аппетиты выросли. Как и следовало ожидать, появились такие, которые платить не смогли. Тогда на тех, кто не платил, стали наводить воров, портили им товар. А потом бандиты по-

чувствовали свою власть и стали бить этих несчастных прямо среди бела дня. В один день один из торговцев очень сильно повздорил с бандитами. Его затолкали в багажник и увезли. Говорят, в горы. На следующий день он не появился на рынке. Не появился на рынке он и на третий день, по правде говоря, его, вообще, больше никто не видел. Тогда старшие из нас собрались, пошли на встречу и предъявили это бандитам. Но бандиты посмеялись им в лицо, избили, переломали им руки и сказали, что за такой косяк надо собрать большую сумму и принести к ним на «стрелку», иначе они каждый день будут избивать кого-нибудь, ломать им руки, а самых несговорчивых будут увозить в горы. Наши торговцы посоветовались и пошли на «стрелку». Их было сто восемьдесят, а еще к ним присоединились все их родственники-мужчины. Всего вышло примерно тысяча двести человек. Они разделились и подошли на стрелку с разных сторон. Каждый нес с собой в руке камень. У нас в Джизаке очень много камней, особенно в горах. Бандиты почуяли неладное и стали стрелять. Кого-то они ранили, и даже кого-то убили. Но, каждый, кто пришел, бросил в них свой камень, и тысяча двести камней сделали свое дело. Из бандитов никто не выжил. А их было полсотни, не меньше... После этого у нас уже не было таких людей: никто больше не ходил по рынку и не собирал деньги. Я думаю, еще долго на это никто не решится.

Это была очень красивая история. Но я в такие истории обычно не верю. По крайней мере, для наших широт они

крайне нехарактерны.

Я посмотрел на Майка и заметил:

– Знаешь, боюсь тебя разочаровывать, но у нас в Безымянске камней мало. А что касается людей – никто здесь не пойдет под пули. Хоть весь город собери.

– Не может быть...

– Если честно, если тебя на рынке изобьют бандиты, тебе никто даже скорую помощь не вызовет. Это все разница менталитетов. – сказал я.

Майк встал, почесал затылок. Выглядел он озадаченным.

– Как-то здесь у вас странно все – произнес он.

– Но на меня ты всегда можешь рассчитывать... – ответил я ему и вышел из кухни. Надо мыться, бриться и как-то дальше планировать свое существование. И скорее всего, прапорщик прав – не стоит быть белым и пушистым.

А Немезида... Немезида – это богиня возмездия. И по всей видимости, работы для нее будет очень много.

Глава 42. Шон. Разбираться, так разбираться.

Судя по всемирной истории, человек человеку – вообще, непонятно, кто...

Из записок историка

Шон смотрел на дорогу, выруливая между автомобилями. Близился конец рабочего дня, и транспортный поток становился все более напряженным. Осталось всего одно дело... Значит и его рабочий день скоро закончится. Если, конечно, всю эту жуть, которой он каждый день занимался, можно назвать работой.

Татьяну он высадил возле «Парнаса». Там же, откуда он ее увез несколько часов назад. Когда они отъехали от здания горсовета после расправы над Чернышовым, она просто молчала, потом начала рыдать, потом дико ругалась, потом опять молчала, потом снова плакала. Не понятно было, что ее так сильно взбудоражило: страх за себя, когда началась перестрелка, жестокость, с которой Шон избил Чернышова или цинизм самого Чернышова.

Потом она попросила Шона остановиться и вышла, сказав напоследок, что хочет выпить. Выпить с кем-нибудь, пусть даже это будет шпана из «Парнаса». Выпить и забыть все это. Забыть и не чувствовать себя жвачкой. Жвач-

кой между второй и третьей сигаретами. . .

Она уверенно пошла в сторону знакомых массивных дверей, не попрощавшись. Шон посмотрел ей вслед и сказал, скорее себе, чем ей:

– Ну будь здорова. Живы будем, увидимся.

Потом вновь взревел мотор, взвизгнули колеса и Шон поехал дальше. Остался Прапор.

Шон взглянул на часы. Была половина шестого. Не слишком поздно, чтобы наведаться в гости. Хотя и не слишком рано.

Он порылся в карманах, нашел листок бумаги с адресом и развернул его одной рукой, другой рукой держась за руль. Улицу эту он знал, это был район старой панельной застройки. Осталось только взять нужный пеленг, а затем найти дом, где жил Прапор.

Через несколько минут езды качество дорожного покрытия существенно ухудшилось. Машина стала подпрыгивать на ухабах. Медленной езды Шон не любил.

Пистолет все так же болтался у него за поясом. Шон достал его и бросил на сиденье рядом.

«Не хватало еще яйца себе прострелить напоследок» – подумал он.

Стоя на перекрестке, он достал новую обойму, перезарядился и уже собирался кинуть свою вольту в бардачок, но потом остановился, и вспомнив про громилу в кабинете Чернышова, поставил оружие на предохранитель и спрятал в

карман куртки.

– Посмотрим еще, кто кого – сказал Шон сам себе и посмотрел в зеркало заднего вида. Сзади все было спокойно.

За перекрестком появился дом, который он искал. Серая панельная громада. Бывший дом офицерских семей, а ныне жилье, мягко говоря, «эконом-класса», где селились все, кому придется. Включая люмпенов, выселенных из центра за антисоциальный образ жизни, колхозников, приехавших в город на заработки и военнотружеников – контрактников. В таких домах можно было годами жить, не зная толком, кто твои соседи по площадке.

Шон въехал во двор и, довольно шумно, до черного дыма из выхлопной трубы, припарковался, въехав задним ходом на высокий тротуар. Шон, выскользнув из машины, прошел к подъезду мимо забивавших «козла» пенсионеров, чувствуя на себе недобрые взгляды.

– Сталина на вас нету – просипел кто-то за спиной.

В подъезде воняло куревом и мочой. Пришлось подниматься на третий этаж, переступая через битые стекла и задохшее дерьмо. Стены были испещрены какой-то абракадаброй, металлические прутья, на которых должны держаться перила, были покорежены, словно после взрыва. Перил, как таковых, не было.

Вот и нужная квартира. Шон остановился перед дверями, расправил плечи, прошелся пятерней по стриженной почти под ноль голове и нажал кнопку звонка. Внутри что-то за-

пиликало и через несколько секунд дверь слегка приоткрылась. Оттуда выглянул молодой мужчина невысокого роста в камуфляжных штанах и тельнике. Взглянув на Шона, он понимающе кивнул и вышел в подъезд, тихо прикрыв за собой дверь.

– Ну что, армия? Что принес? – тихо спросил Шон.

– Деньги я комбригу передал – зашептал прапор – но приехала проверка...

– И че? – холодно перебил его Шон.

– Сейчас ничего нельзя сделать, надо ждать, когда уедут.

Шон мог бы его понять, но его сегодня чуть не грохнули. Два раза. Из-за какой-то полоумной бабы, которую он по своей глупости вознамерился спасти от приключений.

Он выхватил пистолет из кармана, снял с предохранителя и направил его в лицо Прапору.

– Тебе бабло дали? – спросил Шон.

– Дали... – Прапор побледнел, голос его задрожал.

– Где товар?

Прапор молчал.

– Где товар, твою мать, я тебя спрашиваю?! – утратив всякую осторожность Шон повысил голос.

– Будет... Через пару дней... Я обещаю – Прапор с трудом подбирал слова.

– Жду до завтра – жестко сказал Шон – Не будет оружия – гони назад бабло. Завтра включаю счетчик.

За спиной Шона скрипнула дверь. Он быстро обернулся,

автоматически направив оружие на источник звука. Дверь в квартиру Прапора была приоткрыта, но в проеме никого не было. Шон опустил взгляд ниже и увидел там пару испуганных карих глаз. Это была девочка лет шести.

– Папа, ты там скоро?! – спросила девочка – Мне уже скучно.

– Сейчас, золотко, папа уже скоро... – ответил Прапор.

Шон опустил пистолет. Коротко глянув на Прапора, он кинул:

– В-общем, ты меня понял.

Прапор молча стоял, опустив глаза. Спрятав оружие, Шон обошел застывшего Прапора и стал спускаться. Когда он вышел из подъезда, старикашки кричали друг на друга, брызжа слюной, и он прошел мимо них незамеченным. Он сел в свой автомобиль и рванул с места, звонко ударившись глушителем о бордюр.

А теперь домой... Нет, сначала в магазин. Купить чего-нибудь пожрать и бутылку вискаря. Нет, лучше водки. И красного полусухого. А еще лучше шампанского. А потом домой. И никаких дел. И никаких мыслей.

Выпить сразу залпом стакан «северного сияния» или какого-нибудь еще очистителя мозгов. И покурить. А потом, когда уже станет на всех наплевать, сварить себе «дошик» или пельмени. И нажраться до отвала. А потом выпить еще один стакан, не торопясь, смакуя, со смачной отрыжкой. И развалиться в кресле.

И посмотреть какой-нибудь тупой сериал. А еще лучше порнуху. Пожестче. Где грудастых чешских сучек таскают за волосы и трахают в задний проход.

Чтобы забыть все это дерьмо и не вспоминать... Чтобы не помнить.

Чтобы до утра убить этот мозг. А утром проснуться с чувством легкой амнезии и попытаться прожить еще один день.

Когда Шон с двумя увесистыми пакетами из супермаркета поднялся к дверям своей квартиры, он увидел торчащую из дверей записку. Развернув ее, он узнал почерк Красавчика:

Лошара из Сайгона берега попутал.

Разберись, пжл.

П-ч.

Шон скомкал бумажку и сунул ее в карман. Он открыл дверь, зашел внутрь и опустил пакеты на пол прихожей. Жалобно звякнуло стекло бутылок. Шон порылся в одном из пакетов и достал оттуда бутылку водки. Быстрым движением он свинтил с бутылки пробочку. Сделав хороший глоток, он закрутил пробку и поставил початую бутылку на трюмо. Шон посмотрел на свое отражение в зеркале и хищно осклабился.

Что ж разбираться, так разбираться. Это мы можем... «Макаров» все еще лежал в кармане куртки.

Шон вышел, захлопнул дверь, спустился к своей машине и открыл багажник. Там одиноко лежала металлическая канистра с бензином.

Разбираться – это всегда пожалуйста...

Шон закрыл багажник и нащупал в кармане зажигалку.

Глава 43. Нагорный. Крушение надежд.

Нам на самом деле нечего терять, кроме своих оков, поскольку все, что мы имеем, является оковами

И. Чекомазов.

Мне снился прекрасный сон. Редко снятся такие чистые, чудесные сны. Я шел босиком по полю. Вокруг меня никого не было. Я чувствовал, как ноги мои утопают в мягкой, шелковистой траве. Отовсюду на меня лилась прекрасная музыка. Она была прекрасней всего на свете. Мне казалось, что эту музыку я уже когда-то слышал. И я пел. Из меня вырывались слова, которые казались мне знакомыми с самого детства. Я пел и шел по траве. Это было так прекрасно. И это было так просто, и ничего не надо было делать больше.

А потом земля вздрогнула, небо потемнело и раздался короткий резкий неприятный звук – какой-то тревожный трубный глас. Он ворвался в мой сон и опять затих. Я огляделся по сторонам, а потом на меня опять полилась чудесная музыка, и я снова пел и шел по траве.

А потом глас повторился, налетел ветер, я еле устоял на ногах. Земля стала уходить у меня из-под ног. Меня обуял панический страх. Но потом снова все затихло, и опять на меня полилась музыка. Она стала тише, но я снова запел.

В третий раз глас был уже таким громким, будто прямо надо мной кто-то трубил в гигантский рог. Я упал в разверзшуюся подо мной трещину и проснулся.

Изо всех сил надрывался дверной звонок. Я нащупал выключатель и включил свет. За окнами была глухая ночь. Звонок орал, не переставая. Я встал и накинул на себя халат. Сердце бешено колотилось.

Я пошел к двери, мельком глянув на часы. Было два часа ночи. В любом случае звонок в дверь в такое время не сулил ничего приятного.

Постель Майка была аккуратно заправлена. Я вспомнил, что накануне вечером он отбыл в Джизак договариваться о поставках первых партий товара. Я взял в руку молоток и спрятал его в широком рукаве халата. Не спрашивая, кто – в таких случаях это почти никогда не дает никакой пользы – я повернул замок и резким движением распахнул дверь.

На пороге стоял человек в форме.

– Вы Нагорный? – спросил он.

– Я – Нагорный. – ответил я.

– Александр Сергеевич? – спросил он.

– Александр Сергеевич. – подтвердил я.

– Я – майор Колосков. – сказал он – Одевайтесь. Поедете со мной.

– С вещами? – спросил я.

Форма не была похожа на милицейскую. Милиция сейчас носит «мокрый асфальт».

– Шутить изволите... – горько усмехнулся Колосков.

И на военную, камуфляжную, не похожа. Это другая – какая-то темно-бирюзовая.

– Я – майор пожарной охраны. – продолжал Колосков.

– Я ничего не поджигал – быстро ответил я.

– Вы не поджигали – подтвердил Колосков – Другие подожгли. Собирайтесь. Сгорел ваш павильон...

Вообще, это, наверное, прекрасно – теплая летняя ночь. Но не тогда, когда едешь на офицерском пикапе осматривать пепелище. Наскоро одетый, не выспавшийся, я сидел на пассажирском сиденье. Рядом крутил баранку Колосков. На его лице не было никаких эмоций. Для него это была просто работа.

Никаких особых эмоций не чувствовал и я. Возможно, это была еще та стадия, когда не веришь в дурные вести, или их не понимаешь, или думаешь, что все еще обойдется. Я еще не осознавал, что сейчас мы с Колосковым едем осматривать наши с Майком рухнувшие надежды.

Когда мы вышли у ворот, нас там уже ждал директор рынка. Он, недовольный, с посеревшим лицом, стоял под фонарем, засунув руки в карманы. Увидев нас с Колосковым, он сразу вскинулся:

– Что, Нагорный, допрыгался?! А если б полрынка сгорело с твоим сараем?! Ты почему проблемы свои не решаешь, а?!

– Пойдемте с нами – сказал ему Колосков – подпишете

акт о пожаре.

Когда мы подходили к месту, я осознал все масштабы бедствия. Уже от самых ворот чувствовалась гарь. Рядом с павильоном бойцы трех расчетов в полной экипировке скатывали шланги, заправляли их обратно в машины и собирались уезжать. Я посмотрел на павильон. Вернее, на то, что от него осталось.

Огромный, накренившийся на бок сугроб пены оседал, обнажая покореженные, обуглившиеся стены, выбитые окна, сорванную с петель дверь, открывавшую черный разверстый зев, из которого валил пар, казавшийся в желтоватом свете фонарей ядовито-зеленым. Мимо моих ног в решетку ливневой канализацию стекал грязно-серый поток воды.

Вот теперь внутри у меня все упало. Я кинулся к этому черному зеву, но майор Колосков меня остановил.

– Сейчас не стоит – сказал он, схватив меня за руку – Опасные продукты горения могут еще оставаться в воздухе.

Я сел на бордюр перед павильоном, почти не слушая то, что говорит майор. До моего сознания доносились лишь обрывки фраз: «очаг возгорания... снаружи... почти у входной двери... тушение водой не дало эффекта... горючее вещество... возможен поджог».

Потом я подписал какие-то бумаги, и директор рынка подписал какие-то бумаги. Потом директор рынка ушел, бормоча под нос обвинения в мой адрес.

Колосков сунул мне в руки листки бумаги:

– Возьмите.

– Что это? – спросил я.

– Акт о пожаре – ответил Колосков.

– Зачем он мне? – спросил я.

– Берите – ответил Колосков – Будет возбуждено уголовное дело. И пока ничего не делайте с этим – он указал на сгоревший павильон. Будет проводиться экспертиза.

Потом майор предложил подвезти меня домой. Но я отказался. Майор ушел, а я остался сидеть на бордюре. Не выспавшийся, наскоро одетый. На ногах у меня были домашние тапки.

Я сидел и думал. Мне не представлялось, как мы все это будем восстанавливать, сколько это будет стоить денег, времени, сил. Я не знал, как это все воспримет Майк. И вообще, как это все будет. Я не знал и не хотел об этом думать. Думать об этом мне было страшно. Делать ничего не хотелось. Хотелось биться головой об стенку и плакать.

Начало светать. Я взял себя в руки, поднялся и, наплевав на предупреждение майора и продукты горения, подошел к павильону. Переступив через оплавленную вывеску, я поднялся на крыльцо. Острый запах гари ударил мне в нос. Я вошел внутрь. В предрассветном сумраке там все казалось иссиня-черным. Я поднял голову и увидел, как сквозь дыру в прогоревшем потолке просвечивает тяжелое серое небо. Под ногами хрустели какие-то осколки. Я обернулся и пошел назад, ориентируясь на отсвечивающий сумеречным светом

проем двери.

На улице я вдохнул свежего воздуха, но казалось, что гарь уже навсегда въелась в легкие. Испытав сильный приступ кашля, я согнулся. Когда я откашлялся, я выпрямился и, не торопясь пошел к выходу. Прямо перед собой, в двадцати метрах по курсу, я увидел темный силуэт чайной. Два дня назад я был там. Я стоял там и смотрел сюда, на свой павильон, на это место, где я сейчас стою. Смотрел и видел то, что мне сильно не понравилось.

А до этого у меня был разговор. Разговор с прапорщиком Карнауховым.

Я подошел к дверям чайной и сел рядом на землю, опершись уставшей спиной о стенку. Сел и стал ждать. Когда-нибудь эта чайная откроется. И когда-нибудь, я это знаю, в эту чайную зайдет прапорщик Карнаухов.

Глава 44. Шон. Никаких сафари.

Кого ты, тот и тебя

Восьмой закон Гермеса Трисмегиста.

Шон въехал во двор и, довольно шумно, до черного дыма из выхлопной трубы, припарковался, въехав задним ходом на высокий тротуар. Шон, выскользнув из машины, прошел к подъезду мимо забивавших «козла» пенсионеров, чувствуя на себе недобрые взгляды.

– Сталина на вас нету, смотри до чего оборзели – просипел кто-то за спиной.

Шон обернулся и увидел много людей, стоявших у высокого каштана. Что там происходило, он не видел. Шон подошел поближе и стал продираться сквозь толпу. Ему показалось, что там должно быть что-то очень важное.

– Такой молодой... – простонал рядом женский голос.

– И дочка маленькая осталась – подхватил еще один.

Толпа расступилась и Шон замер в ужасе. Он оказался один в пустом круге, вокруг которого плотно стояли люди. Прямо в центре этого круга перед ним болтались, покачиваясь на ветру ноги в камуфляжных штанах.

А потом зазвонил телефон, и Шон проснулся. Подойдя на непослушных ногах к тумбочке, на которой стоял аппарат, он снял трубку.

– АЛЕ! – недовольно и резко ответил он.

– Здорова, придурок! – послышалось в ответ.

– А, кто это? – неуверенно спросил Шон.

– Ты что там, берега попутал?! А ну срочно ко мне!!! Фокусник, бя... – прозвучало в ответ, а затем раздались короткие гудки

Звонил это, конечно, Красавчик. Больше и звонить-то было некому...

Шон неприязненно посмотрел на себя в зеркало. Лицо опухшее. Глаза красные. Во рту привкус ваты. Щетина уже переросла все допустимые пределы. Надо срочно приводить себя в порядок.

Шон с неохотой пошел в ванную.

Через некоторое время, посвежевший, гладко выбритый, пахнувший дорогим одеколоном, со свежим дыханием, Шон вышел, накинув на плечи полотенце. Он зашел на кухню и допил початую бутылку «Боржоми». Затем он вернулся в комнату. Чувствовать себя он стал получше, вот только на душе было беспокойно. На стуле лежала футболка и джинсы. Шон взял одежду брезгливо двумя пальцами и бросил в стиральную машину. От футболки несло потом, гарью, бензином и алкоголем. Джинсы были не лучше – от них, хоть и не разлило так сильно, вид у них был такой, словно Шон в них прошел пешком километров пятьдесят по сильно пересеченной местности: бурые, зеленые и желтые пятна, и огромная дыра на правом колене.

Шон извлек из шкафа еще одну футболку и спортивные штаны, а потом стал одеваться. На душе было беспокойно. Вчера для недовольства Красавчика были вполне понятные причины. Сегодня же причины эти были крайне неясны.

Наконец Шон оделся, обулся и вышел во двор. Там у кустов стояла его боевая машина Ауди-100. Не какой-то там, Пассат, естественно... Он открыл дверь, сел за руль, завелся, выехал задом из кустов и, вывернув руль, неторопливо поехал.

Через полчаса он подъехал к дому Красавчика. Красавчика видно не было. У ворот стояла хорошо знакомая ему братва. Быба ходил туда-сюда, прихрамывая и прикрывая руками пах. Длинный сидел на корточках и докуривал дымящийся обрубок фильтра. Вася Сенокос стоял, скрестив руки на груди, с голым торсом, и подставлял летнему солнышку свои «купола».

Из-за дома появился Красавчик. В черной футболке, бермудах в цветочек и черных шлепанцах типа «сланцы». Красавчик заметно нервничал.

– Тащите этого урода сюда! – крикнул он.

Шон напрягся, но не успел ничего сделать. Длинный с Сенокосом схватили его за руки и, протаскив шагов десять, швырнули в уже знакомый шезлонг. У стоявшего рядом Красавчика в руках откуда ни возьмись оказался моток скотча. Того самого, серого. Не прошло и полминуты, как руки Шона оказались примотанными к подлокотникам.

Шон начал дрыгать ногами, пока не подоспел ковылявший позади всех Быба и не ударил его с размаху по коленям каким-то поленом.

– Ааа! – заорал Шон – Что за развод!

Потом он получил от Красавчика хорошую оплеуху.

– Будешь орать – еще и рот заклею – спокойно произнес Красавчик и уселся на шезлонг напротив.

Длинный и Сенокос сели недалеко на скамье. Быба стоял, опершись двумя руками о полено.

– Я, конечно, могу понять, что ты начал шмалять в Парнасе. – сказал Красавчик, в упор глядя на Шона – Хрен с ним! Хрен с ним, что сын военкома остался без глаза. Это все мелочи!

– Хрен с ним, что ты засветился на чужой территории с этой бабой полоумной – красноречие Красавчика было выше всех похвал – Теперь каждая блядь в городе знает, что у меня какие-то непонятки с Татаринком. Это ладно... Но зачем ты покурошил депутата, дебила кусок?! ДЕПУТАТА! Он полгорода крышует. Ты ему нос сломал. Он сейчас нам маски-шоу устроит... Ты, придурок! Зачем ты туда вообще полез, идиот!!

Красавчик махнул рукой. Сенокос покачал головой:

– Монгол там работал... Не будь ты такой везучий, Шончик, он бы из тебя решето сделал.

– А Прапор?! – вновь завопил Красавчик – Ты зачем так на него наехал?

– Он, что, повесился? – переспросил Шон.

– Повесился... – уныло повторил Красавчик – Лучше бы он повесился. Явку с повинной он написал. Сдал всех нас, как стеклотару. Сидит себе, в «американке» парится... Хрен его достанешь. А мы тут сидим на шухере, ни одного ствола, весь арсенал к Зосику на дачу увезли... В любой момент покемоны могут заявиться.

Тут запиликал лежавший на садовом столике телефон – огромный черный агрегат с антенной. Красавчик ловким движением схватил его и поднес к уху:

– Ал-ле! – протянул он, удаляясь за сарай.

Длинный сочувственно посмотрел на Шона и присвистнул:

– Накосячил ты, братан, будь здоров. Жди сафари...

Сафари – это, конечно, серьезно. Таково было наказание для тех, кто серьезно провинился, провинился перед Красавчиком, но в то же время, заслуживал второго шанса. Те, кто второго шанса не заслуживал, обычно умирали не очень героической смертью, получив половину обоймы в живот.

Суть сафари состояла в том, чтобы прокатиться по окрестностям, привязанным за руки к заднему бамперу джипа Красавчика. Сама экзекуция занимала немного времени, что-то около пятнадцати минут, а наказуемый, ежели не получал в ее процессе несовместимых с жизнью травм и не становился инвалидом, получал в дальнейшем безмерное его, Красавчика, уважение, и несомненное повышение статуса.

Как говорится, худа без добра не бывает.

Неожиданно из-за сарая появился Красавчик.

– Никаких сафари – строго сказал он – Здесь другая тема нарисовалась.

Он подошел к Шону, достал из кармана складной нож и стал разрезать жгуты скотча.

– Пойдешь к Шиху на трассу. У них там сейчас опасно... Людей мало. Вот там тебе мозги и вправят. Если копыта не отбросишь...

Красавчик, закончив резать скотч, сложил нож, и, с восхищением посмотрев на Шона, хлопнул его по плечу:

– Нет, ну не боец, а просто чудо! – сказал он, еле сдерживая смех – «Сайгон» спалил к херам собачьим...

Шон встал, снимая с рукавов остатки скотча.

Глава 45. Нагорный. «Немезида» в действии.

Руки у нас длинные, зато разговор будет короткий.
Слово и дело.

Темно-синяя Вольво неслась на огромной скорости по пустой двухполосной трассе. Слева проносилось неровное поле, поросшее кустарниками, время от времени прорезаемое неглубокими овражками, на склонах которых росли маленькие деревца. Справа было редколесье. Сквозь деревья прямо мне в лицо светило солнце. Я отвернулся от окна и смотрел в затылок прапорщику Карнаухову, сидевшему передо мной, и внимательно слушал то, что он говорит.

– Внимание и осторожность – вот, что вам надо. Не в игрушки играете. Бандиты хорошо вооружены. Никаких размышлений! При нападении валить всех! Таков приказ!

На коленях у меня покоился, слегка придерживаемый рукой в кевларовой перчатке, тяжелый, прохладный пистолет-пулемет системы Стечкина. В комбинезоне было жарковато, но приходилось с этим мириться – по крайней мере от случайных пуль он защищал.левой рукой я придерживал шлем с забралом из оргстекла, внутри которого потрескивало переговорное устройство.

– По оперативной информации – продолжал прапорщик

– один из бандитов, переодетый в инспектора ГАИ останавливает автомобили. Когда автомобиль останавливается, из укрытия нападают остальные. Грабят, избивают, расстреливают...

Прапорщик с водителем были одеты в бесформенные вязаные свитера, под которыми угадывались очертания бронежилетов. Если бы не слишком суровые выражения лиц, они, наверное, смогли бы сойти за колхозников. Или торгашей.

– У нас с Эдуардовичем самая сложная миссия – быть приманкой. Мы действуем по обстановке, не выдавая себя. У вас иная задача.

Да, у нас была иная задача. Сзади, за тонированными стеклами, сидели три человека. Три человека, вооруженные до зубов, в полной амуниции. Я был одним из этих людей. Я сидел у правой задней двери, прямо за прапорщиком. Своих товарищей я не знал даже по именам. Я знал только то, что их позывными были «четвертый» и «пятый». Я был «третьим».

– Как только начинается перестрелка, – четко говорил прапорщик, – вы открываете стрельбу на поражение. И неважно, кто начал стрелять – бандиты или мы с Эдуардовичем.

Редколесье справа кончилось и начался самый настоящий хвойный лес, солнце перестало меня слепить. Я понял, что дело близится к закату.

– Еще раз повторяю – продолжал прапорщик – только физическое уничтожение. Никаких разговоров и никакой воз-

ни. Такова установка и таков приказ. Пленных не брать. Задержаний не производить. Тех, кто спасается бегством, догонять и уничтожать. Амуницию и оружие не терять, следов не оставлять. Трупы мы забираем с собой. Шлемофоны не снимать.

Лес становился все гуще и темнее. Мы подъезжали к так называемому сектору «30». Здесь уже могли находиться бандиты, и прапорщик приказал всем одеть шлемофоны. Из наушника доносилось потрескивание. Потом послышался гнусавый голос:

– Третий. Прием, как меня слышно?

В наушнике зафонило.

Поморщившись, я ответил:

– Отлично слышно.

Я взял Стечкина наизготовку и снял с предохранителя. Шутки кончились. Наушник тихонько потрескивал. Забрало шлемофона надвинулось прямо на глаза, и я слышал свое шумное дыхание. Я пристально смотрел вперед и видел там застывший, словно одеревеневший затылок прапорщика. Краем глаза я заметил, как у Эдуардовича по шее стекает капелька пота.

Я почувствовал, как вздрогнула нога сидевшего рядом со мной бойца.

Сейчас, сейчас. Минут через пять все начнется. А потом очень быстро закончится. А может быть, начнется позже, через полчаса, когда мы будем делать второй круг. Или через

час.

Или никогда. Может быть они там уже сами что-то не поделили и друг друга перестреляли. Это на них очень похоже.

В конце концов, почему я волнуюсь? Такие, как они, сожгли мой павильон. Такие, как они, в любой момент могли убить или искалечить меня, Майка, дядю Ибрагима. Да практически любого. Так что, это всего лишь очередная грязная работа.

Должен же кто-то выполнять грязную работу.

А может быть всякая человеческая жизнь бесценна? Не важно, чья... Есть хищники, есть жертвы. Кто-то считает себя санитаром леса.

Я прикрыл глаза. Скорей бы уже. Выехать уже за пределы опасного сектора, сорвать с себя хотя бы этот дурацкий шлемофон. Или... Покончить со всем разом... Всего лишь несколько минут стрельбы... А потом на полигон. А там все уже давно готово...

Я услышал, как Эдуардович тихо чертыхнулся и отчетливо произнес:

– Есть контакт...

Я почувствовал, что скорость автомобиля начала снижаться. Открыв глаза, я увидел, как наш автомобиль съезжает в сторону. Впереди стоял человек в светоотражающем жилете и фуражке. Он вращал полосатым жезлом и указывал по направлению к обочине.

Прапорщик прикрыл себе колени какой-то сумкой. Авто-

мобиль резко остановился, и я слегка клюнул головой вперед, уткнувшись забралом в спинку кресла. Эдуардович опустил боковое стекло со своей стороны. Человек в фуражке медленно приближался, лениво размахивая жезлом.

Двигатель заглох и наступила звенящая тишина. Наушник в шлемофоне перестал потрескивать. Я ухватил поплотнее рукоять Стечкина, и перчатка тихонько скрипнула.

Эдуардович медленно, как в замедленной съемке, положил руки на руль. Прапорщик застыл, словно сжатая пружина.

Инспектор приблизился к водительской двери и, вдруг, ничего не говоря, достал из кобуры пистолет, и выстрелил по левому переднему колесу.

Я понимал умом, что начинать действовать еще слишком рано, но рефлексy были сильнее. Условный сигнал поступил, и приказ должен быть выполнен.

Я потянул за ручку открывания двери и, держа в двух руках тяжелый Стечкин, одним движением выскочил из машины, встал во весь рост, уперся локтями в крышу автомобиля и выстрелил в хорошо заметную мне голову инспектора.

Глава 46. Шон. Крошево.

Человек совершает то, что ему суждено совершить,

Время и место значения не имеют.

Теория фатальной относительности.

Шон стоял среди деревьев, сунув руки в карманы куртки. В правом кармане он придерживал отдававший приятной прохладой ствол. В левом – нащупывал две запасные обоймы.

В бусе, на котором они сюда приехали, был целый арсенал. Ших постарался. Чего там только не было. Но арсенал арсеналом, а Шон больше доверял своему оружию – лишь заполнил патронами отстрелянную обойму.

Место было хорошее, хлебное. Пока не разнеслась о нем дурная слава. Патрулей здесь почти никогда не было – слишком глухо, патрули стоят на соседней трассе. Зато контрабандисты, торговцы-нелегалы, дальнобойщики, везущие паленый товар. Они-то те патрули и объезжают. Улов в любом случае обещал быть хорошим.

Решили расположиться в лесу, перед тем, как дорога делает плавный поворот. Бус затолкали между деревьями в лес, чтобы не вызывал подозрений. Зато выкатили старые ментовские «Жигули». Лопух надел на себя форму гаишника. Он стоял с важным видом у дороги. Морда у него бы-

ла подходящая, и выглядел он очень натурально. Чудак залез на невысокую сосну и смотрел в бинокль. До поворота был длинный ровный участок, все подъезжающие автомобили можно было хорошо рассмотреть. Предосторожность была не лишней – лезть на всех подряд нынче стало опасно. В проезжающем мимо транспорте запросто могли оказаться какие-нибудь залетные бандюки, и тогда банальный гоп-стоп мог перерасти в настоящую криминальную войну.

Засад можно было не бояться – информация о наличии таковых всегда была своевременной и точной, ведь у Шиха в органах были свои люди. Куда хуже было, не разобравшись, раздраконить полную машину наркоты, проехавшую не одну тысячу километров, которую уже поджидают на границе, чтобы без шума и пыли пропустить по зеленому коридору. Если такая машина не доедет, будет много крови.

Правда, пару месяцев назад странные типы устроили Шиху крошево. Жертв почти не было – скорее всего, просто брали на испуг. Но страшило в этой ситуации как раз то, что все надежные источники в тот период молчали. Молчал даже всемогущий Комитет. И это заставляло задуматься.

Вот поэтому сидел Чудак на сосне, и по каким-то своим, одному ему известным признакам, принимал решение, и соответственно, давал сигнал Лопуху: «Пропусти!» или «Тормози!».

Шон внедрился в эту бригаду вместо какого-то Ушлого. Ушлый был отморожком что надо, не ведал ни стыда, ни

страха, Ших на него молился, как на Божью мать, но совсем недавно, на одном из таких наскоков, Ушлый получил полный заряд дробы в хлебало от какого-то борзого деда и, не приходя в сознание, благополучно отбыл в мир иной. Деда, конечно, после этого превратили в решето, но Ушлого это не спасло. Потери есть потери.

Шона, как новенького, поставили на подхват. Подхват – это значит сидеть в кустах и не высовываться, внимательно за всем смотреть, и, если что-то идет не по плану, палить со всех стволов прямо из кустов, прикрывая своих товарищей.

Все, в общем-то, пока неплохо. Вот только что-то муторно как-то, и живот крутит. Мандраж? Да, вроде, нет. Просто вчера перепил.

Метрах в пяти от Шона стоял Суслик. Он со скучающим видом смотрел, как переговариваются Лопух с Чудаком.

– Ну что там на горизонте? У меня уже руки чешутся – кричал Лопух.

– Погоди, не гони – раздраженно ответил Чудак – Едут два лоха... Но один проблем – не вижу я, что у них там сзади. Темно, как у негра в жопе.

– Значит барахла много – отрезал Лопух – Пушки там готовы. Я пошел.

И Лопух выскочил на дорогу, взмахнув полосатым жезлом.

Шон начал нервничать, в животе у него забурлило.

– Слышь, братан, я на секунду – кинул он Суслику – что-

то срать припекло...

Суслик презрительно покосился на него, сплюнул и произнес сквозь зубы:

– Валяй, без тебя справимся.

Он взял на изготовку Вальтер. Лопух уже затормозил машину. Сейчас начнется веселье.

А тот, кто на подхвате – он, фактически, и не нужен. Там, с другой стороны дороги стоит Димон, и они налетят с двух сторон и постреляют этих лохов.

А потом машину отгонят, выпотрошат до нитки и отвезут Самоделкину перебивать номера. А если попадетсЯ автохлам – сожгут или утопят.

А лохов... Лохов добьют... Или прострелят ноги и бросят в лесу, что, практически, тоже верная смерть – грибников тут почти нет, зато есть волки... Но шансы все-таки есть... Лопух с Чудаком ведь не фашисты.

Шон еле добежал до кустов малины. Он стянул штаны и, расположившись в позе лебедя, издал громкий неприличный звук.

О, какое облегчение! Как мало иногда для счастья надо.

Вся процедура заняла не более минуты, и он уже бежал назад, когда раздалась череда выстрелов.

Значит, началось. Он побежал быстрее, на ходу доставая из кармана ствол. Нужно было увидеть, что творится на дороге. Если Чудак узнает, что его на месте не было, не видать ему своей доли.

Добежав до подлеска, Шон остановился как вкопанный.

На дороге стояла темно-синяя Вольво. Все двери ее были открыты на распашку. У водительской двери в луже собственной крови лежал, широко раскинув руки, Лопух. Между бровей у него была аккуратная ровная круглая дырка.

Двое «покемонов» тащили за руки и ноги истекающего кровью Суслика. Голова его безвольно запрокинулась, повиснув на тонкой шее.

Третий «покемон» прижал Димона к асфальту лицом вниз. В ту же секунду к ним подошел один из лохов в черной куртке. Лох взял у «покемона» пушку и выстрелил Димону в затылок.

Справа сверху в ветвях послышался слабый треск. Шон, замирая от ужаса и втянув голову в плечи, посмотрел наверх, и увидел, как Чудак сползает вниз по сосне, обхватив ствол.

Тут же раздалась очередь, и Чудак сорвался, упав в мох, как куль, на спину, успев прохрипеть:

– Ссука... Ты чего стоишь?

Шон кинул взгляд к машине. Лох в черной куртке отрывисто произнес:

– Третий, там еще один.

Один из «покемонов» посмотрел на Шона. Их взгляды встретились.

– Третий, надо уничтожить.

«Покемон» ринулся вперед, а Шон, отбросив в сторону ненужный теперь Макаров, развернулся и кинулся бежать,

задыхаясь от страха и бессильной злобы, не разбирая дороги,
продираясь сквозь ветви, бурелом и овраги, напролом.

Глава 47. Нагорный. Дорога иного сорта.

Многие ситуации кажутся нам безвыходными, потому что, на самом деле, ищем мы не выход, а вход.
Игорь Чекомазов.

Потом все происходило, как в замедленной киноленте. Бандит в форме гаишника все еще падал на асфальт, а я уже отбежал от двери и направил оружие в сторону леса. И через долю секунды только осознал, что вместе с прапорщиком уже наспиговал пулями бегущего в нашу сторону со стороны леса верзилу, размахивавшего пистолетом.

Верзила запнулся и покатился в траву.

– Тела забираем. Никаких следов! – распорядился прапорщик.

С левой стороны из кустов выбежал еще один. Боец слева аккуратно принял его и уложил носом в асфальт. Я оглядывался по сторонам, выставив перед собой оружие, пытаюсь определить, есть ли еще кто-то. За спиной раздался выстрел. Похоже, уже прикончили того, кто прибежал слева.

Вдруг сверху, в кронах, раздалось какое-то шуршание, и уже, не разбирая, кто там или что, я выпустил на звук короткую очередь. Похоже, выстрелил не только я один. В унисон со моей очередью прозвучала еще одна.

С сосны на мох свалился человек, он начал что-то хрипеть, а рядом с ним упало что-то тяжелое. Прапорщик полетел к нему, выставив перед собой ствол и крикнул мне на ходу:

– Третий, там еще один! Третий, надо уничтожить.

Я ничего не понял, но буквально через долю секунды мой взгляд сфокусировался, и я увидел темный силуэт среди кустов. Он словно материализовался прямо передо мной, и сверху – венчающее эту тень бледное лицо и полные ужаса глаза. В руке у тени я заметил пистолет, и готов был уже нырнуть в траву, обойма моя, скорее всего, закончилась, и настало время ее поменять.

Но, буквально в тот же миг, ствол полетел в сторону, а тень бросилась наутек. Я ринулся за ним. Бежать было тяжело. Убегавший был одет в темное, он, то и дело, терялся из виду. Потом я его засек. Он передвигался рывками, то и дело останавливаясь. Видно было, что он выбился из сил. Я решил сильно не геройствовать и побежал за ним вполсилы.

Потом лес кончился, началось ржаное поле. Я вновь потерял беглеца из виду, но вскоре заметил, что он лежит у дороги ничком, обессиленный.

Подойдя ближе, я увидел, как он часто дышит, обняв руками землю.

– Что, дышишь? – произнес я, направив на него ствол.

Он, повернув голову на бок, смотрел куда-то вдаль. Глаза его ничего не выражали.

В шлемофоне заквакал голос прапорщика:

– Никаких разговоров! Вали его! Контрольный в голову!

И задай пеленг, мы к тебе уже идем.

Я сорвал с себя шлемофон и отшвырнул в сторону. Свежий ветер приятно трепал взмокшие волосы.

– Что, страшно?! – прорычал я, наклонившись к лежавшему на земле парню.

Лицо его ничего не выражало. Наверное, смирился со своей участью или перегорел. Прикрыл глаза.

– А ТЕМ НЕ СТРАШНО БЫЛО?! – взревел я и с размаху саданул его ногой в ребра.

Здоровый... Верзила попытался подняться, перевернулся и, сев на землю, начал пятиться от меня назад.

Я, не снимая перчатки, левой рукой вlepил ему оплеуху.

– КОТОРЫХ ВЫ ТОПИЛИ?!

Потом еще одну и еще. Он завалился навзничь.

– ЖГЛИ?! СТРЕЛЯЛИ?!

Еще раз ногой.

– Думал, это все никогда не кончится?

А ведь он такой же, как и все мы. Обыкновенный человек. Такой же, как я, Майк. Игрушка в руках каких-то обстоятельств. Марионетка...

Он копошился на земле, пытаясь стать на четвереньки.

– Давай, кончай уже... Делай свое дело... – прохрипел он.

Я подошел к нему, схватил за шиворот и помог подняться. Резким движением я привлек его к себе, прижав к горлу

ствол Стечкина, который до сих пор находился в моей правой руке. А затем, громко харкнув, я смачно плюнул ему в рожу...

– Вали – коротко сказал я ему. Я слегка толкнул его вперед, не спуская оружия.

– Чего? – непонимающе спросил он, утираясь рукавом.

– Вали! – повторил я – я хочу, чтобы ты жил. И быстрее, а то передумаю...

Он вдруг опомнился и, ковыляя, побежал прямо через поле.

Нет, это не жалость.

Я подошел к лежащему неподалеку шлемофону и поднял его.

Это не жалость. Просто... Память об этом не должна исчезнуть. Она должна жить... Зачем превращать бандита в мученика. Пускай живет и помнит.

Из шлемофона доносилось гневное квакание прапорщика.

Я подошел к речке и кинул шлемофон в воду. Он проплыл пару метров, а потом, качнувшись, набрал воды и, издав последний возмущенный квак, ушел под воду.

Я знал, что я делаю.

Когда-то один малоизвестный поэт, которого звали Игорь Чекомазов, написал ответ самому Бродскому.

Я до сих пор его помню наизусть. Каждое слово...

Я шел вдоль берега и сам себе начал тихо его напевать.

– На барахолках, в овражках,
в борделях и даже в сортирах,
в маленьких каталажках,
и прямо в стрелковых тирах,

В прахе и в тлене прямо,
на Этне и на Фудзи-Яме,
Из звездного света сотканы,
Под небом стоят истуканы.

В журнале «Новый мир» напечатали только этих восемь строчек.

А ведь никто не знает, что оно все-таки было закончено. Никто, кроме меня, ну и разумеется, самого Игоря. Еще там в Норильске, когда я собирался уезжать, я нашел его записанным на клочке бумаги. Еще двадцать четыре строки. Мелким убористым почерком. Двадцать четыре строчки, перечеркнутые крест-накрест. И сбоку корявыми буквами дописано:

Поздно. Уже слишком поздно

Может быть. Но только не для меня... Для меня это было в самый раз. Эти строки не раз помогали мне в трудные моменты моей жизни, и сейчас нужно были, как никогда.

Голос мой набирал силу. Я чувствовал, что правильное решение где-то рядом.

– Банальны они, нормальны,
Пресыщены и перегреты,
Внутри у них нету тайны
В душе у них нету света.

Пред ними молчат ураганы,
и зарева что-то гасит,
под ними тверды океаны,
и звон тишины им возгласит:

о том, что они не такие,
нет-нет, совершенно другие,
и непроглядно пустые,
и несомненно простые,

О том, что все это правдиво,
о том, что жизнь быстротечна,
она несомненно красива,
и лишь потому, что конечна

А, значит, не так уж глупо
не бояться ни Бога, ни черта.
...А, значит, еще доступна
дорога иного сорта.

И пусть открываются тайны,
И пусть набираются света.
Ведь это совсем не случайно...
Хотя, может, и не заметно...

Я знал, что я делаю.

Вслед за шлемофоном, в воду отправился пистолет-пулемет системы Стечкина и кевларовые перчатки. Затем я стянул с себя и кинул в реку берцы и комбинезон. Стоя в исподнем на берегу, я замороженно смотрел, как все это медленно намокает и тонет.

Вдруг за спиной прозвучал знакомый умиротворяющий голос:

– Ты все в реку кинул, что хотел, Искандер-ага?

Я обернулся. За моей спиной метрах в пяти стоял дядя Ибрагим. Взгляд его был таким теплым, что я совершенно забыл удивиться его появлению.

– Кажется, да – немного подумав, ответил я.

– Тогда поехали – ответил он и махнул мне рукой. Недалеко, на обочине грунтовки стояла его старенькая Нива.

Глава 48. Шон. И это еще не конец.

Как бы это странно ни звучало, но я был все еще жив.
Some-Body (Вроде-Тело).

Прихрамывая, с набухающим синяком под глазом, Шон медленно шел через ржаное поле. Место это он не знал, и поэтому не помнил, откуда он приехал, и где находится город, и куда ему следует идти. Он шел наобум, никуда не торопясь.

Саднило плечо, ныл бок, в глаза забились какая-то пыль, набирал приличные размеры пульсирующий желвак. Сбитые в кровь ноги не хотели слушаться, а на душе было так противно, что хотелось забиться куда-нибудь в дальний грязный угол и сидеть там очень-очень долго... Но, жизнь продолжалась. Эта странная, дерьмовая, непонятная жизнь все еще продолжалась, и с этим надо было считаться, и надо было куда-то идти, что-то решать, кого-то спасти и от чего-то спастись, трястись за свою шкуру и добывать хлеб насущный, а также делать очень много других, часто совершенно ненужных необъяснимых вещей...

Теперь он был вырван из контекста, просто выдран с мясом, почти что мертвый, едва живой. Каким-то непонятным чудом спасшийся, он растерял все свои ориентиры. Все те, с кем он сегодня сюда приехал, были мертвы, и это давало ему какое-то тайное чувство свободы. Свободы ни с кем не

считаться.

И он тоже должен был быть уже мертв по всем законам жанра. Но он был жив. По какой-то странной прихоти этого ненормального человека, он был жив.

Поле кончилось, тропинка, по которой он шел, сворачивала направо и шла вдоль оврага, спускаясь вниз. Шон порылся в карманах куртки и обнаружил там несколько зеленых бумажек. Это были еще те бумажки, которые дал ему Красавчик. Дал для чего-то – сейчас это уже не имело никакого значения. Про них в суматохе последних дней все забыли. А сейчас этого вполне хватит, чтобы начать скромную новую жизнь.

Новая жизнь... Только новая. Старая сейчас была невозможна, да и, если говорить абсолютно честно, она ему уже порядком опротивела. Как и все его другие старые жизни. Каждая из них в свое время оказалась невозможной. И все они ему в свое время опротивели.

Шон подошел к протянувшейся от горизонта до горизонта нитке железной дороги. Он свернул направо и пошел дальше – вдоль пути. Вдоль пути можно идти очень и очень долго...

Какой будет эта новая жизнь, Шон не знал. Вполне возможно, и даже скорее всего, она будет такой же бездарной, как и все остальные. Но сам миг этот был прекрасен.

Это был один из тех немногих моментов в жизни, когда человек на самом деле способен что-то решить САМ, если он, конечно, поймет это и у него хватит смелости. Решить

сделать ЧТО УГОДНО, КАК УГОДНО и ГДЕ УГОДНО. Просто потому, что он так решил...

Он не хотел загадывать наперед... Почему-то, когда загадываешь наперед, все время получается какая-то фигня. Там, впереди, он обязательно разберется, что к чему, по ходу дела...

А пока он шел вдоль железной дороги. Шел вдоль пути...

Вдалеке показалась небольшая платформа с навесом, под которым стояла аккуратная скамеечка. Сверху над навесом большими буквами было написано:

ГАИ

Шон подошел к навесу и устало опустился на скамеечку. Наконец-то можно спокойно сесть, ни о чем не думать, ничего не делать. Очень-очень долго... Потом, конечно Шон проголодается. И придется о чем-то думать и что-то решать. Но это будет нескоро. Это будет в каком-то другом времени. А пока...

Вдалеке загрохотал поезд. Вот он идет, такой тяжелый, сейчас пронесется, оглушив металлическим лязгом и будет медленно тормозить. На нем можно будет поехать. Поехать и выйти на любой станции. На любой, на какой только он решит... Или... Или всего один рывок. Закрыв глаза. И больше никогда ничего не надо будет решать...

Шон потряс головой, встал и медленно пошел в сторону замедляющего ход поезда. Сейчас двери откроются, и он войдет в вагон, и поедет. Куда-то... Или все-таки рывок?

Шон прикрыл глаза.

Поезд остановился, двери отворились, Шон открыл глаза и прямо перед собой увидел молодую женщину. Она удивленно смотрела на него и вдруг воскликнула:

– О. Боже мой, кого я вижу!

Шон стал крутить головой по сторонам, думая, что она говорит это кому-то другому, тому, кто стоит у него за спиной.

– Да это наш рыцарь без страха... без страха, зато с множеством упреков.

За спиной никого не было. Шон ошарашенно посмотрел на нее и тихо сказал:

– Привет.

Это была Татьяна. Сейчас он понял это. Теперь волосы ее были аккуратно сложены в клубок, а на ней была серая блузка и темная юбка ниже колена. Только глаза, все те же. с какой-то чертовщинкой, с таким же интересом смотрели на него.

– А я вот не смогла нигде найти работу у вас в городе. Пойду опять в свою деревню, детей учить. У меня там класс пять учеников.

Шон вспомнил, как она рыдала у него в машине и сползала вниз с неудобного сиденья, а юбка, и без того короткая, задиралась все выше и выше... И как энергично она пыталась поставить сломанный каблук на место, и как заблестели тогда глазки у Татарина...

– А ты что здесь делаешь, рыцарь?

– Грибы собираю – сказал наобум Шон, ощупывая свой синяк.

– Где же твое лукошко, грибник? – спросила Татьяна.

– Зови меня... – он хотел сказать: «Зови меня Шон», но запнулся.

По правде говоря, это имя уже давно перестало ему нравиться.

– Зови меня Саша – поправил сам себя он. А ведь его уже очень давно никто не называл по имени. А он – Саша... На самом деле – Саша... Простой парень Саша... По фамилии Гуль.

– Какой же ты смешной, Саша – грустно сказала Татьяна.

Двери закрылись и поезд тронулся, постепенно набирая скорость.

– А знаешь, не так уж и хорошо там, в городе... – сказал Саша.

И они медленно пошли по тропинке вдоль оврага.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.